2
32

А2 8/32

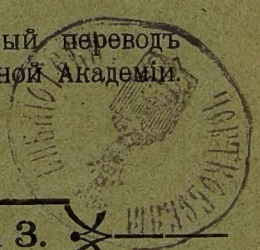
ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

Архіепископа Кесаріи Каппадокійскія.

Новый исправленный переводъ
Московской Духовной Академіи.



Книга 3.

Безплатное приложеніе къ журналу
„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ за 1911 г.
Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.

№ 1538
5/IV 1931 г.

научаемый всякое окружающее его вещество употреблять въ свою собственную пользу. Напримѣръ, не „покопанъ“ богачъ, подавляющій душу бременемъ земныхъ вещей. На него не сходитъ и дождь небесный, потому что не достаетъ до корня, на который наложено много суеты. Но кто научился сокрушительнымъ словомъ отдалять отъ себя толпу вещей земныхъ и тлѣнныхъ, отдыхать послѣ тѣсноты, раскрывать свое внутреннее, исторгать и какъ бы изсушать покаяніемъ „корни горести“, тотъ „покопанъ“. Все это препятствуетъ разрастаться и терніямъ, то есть, заботы о сей жизни не будутъ имѣть мѣста при исторженіи земнаго. Въ объясненіе словъ: „не обрѣжется“, должно еще взять и сказанное въ Евангеліи отъ Іоанна: „Азъ есмь лоза истинная, и Отецъ Мой дѣлатель есть. Всяку розгу о Мнѣ не творящую плода, изметъ ю: и всяку творящую плодъ, отребитъ ю, да множайшій плодъ принесетъ“ (Іоан. 15, 1. 2). Посему худый „приставникъ дому“ говоритъ: „копати не могу“ (Лук. 16, 3); а добрый и благоразумный приставникъ искусно окапываетъ, то есть приводитъ въ дѣйствіе все, что у него есть, и приспособляетъ къ существенной своей жизни, показывая, что какъ земля отдѣленная отъ корня дѣлается пищею растенія, а лежащая на корнѣ гнететъ его и обременяетъ, такъ и множество имущества, обременяя собою богатыхъ, давитъ ихъ души въ глубину, отчужденное же обладающими на подаяніе нуждающимся, чрезъ это одно, дѣлается собственностію богатыхъ. Вслѣдствіе же того, что виноградникъ не обрѣзывается и не окапывается, всходитъ на немъ, „якоже на лядинѣ, терніе“. О преданныхъ заботамъ житейскимъ Спаситель нашъ сказалъ, что они—земля, которая произращаетъ терніе, и хотя принимаетъ въ себя плодъ слова, однако же подавляетъ его терніями (Лук. 8, 14). Посему въ душѣ невоздѣланной великое множество заботъ. Потому и сказано: „взыдетъ на немъ, якоже на лядинѣ, терніе“.—Замѣть же, что выше сказано: „ждахъ, да сотворитъ гроздіе, и сотвори терніе“; а здѣсь присовокупилъ: „и взыдетъ“. Ибо восхожденіемъ терній слово выражаетъ какую-то великость зла и обширное его распространеніе.

Потомъ, поелику произведенія винограда худы, то отъемлется у него и дождь; потому что пособіе дождя употреблялъ онъ не на должное. Такъ, когда и мы данныя намъ отъ Бога средства употребляемъ не на добро, отнимается отъ насъ небесная помощь. Если же виноградъ—Израиль остается невоздѣланнымъ, не только потому, что не приноситъ Владыкѣ требуемыхъ отъ него плодовъ, но и потому, что сперва посылаемыхъ рабовъ билъ, побивалъ камнями и убивалъ, впослѣдствіи и на самаго Сына Владыки возложилъ убійственныя руки; всѣ же сіи лукавыя и неправедныя дѣла названы терніями, какъ произрастенія проклятой земли, то дается заповѣдь облакамъ не дождить на виноградъ, приносящій по

добные плоды. Какія же это облака и какой дождь? Попытаемся изъ естествословія облаковъ почерпнуть смыслъ сказаннаго. Итакъ, облако есть сгущенный воздухъ, составившійся изъ влажнаго земнаго испаренія, потомъ поднятый вверхъ вѣтрами. Когда получитъ оно отъ нихъ значительную густоту и отъ разсѣянной въ немъ влажности сдѣлается достаточно тяжелымъ, тогда изливаетъ на землю капли. Такова-то природа дождей, имѣющихъ начало свое на землѣ и чрезъ воздухъ опять ниспадающихъ на землю. Таковы были и пророки, воздвигнутые изъ общаго всѣмъ естества, но по чистотѣ душевной возвышенные силою Духа и точащіе капли плодотворныхъ словесъ въ души добрыя и плодоносныя. Таковъ былъ и Моисей, который говоритъ: „да чается яко дождь вѣщаніе мое“. И еще: „яко туча на троскотъ, и яко иней на сѣно“ (Втор. 32, 2). Итакъ самыя Силы небесныя пріемлютъ повелѣніе не дождить на виноградникъ, произрастившій тернія и собственными своими терніями увѣнчавшій своего Владыку. Посему нынѣ, въ этой синагогѣ, безмолвствуетъ слово Божіе, и нѣтъ уже ни пророка, ни князя, ни вождя (Дан. 3, 38), но страшная ясность и безоблачность неба, во исполненіе надъ нею древней клятвы: „и будетъ небо надъ главою твоею мѣдяно, и земля подъ тобою желѣзна“. И еще: „да дастъ Господь дождь земли твоей прахъ; и персть съ небесе снидетъ на тя, дондеже сокрушитъ тя“ (Втор. 28, 23. 24). Ибо нѣтъ болѣе облаковъ духовныхъ, нѣтъ пророка, потому что твердо соблюдается заповѣдь Божія. И хотя говорится, что облака дождятъ, но тѣмъ не менѣе дождящій есть Господь. Ибо Пророкъ говоритъ: никто не дождитъ, какъ Ты (Іерем. 14, 22). И опять отъ лица Божія говорится: „и надождю на единъ градъ, и на другій (единъ) не надождю: часть едина надождится, и часть, на нюже не надождю, изсохнетъ“ (Амос. 4, 7). По домостроительству благаго Бога, участокъ злыхъ не орошается дождемъ, чтобы засохли на немъ прозябенія лукавства. Пророкъ ясно выразилъ намѣреніе слова, что виноградомъ называется Израиль, и угрожаетъ, что на немъ исполнится возвѣщенное и предсказанное.

„И человѣкъ Іудинъ, новый садъ возлюбленный“. Наименованіе Іакова раздѣлилось между Израилемъ и Іудою, сперва при Давидѣ, когда, по смерти Саула, народъ раздѣлился между сыномъ Сауловымъ и Давидомъ; а наконецъ при Роваомѣ, когда отторгъ десять колѣнъ Іероваомъ, сынъ Наватовъ, который ввелъ Израиля въ грѣхъ. Посему народъ и нынѣ имѣетъ двоякое наименованіе. Изъ четвертой же книги Царствъ оказывается, что Израиль грѣшилъ болѣе; почему скорѣе отведенъ въ плѣнъ. И у Іезекіиля (4, 5. 6) за грѣхи Израиля считаются девяносто три дня [1]), а за грѣхи Іуды сорокъ дней. Посему и здѣсь виноградъ,

[1]) Въ текстѣ: сто девяносто.

приносящій терніе, есть домъ Израилевъ, а „человѣкъ Іудинъ“—не виноградъ, но „юный садъ“, не безъ воздѣлыванія оставленный, но „возлюбленный“. Кто же сей человѣкъ, происшедшій отъ Іуды, цвѣтущій жизнію и по истинѣ возлюбленный, сіе не трудно видѣть упражнявшемуся въ подобныхъ умозрѣніяхъ.

„Ждахъ, да сотворитъ судъ, сотвори же беззаконіе, и не правду, но вопль“. Поелику, по слову Соломона, „мысли праведныхъ судьбы“ (Притч. 12, 5); то требуется, чтобы мы все дѣлали съ разсужденіемъ, и ничего не дѣлали безразсудно. Ибо за жизнію безразсудною и не обдуманною слѣдуютъ беззаконія. И кто не слѣдуетъ здравому ученію и не разсуждаетъ по данному правилу закона, что должно дѣлать, и чего нѣтъ, тотъ дѣлаетъ беззаконіе, и бываетъ не дѣлателемъ правды, но виновникомъ вопля, мятежа и замѣшательства. Почему за судами праведными слѣдуетъ безмолвіе подсудимыхъ, съ твердостію принимающихъ опредѣленія, а за судами неправедными слѣдуютъ вопль и мятежное волненіе негодующихъ на неправду. О семъ воплѣ и Апостолъ увѣщеваетъ, говоря: „всякъ кличъ“ и мятежъ „да возмется отъ васъ со всякою злобою“ (Еф. 4, 31). Но есть и прекрасный вопль, какимъ взывалъ Господь, стоя во храмѣ (Іоан. 7, 37), какимъ пользовался и Давидъ, говоря: „гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ“ (Псал. 141, 2). И нимало не удивительно, что одно наименованіе сопряжено съ вещами противоположными, и означаетъ то смятенное и взволнованное состояніе, то велегласность и возвышенность небесныхъ догматовъ. Но въ настоящемъ реченіи вопль сроденъ съ тѣмъ воплемъ, какой восходилъ изъ Содома и Гоморры (Быт. 19, 13).

(8) „Горе совокупляющимъ домъ къ дому, и село къ селу приближающимъ, да ближнему отъимутъ что: еда вселится едини на земли? (9) Услышася бо во ушесахъ Господа Саваоѳа сія: аще бо будутъ домове мнози, въ запустѣніе будутъ велицыи и добріи, и не будутъ живущіи въ нихъ. (10) Идѣже бо возорютъ десять супругъ воловъ, сотворитъ корчагъ единъ, и сѣяй артавасъ шесть, сотворитъ мѣры три.

Теперь называются жалкими тѣ, которые, вожделѣвая большаго, урѣзываютъ имущество ближнихъ, и въ поляхъ не довольствуются своими владѣніями, и въ домахъ не удовлетворяются собственными, но при воздѣлываніи земли заходятъ за межу, пригораживаютъ къ себѣ домы сосѣдей, и стѣсняемые собственною своею любостяжательностію не хотятъ оставаться въ собственныхъ своихъ предѣлахъ, пользуются же для непомѣрнаго корыстолюбія тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что имѣнія сосѣдей, повидимому, смежны и соединены съ ихъ имѣніями. Къ нимъ-то слово простерло сильное обличеніе, говоря: „еда вселится едини на земли?“ Ибо, если сосѣдъ, воздѣлывающій свой участокъ земли, долженъ

его лишиться, то очевидно, что, по удаленіи этого сосѣда, у тебя опять явится другой, и твое корыстолюбивое сердце внушитъ тебѣ мысль сказать и ему то же, представляя благовидныя причины, по которымъ поле ближняго должно сдѣлаться твоимъ. А когда и этотъ отойдетъ отъ тебя лишенный своей собственности, и поле третьяго сосѣда сдѣлается частію твоего владѣнія: тогда опять новый сосѣдъ, новыя заботы, какъ и его согнать съ владѣемой имъ земли, и достояніе четвертаго сосѣда обратить въ свою собственность. Какой же будетъ предѣлъ желанію большаго? Ибо любостяжательное сердце уподобляется огню, который дальше и дальше идетъ по сгараемому веществу, и одно разрушаетъ, другое охватываетъ. Какъ недостатокъ горючаго вещества тушитъ пожаръ; такъ любостяжательное сердце и несытый глазъ однимъ только останавливаются, тѣмъ, чтобы не имѣть ни одного сосѣда на рубежѣ своихъ владѣній. Посему пророческое слово, издалека врачуя страсть, какъ бы желая усыпить своею пѣснію корыстолюбивую душу, говоритъ сіе: „еда вселитеся едины на земли?“ Если у тебя есть пожеланіе къ имуществу сосѣда, а безъ сосѣда, конечно, никогда не останешься; то очевидно, что тебѣ нужно будетъ простираться до крайнихъ предѣловъ обитаемой нами вселенной.

Если же это не возможно; то при первой мысли останови, человѣкъ, свое стремленіе къ злу, удовольствуйся тѣмъ, что получилъ, останься при томъ, что имѣешь, зная, что и великолѣпные домы, построенные неправедно, остаются безъ обитателей, и множество полей, присвоенныхъ любостяжательностію, оказывались часто не дающими плодовъ. Ибо наказаніе Божіе не рѣдко предваряетъ будущій судъ, и неправедно пріобрѣтенные домы обращаетъ въ вещь безполезную; послѣ многолюднаго въ нихъ обитанія и блистательнаго обилія дѣлаетъ ихъ не имѣющими обитателей. И дѣйствительно, часто узнаемъ, что цѣлые роды исчезли совершенно, и за неимѣніемъ преемниковъ величественныя и гордыя зданія жилищъ сравнились съ землею. И всѣ, которые вторженіемъ въ предѣлы ближнихъ расширили предѣлы собственныхъ владѣній, оказались совершенно чуждыми Божія благословенія за пріобрѣтеніе имущества со слезами обиженныхъ, такъ что, гдѣ работали „десять супругъ воловъ“, тамъ едва пріобрѣтенъ „корчагъ единъ“, и гдѣ посѣяно „шесть артавасъ“ [1]), едва собрано три мѣры плодовъ, то есть самая малая часть сѣменъ.

Итакъ пророческое изреченіе, само по себѣ взятое, заключаетъ въ себѣ много полезнаго. Но трудолюбивому, чрезъ возведеніе смысла къ высшему разумѣнію, можно увеличить пользу сего пророчества. Ибо подъ

[1]) „Артавасъ“ древняя Персидская мѣра сыпучихъ тѣлъ, вмѣстимостію равняющаяся почти Греческому медимну, что составляетъ около 2-хъ чертвериковъ.

домомъ можно разумѣть ученіе и дѣла каждаго, по тѣсной связи и единству построенія понятій въ каждомъ ученіи. Посему, какъ въ дому основаніе держитъ на себѣ прочую постройку; такъ и въ ученіяхъ есть нѣкоторыя предположенія и первыя начала, на которыя опираясь, излагающіе ученіе въ строгой послѣдовательности и связи съ первыми началами ведутъ дальнѣйшую ткань. Потому, если кто ученіе вѣры, имѣющее основаніемъ и началомъ Господа нашего Іисуса Христа, сопрягаетъ съ ученіями чуждыми и далекими отъ богочестія; то всякаго такого оплакиваетъ пророческое слово; потому что онъ дѣлаетъ, чего не должно, „совокупляя домъ къ дому“.

А что ученія о богочестіи называются домомъ, сему научаетъ насъ самъ Спаситель, притчею, говоря: „всякъ, иже слышитъ словеса сія Моя, уподобится мужу мудру, иже созда храмину свою на камени“ (Матѳ. 7, 24). Но кажется, и Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ научаетъ насъ, что каждый изъ вѣрующихъ во Христа созидаетъ себѣ домъ. Ибо говоритъ: „основанія инаго никтоже можетъ положити паче лежащаго, иже есть Христосъ. Аще ли кто назидаетъ на основаніи семъ злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе“ (1 Кор. 3, 11. 12). Поелику же изъ построевающихъ ученія, одни, мудрствуя о томъ, что достойно смѣха и осмѣянія, какъ бы смѣхъ созидаютъ; а другіе, будучи умнѣе, построеваютъ достойное вниманія: то Михей, ниспровергая зданія достойныхъ осмѣянія, говоритъ: „иже въ Геѣ, не величайтеся, и иже въ Акаримѣ [1]) не сограждайте изъ дому на посмѣяніе ваше“. И онъ же опять, укоряя негодныхъ учителей, говоритъ: „слышите сія, старѣйшины дому Израилева, гнушающіися судомъ, и вся правая развращающіи, Сіона кровми, и Іерусалима неправдами“ (Мих. 1, 10. 3, 9, 10)! Ибо всякій, кто составляетъ ученія чуждыя, созидаетъ Сіонъ, то есть стражбницу свою, „кровми“; и кто составляетъ „церковь лукавнующихъ“ (Псал. 25, 5), созидаетъ „Іерусалима неправдами“.

Итакъ, ежели два есть рода строительствъ, одно доброе на камнѣ и на основаніи Христа, другое непорочное, которое и смѣшно и причиняетъ погибель: то пророческое слово справедливо называетъ жалкими тѣхъ, которые добрый домъ совокупляютъ съ худымъ, и какъ бы смѣшиваютъ несоединимое. Но размысли, не всякій ли человѣкъ, чему бы ни сталъ онъ учить объ истинѣ, по предзанятымъ здравымъ и истиннымъ понятіямъ, согласнымъ съ понятіями общими, какія всѣяны въ насъ самимъ Создателемъ, имѣетъ добрый домъ; а когда, уклонясь отъ истины, вводитъ нѣчто чуждое Божію ученію, заимствованное изъ языческаго заблужденія, тогда какъ бы совокупляетъ къ прекрасному дому худой домъ? И сіе сказано на слово о домѣ.

[1]) У Седмидесяти и въ Славянскомъ переводѣ: „Іенакимляне“.

Поелику же святый есть не только „Божіе зданіе“, но и „Божіе тяжаніе“ (1 Кор. 3, 6), какъ говоритъ блаженный Павелъ; и самая душа требуетъ основанія, какъ домъ, и укорененія, какъ растеніе (ибо сказано: „въ любви вскорени и основани“ Ефес. 3, 17): то разсмотримъ, что значитъ приближеніе села къ селу, за которое иные, худо и со вредомъ себѣ производя его, подвергаются положенному осужденію. Посему изслѣдуемъ то, что сказано о земледѣліи; потому что оно сродно съ настоящимъ предметомъ. Есть прекрасное насажденіе, о которомъ говоритъ Соломонъ: „насадихъ ми виноградъ, сотворихъ ми вертограды и сады, и насадихъ въ нихъ древесъ всякаго плода“ (Еккл. 2, 4. 5). Но есть и такой „садъ, егоже не насади Отецъ небесный“ (Мато. 15, 13), и который искореняется, по угрозѣ Господней. Этотъ садъ имѣетъ въ себѣ виноградъ отъ растенія Содомскаго и „розу отъ Гоморры“, производитъ „гроздъ желчи“, и „гроздъ горечи“ приноситъ владѣльцамъ; „ярость зміевъ вино ихъ, и ярость аспидовъ неисцѣльна“ (Втор. 32. 32, 23). Посему, кто владычественное души своей засадилъ всякимъ плодоношеніемъ духовнымъ, и къ укорененному въ немъ отъ рожденія Творцемъ для явленія плодовъ правды прилагаетъ нѣчто отъ лукаваго земледѣлателя, того пророческое слово именуетъ жалкимъ за возбраненное приближеніе „села къ селу“. По сей причинѣ угрожаетъ ему безплодіемъ; потому что не приноситъ онъ образцовъ плода, сообразныхъ съ преподаннымъ ему ученіемъ. „Идѣже бо возорютъ десять супругъ воловъ, сотворитъ корчагъ единъ“. Реченіе сіе выражаетъ мѣстный обычай въ Финикіи вспахивать виноградникъ волами; а вмѣстѣ пророческое слово указываетъ на тѣхъ, которые держатся той и другой стороны, привязаны къ противоположнымъ ученіямъ и связываютъ ихъ одно съ другимъ. Души такихъ людей безплодны.

(11) „Горе востающимъ заутра, и сикеръ гонящимъ, ждущимъ вечера: вино бо сожжетъ я. (12) Съ гусльми бо и пѣвницами, и тимпаны, и свирѣльми вино піютъ, на дѣла же Господня не взираютъ, и дѣлъ руку Его не помышляютъ“.

Сія предложенная часть пророчества заключаетъ въ себѣ изъясненіе Апостольскаго изреченія; ибо тамъ сказано: „піяницы царствія Божія не наслѣдятъ“ (1 Кор. 6, 10); а здѣсь: „горе востающимъ заутра, и сикеръ гонящимъ“. У Евреевъ въ обычаѣ—называть сикеромъ всякій напитокъ, который можетъ произвести опьяненіе. Посему Пророкъ оплакиваетъ тѣхъ, которые тотчасъ съ наступленіемъ дня, по слову притчи, „на чаши и стклянницы вдаютъ очи свои, назирающе, гдѣ пирове бываютъ“ (Притч. 23, 31), заглядывая въ мѣста винопродажи и въ корчмы, принимая другъ друга на вечеринки, и на заботы о подобныхъ вещахъ истощая все душевное попеченіе. Они не удѣляютъ себѣ ни малаго вре-

мени на размышленіе о чудесахъ Божіихъ, не даютъ очамъ досуга возрѣть на небо и на красоты его, чтобы по украшенію всего этого заключить о „Рододѣлателѣ“ (Прем. 13, 5), но украшая свою вечеринку испещренными коврами и цвѣтными занавѣсами, выказываютъ излишнюю рачительность и тщательность, въ устройствѣ сосудовъ для питія, придумывая сосуды прохлаждающіе, роги, фіалы, стаканы изъ плюща, чаши и другіе подобные по именованію и виду приборы для пьянства; какъ будто разнообразіе сосудовъ можетъ утаить отъ нихъ пресыщеніе, и обмѣнъ и передача чашъ—составить достаточное промедленіе во время питья. Потомъ, начиная пить другъ за друга и вступая въ состязаніе, кто больше выпьетъ, удерживаются ли отъ какихъ либо излишествъ, къ стыду своему? И побѣжденные и побѣждающіе—всѣ упиваются. Бываютъ же при этомъ какіе-то князья вечеринокъ, главные виночерпіи и учредители пира: въ безпорядкѣ видѣнъ порядокъ и въ неблагочинномъ дѣлѣ устройство! Упиваются начальствующіе, упиваются слуги; все полно смѣющихся и пьяныхъ. Жалкое зрѣлище для очей христіанскихъ! Потомъ, какъ мірскимъ властямъ придаетъ могущества важность оруженосцевъ: такъ и пьянство, подобно царицѣ окружая служителями, избыткомъ усердія закрываютъ позоръ его. Сверхъ сего вѣнки и цвѣты, разсыпаемые во время вечеринокъ, благовонныя масти и куренія и тысячи придуманнымъ посторонними увеселеній доставляютъ большое развлеченіе гибнущимъ, уготовляя имъ вѣчное наказаніе, равномѣрное настоящимъ веселостямъ. Потомъ, съ продолженіемъ пиршества являются свирѣли, гусли и тимпаны; на которыхъ въ дѣйствительности оплакиваются погибающіе, и сладкозвучіемъ которыхъ, по предположенію упивающихся, должны возбуждаться въ нихъ всѣ душевныя удовольствія, какъ будто одно вино, производимымъ посредствомъ него разгоряченіемъ, въ жалкой душѣ упивающагося не можетъ пробудить роя пожеланій, а надобно, чтобы у нихъ и всѣ чувства предавались очарованію удовольствія, слухъ упоевался стройными звуками, обоняніе наполнялось благовонными куреніями, уста служили входомъ вину, глаза видѣли происходящее, или, лучше сказать, превратно видѣли, потому что упоеніемъ похищена вѣрность чувства.

Посему-то сказано: „горе востающимъ заутра, и сикеръ гонящимъ, ждущимъ вечера“, и провождающимъ въ этомъ цѣлые дни, такъ что у нихъ нѣтъ вовсе времени „взирать на дѣла Господня, и помышлять о дѣлахъ руку Его“. Ибо когда имъ поучаться о Богѣ? Утромъ? Но, едва вставъ отъ сна, „гонять сикеръ“. Въ срединѣ дня? Но тогда особенно увеличивается и учащается у нихъ пьянство. Вечеромъ? Но они еще пьютъ, и хотя день уже у нихъ протекъ, однако же пьянство не прекращается; напротивъ того въ большей еще мѣрѣ предаются ему ночью.

такъ какъ ночь собственно для нихъ пригодна Посему „горе востающимъ заутра и сикеръ гонящимъ, ждущимъ вечера“.

Потомъ Пророкъ показываетъ причину, по которой могутъ они долго предаваться пьянству. „Вино бо сожжетъ я“. Вотъ причина, по которой въ нихъ желаніе пить ненасытимо. Когда, говоритъ Пророкъ, выпито большое количество цѣльнаго вина, тогда, производя въ тѣлѣ сильное разгоряченіе, изсушаетъ оно естественную влагу въ пьющемъ. А послѣ сего, какъ думаю, вино само себѣ служитъ поджогой, и напередъ выпитое расширяетъ мѣсто для вышиваемаго вновь. И какъ овраги, пока течетъ въ нихъ вода, кажутся полными, а когда влага стечетъ, остаются сухими, каменистыми и невлажными; такъ и тѣла упивающихся, будучи расширены неумѣреннымъ употребленіемъ вина, поглощаютъ и естественную влажность. „Ждущимъ вечера“; по этой причинѣ, говоритъ Пророкъ, ждутъ они вечера. „Вино бо сожжетъ я“. Огонь, заключенный въ винѣ, перейдя въ тѣло, дѣлается воспаляющимъ веществомъ для разжженыхъ стрѣлъ врага; потому что вино потопляетъ собою и разсудокъ и умъ, а похоти и сластолюбіе воспламеняетъ, какъ масло—огонь. Почему сказанное: „вино сожжетъ я“, относимъ не только къ желанію пить, но и вообще къ распаленію, производимому въ тѣлѣ.

Потомъ пророческое слово, еще въ большемъ видѣ обнаруживая неприличіе, продолжаетъ: „съ гусльми бо и пѣвницами, и тимпаны, и свирѣльми вино піютъ“; ибо молодые гуслисты, на бѣду встрѣтившіеся опьянѣвшимъ глазамъ, играющія на свирѣляхъ и пѣвницахъ, торгующія своею красотою, лики поющихъ и согласное пѣніе людей порочныхъ, погружая тѣла въ нѣгу и разстроивая души, общимъ благозвучіемъ возбуждаютъ опьянѣвшихъ ко всякой срамной и беззаконной забавѣ. И что же выходитъ изъ этого? То, что „на дѣла Господня не взираютъ, и дѣлъ руку Его не помышляютъ“. Но „воззрѣніе“ означаетъ постиженіе предметовъ видимыхъ, съ помощію глазъ; а „помышленіе“ значитъ созерцаніе невидимаго умомъ. Итакъ, поелику „невидимая Божія отъ созданія міра творенми помышляема видима суть“ (Рим. 1, 20); то не взирающій на дѣла не возводится и къ умственному разумѣнію. Посему что же значитъ сказанное? То, что пьянство есть начало безбожія, какъ омраченіе разума, которымъ обыкновенно наипаче познается Богъ. „А дѣла руку“, это—ожидаемое воздаяніе, оный огонь и наказаніе во адѣ, изсохшій языкъ, жаждущій, въ облегченіе, хотя малой капли, отвсюду окружающій пламень, не позволяющій и дыханію вѣтра прохладить внутренній жаръ; вмѣсто играющихъ на свирѣляхъ—стенаніе; вмѣсто неумѣреннаго пьянства—жажда капли, когда плоть упивающихся будетъ опаляться въ пещи; вмѣсто сладострастныхъ зрѣлищъ—глубокая тма; вмѣсто неусыпной похоти неусыпающій червь. Посему погрузившіе умъ свой в

пьянствѣ не могутъ помышлять о сихъ дѣлахъ рукъ. И поелику они не взираютъ на ожидающее ихъ; то пророческое слово справедливо оплакиваетъ ихъ, какъ бы уже дѣйствительно постигнутыхъ бѣдствіями.

Да услышатъ сіе тѣ, которые у себя въ домахъ вмѣсто Евангелія берегутъ гусли и лиры! Пророкъ взываетъ къ нимъ, какъ уже къ погибшимъ, по состраданію любви оплакивая ихъ погибель. „Горе“, говоритъ онъ, „съ гусльми и свирѣльми, и тимпаны, и пѣвницами вино піющимъ“. А у тебя испещренная золотомъ и слоновой костью лира лежитъ на какомъ-то возвышенномъ жертвенникѣ, подобно какому нибудь изваянію и кумиру демоновъ. И еще, бѣдная женщина, вмѣсто того, чтобы научиться, какъ владѣть веретеномъ, по неободимости рабства, научена тобою протягивать руки къ лирѣ, для чего ты, можетъ быть, платилъ за нее деньги, отдавалъ ее въ наученье какой нибудь другой женщинѣ, которая сперва собственнымъ тѣломъ своимъ служила всякому непотребству, а теперь для молодыхъ дѣвъ стала наставницею въ подобныхъ дѣлахъ. За нее въ день суда постигнетъ тебя сугубое бѣдствіе, потому что и самъ ты не потребствуешь, и лукавыми наставленіями отвратилъ отъ Бога бѣдную душу. Вотъ она предстаетъ съ лирою, налагаетъ на нее персты, чтобы извлечь звуки; руки ея обнажены, лице безстыдно. Къ ней обращается все собраніе пирующихъ, къ ней несутся взоры всѣхъ, слухъ съ безмолвіемъ ловитъ звуки, шумъ утихаетъ, смѣхъ умолкаетъ, не слышно непотребныхъ рѣчей, которыми доселѣ старались превзойдти другъ друга, безмолвствуютъ всѣ въ домѣ, очарованные сладострастной игрою. Но умолкающій тамъ не безмолвствуетъ въ церкви Божіей, не умолкаетъ оглашаемый словомъ Евангельскимъ. И не удивительно! Ибо врагъ, который тамъ предписываетъ молчаніе, здѣсь подучаетъ шумѣть. Жалкое зрѣлище для очей цѣломудренныхъ—женщина не за ткацкимъ станкомъ, но съ лирой въ рукахъ, не собственнымъ своимъ мужемъ знаемая, но видимая посторонними, содѣлавшаяся общимъ достояніемъ, поющая не псаломъ исповѣданія, но любодѣйныя пѣсни, не Богу молящаяся, но поспѣшающая въ геенну, не въ церковь Божію стремящаяся, но вмѣстѣ съ собою исторгающая изъ нея другихъ! Волна ей ненавистна, сновать основу и повертывать уткомъ она и не умѣетъ, и не хочетъ. Проводя время съ упившимися, она предается одинаковымъ съ ними занятіями. Подлинно ткутъ онѣ паутинную ткань, какъ будто на какую основу налагая свои руки на натянутые струны, и, часто туда и сюда снуя брящаломъ, какъ ткацкимъ челнокомъ, не даютъ видѣть и конца этой дѣятельности. Ибо въ искусствахъ необходимыхъ для жизни конецъ передъ глазами; напримѣръ: въ столярномъ искусствѣ—скамья, въ домостроительномъ—домъ, въ кораблестроительномъ—корабль, въ ткацкомъ — одежда, въ кузнечномъ—мечъ. А въ искусствахъ пустыхъ, каковы искусства

играть на гусляхъ или свирѣли, или плясать, вмѣстѣ съ окончаніемъ дѣйствія исчезаетъ и самое произведеніе. И подлинно, по слову Апостольскому, „кончина“ симъ „погибель“ (Филип. 3, 19). О семъ распространился я по необходимости, имѣя въ виду тѣхъ, которые, по чрезмѣрной преданности забавамъ, или постоянно, или во время, по ихъ предположенію, веселія, на бракахъ и пиршествахъ употребляютъ при ужинахъ свирѣли, гусли и пѣвницы, распространился, чтобы вы, узнавъ, какъ слово Божіе порицаетъ занятія подобнаго рода, изъ страха угрожающихъ бѣдствій, по крайней мѣрѣ впослѣдствіи, худой навыкъ жизни своей перемѣнили на лучшее.

А если смыслъ пророческихъ словъ изслѣдуемъ съ другой точки зрѣнія; то можно открыть нѣчто иное полезное для душъ нашихъ. „Горе, говоритъ Пророкъ, „востающимъ заутра и сикеръ гонящимъ“, то есть тѣмъ, которые, какъ скоро тма невѣдѣнія разсѣяна для нихъ введеніемъ богопознанія, потому что взошло Солнце правды, изъ беззаконниковъ в безбожныхъ, каковыми были прежде, переименованные богочестивыми и сопричтенные къ Церкви Божіей, до того преодолѣваются плотскими страстями, что выступаютъ изъ ума и падаютъ, какъ омраченные отъ опьяненія. И пророческое слово оплакиваетъ участь подобныхъ людей, то есть и послѣ Божія наученія предающихся упоенію страстей. Ибо знаетъ упивающихся, не рѣдко и безъ вина, Тотъ, Кто говоритъ: „горе вамъ піяніи безъ вина“ (Иса. 28, 1). Ибо какъ вино, принятое внутрь сверхъ нужды, или сверхъ силъ піющаго, обыкновенно омрачаетъ разсудокъ: такъ и страсть похотѣнія, или печали, или гнѣва, овладѣвъ разсудкомъ, одержимыхъ ею дѣлаетъ лишенными ума. Посему жалки и трекратно жалки люди, которые не только въ началѣ жизни погружены въ упоеніе, но „ждутъ вечера“, то есть, до запада жизни предаются страстямъ. Какъ въ одномъ отношеніи „утромъ“ называется то озареніе, какое производится въ сердцахъ знаніемъ Бога, такъ въ другомъ отношеніи—и то состояніе, когда разумъ приходитъ въ зрѣлость, и мы начинаемъ жизнь разумную. Въ обоихъ случаяхъ предшедствовавшая жизнь есть тма и ночь, или потому что не пришелъ еще въ совершенство разумъ, и душа погружена въ неразуміе, или потому что разумѣніе покрыто глубокою тмою, по причинѣ отчужденія отъ Бога. Посему „горе востающимъ заутра“, то есть людямъ, которые едва отложили неразуміе юности, и вмѣсто того, чтобы силою разума мужественно поборать страсти, низлагаются ими и гонятся за страстями, какъ бы за какимъ упоеніемъ. Ибо весьма несчастны тѣ, въ которыхъ при началѣ и прекращеніи жизни не прекращается подобное упоеніе. Между упивающимися—много разностей; одни тотчасъ съ наступленіемъ утра перестали предаваться пьянству, другіе прекратили сіе по прошествіи нѣкотораго вре-

мени, а иные на-долго продлили свое упоеніе. Посему прекрасно, тотчасъ по пробужденіи, взыскать жизнь трезвенную и святительскую, чтобы, не пія ни вина, ни сикера, содѣлаться достойными вступить во Святая. Ибо написано: „и рече Господь къ Аарону, глаголя: вина и сикера не пійте, ты и сынове твои съ тобою, егда входите въ скинію свидѣнія“ (Лев. 10, 9). Но поелику трудно въ естествѣ человѣческомъ преуспѣть въ непогрѣшительности, то вторымъ плаваніемъ называется—вскорѣ послѣ утра востать отъ упоенія.

У тѣхъ же, которые ввыкли въ вино и ищутъ, „гдѣ бываютъ пирове“ мысль такъ занята сими разысканіями, что они не способны взирать на „дѣла Господня“ и помышлять о дѣлахъ „руку Его“. Опьяненіе ихъ увеличиваютъ еще гусли и пѣвница—это изобрѣтеніе Іувала, происходящаго изъ рода Каинова. Ибо сказано: „и взя себѣ Ламехъ двѣ жены: имя единой Ада: и имя второй, Селла. И роди Ада Іовила: сей бяше отецъ живущихъ въ селеніихъ скотопитателей. И имя брату его Іувалъ: сей бяше показавый пѣвницу и гусли“ (Быт. 4, 19—21). Съ такими гусльми и мусикіею знакомъ былъ Лаванъ, и съ ними хотѣлъ онъ отпустить Іакова. „И аще бы ми повѣдалъ еси, отпустилъ быхъ тя съ веселіемъ, и съ мусикіею, и тимпаны, и гусльми“ (Быт. 31, 27). Но Патріархъ избѣжалъ сего, какъ препятствія взирать на дѣла „Господа“ и помышлять о „дѣлахъ руку Его“. И у Навуходоносора, во время обновленія образа, при звукахъ „трубы, и свирѣли, и гуслей, и самвики, и псалтири, и согласія, и всякаго рода мусикійскаго“ падали ницъ „людіе, племена и языцы“ (Дан. 3, 7). А тѣ, которые еще прежде отказывались пить вино Вавилонское и гнушались наслаждаться царскою трапезою, падъ не поклонились; но презрѣли всякое человѣческое могущество и угасили самую силу огня. Если же грѣхъ—не взирать „на дѣла Господня“ и не помышлять о дѣлахъ „руку Его“: то возведемъ очи разумѣнія нашего, увидимъ зиждительные законы дѣлъ Божіихъ, „отъ величества красоты созданій, сравнительно“ съ сотвореннымъ „Рододѣлателя“ тварей познавая (Прем. 13, 5). И поелику „невидимая“ Божія „отъ созданія міра творенми помышляема видима суть“ (Римл. 1, 20); и, можетъ быть, чувственное постиженіе тварей, называется видѣніемъ, а мысленное постиженіе премірнаго именуется „помышленіемъ“: то посему Пророкъ и говоритъ: „на дѣла Господня не взираютъ“, то есть чувственныхъ предметовъ не разсматриваютъ посредствомъ зрѣнія; „и дѣлъ руку Его не помышляютъ“, то есть не доискиваются постигнуть невидимое посредствомъ дѣятельности ума.

А чтобы болѣе намъ уяснилось слово: „заутра“, именно, что возвращеніе изъ тмы, какая бываетъ въ душахъ, отъ неразумія ли юности, или отъ незнанія Бога, и первое вступленіе въ истину называется ут-

ромъ; собери многія мѣста изъ Пророковъ, гдѣ употреблены слова: πρωΐ, или ὄρθρος (утро), и изъ сличенія большаго числа мѣстъ видно будетъ сказанное. Напримѣръ: „посылаше заутра (ὄρθρι) пророкъ“ (Іерем. 25, 4). И: „заутра (πρωΐ) услыши гласъ мой“; и „заутра (πρωΐ) предстану Ти, и узриши мя“ (Псал. 5, 4). И: „отъ нощи утренюетъ (ὀρθρίζει) духъ мой къ Тебѣ, Боже“ (Иса. 26, 9). И: „Боже, Боже Мой, къ Тебѣ (ὀρθρίζω) утренюю“ (Псал. 62, 2). И: „во утрія (εἰς τὰς πρωΐας) избивахъ вся грѣшныя земли“ (Псал. 100, 8). И: „вечеръ водворится плачь, и заутра (εἰς τὸ πρωΐ) радость“ (Псал. 29, 6).

Итакъ почему сообразно прочимъ благодѣяніямъ Божіимъ, явленнымъ людямъ, Пророки посылаются „заутра“? Потому что всякое слово, исходящее отъ Бога, достигаетъ къ намъ, способнымъ слышать волю Божію, касаясь не тѣхъ, которые еще въ дѣтскомъ неразуміи, но тѣхъ, которые имѣютъ уже естественныя понятія къ различенію добра и зла. О нихъ-то говоритъ пророческое слово, что, какъ скоро они приникнутъ, и какъ бы возведутъ душевные взоры изъ прежняго невѣдѣнія въ разумѣніе, и сердечными очами пріймутъ нѣкоторый свѣтъ, тотчасъ спадетъ въ нихъ Божіе слово, опредѣляющее, что должно дѣлать, и что досточестно.

Тотъ же смыслъ имѣетъ и мѣсто въ Псалмѣ: „заутра услыши гласъ мой, заутра востану Ти“ (Псал. 5, 4). Пока вокругъ души нашей ночь, и не восходило солнце, невозможно намъ быть услышаннымъ отъ Бога. Но когда душа, очистившись отъ незнанія Бога, вознесетъ молитвы, ставъ въ свѣтлости разумнаго и духовнаго дня: тогда имѣетъ она Бога слышащаго гласъ ея. Потому пророкъ и говоритъ: „заутра востану Ти, и узриши мя“. Ибо если хочешь востать Богу; то не воставай ни на какое худое дѣло, но исполни заповѣданное Моисею: ты же стань въ этомъ мѣстѣ передо Мною (Исх. 38, 21); стань твердо, непоколебимо, неподвижно, востань къ Нему вѣрою, чтобы содѣлаться достойнымъ видѣть зрѣлища истины. „Востану Ти“, говоритъ Пророкъ, „и узриши мя“. Пока человѣкъ разсматриваетъ красоту, обнаруживающуюся въ вещахъ видимыхъ, называется онъ естествоиспытателемъ или естествословомъ. А когда, простершись далѣе сего, востанетъ Самому Богу, зная уже, въ какой мѣрѣ все крайне прекрасно, и отъ красоты, во всемъ этомъ видимой, востекши къ истинно прекрасному и достолюбезному, что обыкновенно бываетъ видимо только душамъ чистымъ: тогда, проникнувъ въ нѣчто высшее естествословія, и иными называемое превышестественнымъ (μεταφυσικά), можетъ онъ сдѣлаться тайнозрителемъ (ἐποπτικος). Посему говоритъ: когда „востану Ти“ и приближусь умомъ къ созерцанію Тебя, тогда, чрезъ озареніе вѣдѣнія, воспріиму тайнозрительную дѣятельность. Съ симъ согласно сказанное: „небеса повѣдаютъ

славу Божію“ (Псал. 18, 2), не потому что они издаютъ ощутительный для нашего слуха голосъ, но потому что упражнявшійся въ законахъ міростроенія и познавшій устройство всего небеснаго, изъ сего, такъ какъ бы оно издавало гласъ, изучаетъ величіе славы Сотворшаго. Къ сему возбуждаетъ насъ и Пророкъ, говоря: „воззрите очима вашима, и видите, кто показа [1]) сія вся“ (Иса. 40, 26); ибо возвышенно умствовать значитъ взирать вверхъ и чрезъ видимое возводиться къ мысли о Сотворшемъ.

А „отъ нощи утреневать къ Богу“ значитъ нѣчто подобное слѣдующему. Когда станетъ проходить ночь, а день приближится, и мы, „яко во дни“, начнемъ ходить „благообразно, отложивъ дѣла темная, козлогласованія и піянства, любодѣянія и студодѣянія“ (Рим. 13, 12. 13); тогда можемъ сказать: „отъ нощи утренюетъ духъ мой къ Тебѣ, Боже“. А что значитъ сдѣлать въ себѣ утро, Пророкъ даетъ разумѣть присовокупленными словами. Онъ говоритъ: „зане свѣтъ повелѣнія Твоя на земли“. Ибо свѣтъ—тѣ повелѣнія, которыми разсѣвается тма невѣдѣнія; почему и „заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи“ (Псал. 18, 9).

Сказанное же въ сотомъ Псалмѣ: „во утрія избивахъ вся грѣшныя земли“, какъ всякому видѣть можно, сказано загадочно и прикровенно. Это не значитъ, что при началѣ каждаго дня осквернялъ я руки человѣческою кровію. Не то говоритъ пророческое слово. Это, кромѣ того, что гнусно, было бы и неимовѣрно. Ибо, какъ могъ бы онъ каждое утро избивать своею рукою всѣхъ грѣшныхъ на землѣ? Не возможно было бы одному превозмочь всѣхъ; потому что, какъ вѣроятно, согрѣшившихъ было много. Если бы преодолѣть ихъ на войнѣ, то, конечно, избилъ бы въ одно утро всѣхъ, а не въ каждое утро сталъ избивать ихъ. Посему, что же значитъ: „во утрія избивахъ вся грѣшныя земли, еже потребити отъ града Господня вся дѣлающія беззаконіе“ (Псаал. 100, 8)? Выслушаемъ сказанное съ лучшимъ разумѣніемъ, чтобы не сказать чего вопреки пророческому слову, что и не позволительно. Градъ Господень есть совокупность человѣческаго состава; а „грѣшные земли“—не иные кто, но тѣ, о которыхъ говоритъ Спаситель, что „извнутрь отъ сердца исходятъ помышленія злая, зависти, убійства, прелюбодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства“, и тому подобное (Матѳ. 15, 19. и Мар. 7, 21). Сихъ-то грѣшныхъ земли, происходящихъ отъ земной плоти, очищающій себя уничтожаетъ въ собственномъ своемъ составѣ, при каждой мысли о Богѣ. Посему въ душѣ бываетъ „утро“ при каждомъ восхожденіи спасительнаго ученія; и въ сіе-то утро должны быть уничтожаемы всѣ помыслы, производящіе беззаконіе. Ибо, если не пресѣчены въ душѣ первыя движенія къ пороку, то помышленія необходимо перейдутъ въ дѣло. Напримѣръ: помыслъ внушающій прелюбодѣяніе есть „грѣшный земли“;

[1]) У Седмидесяти: κατέδειξε, въ Славян. переводѣ: „сотвори“.

онъ побуждаетъ „воззрѣти на жену, ко еже вожделѣти ея“ (Матѳ. 5, 28). Посему, если острымъ и уничтожающимъ страсти словомъ, какъ бы нѣкоторымъ мечемъ, не будетъ убитъ онъ въ душѣ, и не будетъ это совершено „утромъ“, то есть, по изведеніи его наружу: то, послѣ прелюбодѣянія въ сердцѣ, поведетъ онъ человѣка къ большей степени сего грѣха, вызывая его на грѣхопаденіе тѣломъ. Думаю, что согласно съ симъ сказанное у Іереміи: „проклятъ творяй дѣла Господня съ небреженіемъ, и возбраняяй мечу своему отъ крове“ (Іер. 48, 10). Кто желаетъ избѣгнуть тяжести сей клятвы, тотъ не долженъ духовному мечу давать покоя „отъ крове“ подобныхъ грѣшниковъ.

Подобно сему и теперь сказанное о словѣ: „заутра“. Горе тому, кто, вставъ отъ тмы и ночи невѣдѣнія, съ перваго возраста, какъ скоро возсіяваетъ въ немъ разумъ, едва пробуждается отъ сна, и уже „гонитъ сикеръ“! А побѣжденные страстями, одни остались въ упоеніи страсти, другіе же, очистивъ умъ, взираютъ на красоту видимаго и помышляютъ о личностяхъ (ὑποστασις) и сущностяхъ міра мысленнаго (τῶν νοητῶν). Для видимаго нужно внимательное разсматриваніе, потому „взираютъ“; а мысленное требуетъ изслѣдывающаго разума, потому сказано: „помышляютъ“. Впрочемъ сперва надобно взирать на дѣла Господня, а потомъ уже переходить къ помышленію о нихъ. Таковъ былъ говорящій о себѣ: „Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе неложное, познати составленіе міра, и дѣйствіе стихій, начало и конецъ и средину временъ, возвратовъ премѣны, и измѣненія временъ, лѣтъ круги, и звѣздъ расположенія, естество животныхъ, и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиліе, и помышленія человѣковъ, разнство лѣтораслемъ, и силы кореній“ (Прем. 7, 17—20).

(13) „Убо пленени быша людіе Мои, за еже не вѣдѣти имъ Господа, и множество бысть мертвыхъ глада ради хлѣба, и жажди водныя“. Исторически можно толковать сіе о времени послѣдней осады Іудеевъ, когда они отведены были въ плѣнъ, а другіе гибли отъ голода и жажды. Очевидна и причина, по которой они претерпѣли сіе, именно та, что не познали пришедшаго къ нимъ Господа. Поэтому увѣщаніе, заключающееся въ сихъ словахъ, можетъ быть примѣнено и къ намъ. Говорю же сіе потому, что „гонящіе“ піянство, піющіе вино при запрещенной игрѣ на музыкальныхъ орудіяхъ, занимающіе взоры свои неприличными зрѣлищами, а не хотящіи „взирать на дѣла Господня“, какъ болѣе сластолюбивые, нежели боголюбивые, дѣлаются плѣнниками и подчиненными сопротивныхъ. Но у нихъ „и множество бысть мертвыхъ глада ради“ и по недостатку воды. Ибо „мертвы бываютъ прегрѣшеніи“ (Ефес. 2, 1) не вкушающіе подобающей душамъ пищи; и также мертвы не „воспитанные на водѣ покойнѣ“ (Псал. 22, 2), даже не старающіеся пить отъ

той воды, о которой говоритъ Господь Самарянкѣ: „иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки“ (Іоан. 4, 13). Ибо слышишь: „множество бысть мертвыхъ“, не только „глада“, но и „жажды водныя ради“ потому что пили ту воду, которую нила и Самарянка ибо сказано: „піяй отъ воды сея, вжаждется паки“; но не пили „воды, текущей въ животъ вѣчный“. А сіе побуждаетъ насъ искать вѣдѣнія. Ибо если по причинѣ невѣдѣнія Господа дѣлаются они плѣнниками; то намъ должно возревновать о дарованіи вѣдѣнія.

Но, можетъ быть, и истинное омертвѣніе происходитъ въ душахъ неимательныхъ не отъ глада хлѣба, и не отъ жажды этой чувственной воды, но отъ „глада слышанія слова Господня“ (Амос. 8, 11). Ибо „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изоустъ Божіихъ“ (Матѳ. 4, 4). Посему „не убіетъ Господь души праведныя“ (Притч. 10, 3); и „юнѣйшій бѣхъ, ибо состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы“ (Псал. 36, 25); и: „сынове брачніи, дондеже съ ними женихъ, не могутъ поститися“ (Мар. 2, 19). А гдѣ гладъ и жажда, тамъ и мертвость. Посему чтобы не умереть намъ отъ голода, взыщемъ пренебеснаго хлѣба, и чтобы не истаявать отъ жажды, взыщемъ той воды, о которой сказалъ Господь: „піяй отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки“.

(14) „И расшири адъ душу свою, и разверзе уста своя, еже не престати, и снидутъ славніи и велицыи, и богатіи, и губители ихъ, и веселяйся въ немъ: (15) и смирится человѣкъ, и обезчестится мужъ, и очи высокоглядающіи смирятся“. Представляя намъ множество погибающихъ, Пророкъ сказалъ, что адъ расширилъ уста свои. Какъ говорится о животныхъ, которыя отъ великаго голода жадно хватаютъ пищу, и расширяютъ зѣвъ простертый къ пищѣ: такъ, говоритъ Пророкъ, и объ адѣ говорится, что онъ расширитъ уста свои. Но, можетъ быть, слово сіе показываетъ, что обитель ада есть какое-то мѣсто въ земной внутренности, отовсюду застѣненное и не свѣтлое, и что въ сіи подземелья ведетъ устье, чрезъ которое нисходятъ души, осужденныя на мученія; и оно-то, по причинѣ множества погибающихъ, чтобы принять всѣхъ, сдѣлалось расширеннѣе. Ибо адъ не животное, и не сила, по баснословію язычниковъ, поставленная надъ умершими. Посему тѣ, которые, „за еже не вѣдѣти Господа, плѣнени быша“ и изнурены гладомъ и жаждою духовной пищи, сходятъ въ адъ, вмѣстѣ съ славными и великими, и богатыми, и губителями. Три угрозы возвѣщены грѣшникамъ: плѣнъ, мертвость и схожденіе во адъ. Ибо „плѣномъ“ называется ниспаденіе изъ предшествовавшей жизни по обольщенію врага, который отвлекъ насъ отъ райскаго блаженства; „мертвостію“—отчужденіе отъ животворящей заповѣди, а „схожденіемъ въ адъ“—отлученіе отъ Бога за преумноженіе

грѣха и за расположеніе противное добру. Какъ праведникъ уже воскрешенъ со Христомъ и посаженъ „на небесныхъ“ (Ефес. 1, 20); такъ неправедный называется уже плѣнникомъ и мертвымъ и нисшедшимъ во адъ, по причинѣ смертныхъ грѣховъ. Но Пророкъ перечислилъ различныя сонмища сходящихъ въ адъ; во-первыхъ, наименовалъ „славныхъ“; это, можетъ быть, люди, которые, пользуясь нѣкоторою доброю славою, совершенно не имѣютъ въ жизни свидѣтельства, соотвѣтствующаго кажущейся наружности; потомъ слѣдуютъ „великіе“, которые какою-то силою и властію преимуществуютъ предъ многими, и „богатые“, которые неправедно пріобрѣли великое множество имущества, или имѣютъ ненасытимое желаніе большаго; наконецъ „губители“ ихъ, которые, подобно тлетворной болѣзни, распространяющейся чрезъ сообщеніе, растлѣваютъ приближающихся къ нимъ, и справедливо называются губителями, или за негодное ученіе, или за поощреніе ко грѣху. „И веселяйся“, сказано, „въ немъ“. Это, можетъ быть, по плоти Іудей, веселящійся о земномъ Іерусалимѣ, и не возводящій взоровъ къ блаженству, какое уготовано святымъ Божіимъ. Замѣть же, что „въ немъ“ сказано по общему слоюупотребленію, какъ нерѣдко бываетъ въ обычаѣ приписывать и частнымъ домамъ преимущества живущихъ въ нихъ. Таково и слѣдующее изреченіе: „основаніе его на горахъ святыхъ“ (Псал. 86, 2). Посему и „веселяйся въ немъ“ низойдетъ во адъ.

„И смирится человѣкъ“, говоритъ Пророкъ, „и обезчестится мужъ“. Долженъ терпѣть униженіе не столько по мѣсту, сколько по произволенію. Ибо праведникъ возвышается небеснымъ мудрствованіемъ, а нечестивый унижается своимъ сочувствіемъ съ дольнимъ. И человѣкъ обыкновенный, который превозносится одними общими его природѣ преимуществами, а между тѣмъ не живетъ сообразно съ тѣми способностями, какія даны ему при первомъ устроеніи, такой человѣкъ „смиряется“; а кто сдѣлалъ уже нѣкоторые успѣхи и достоинъ былъ именоваться мужемъ, но разслабѣлъ, и предался страстямъ, тотъ „обезчестится“. Посему „человѣкъ смирится, а мужъ обезчестится“; первый за то, что не сохранилъ общаго, а послѣдній за то, что, обратившись къ худшему, лишился и того блага, какое пріобрѣлъ себѣ подвигами. Человѣкъ смиряется; очи бо Господни высоцы, человѣкъ же смиренъ“ (Иса. 2, 11); а мужъ обезчестится, какъ уничижающій Бога преступленіемъ заповѣдей; ибо уничижающій Его обезчестится, какъ слышимъ говорящимъ Господа въ первой книгѣ Царствъ: „прославляющія Меня прославлю, и уничижающіи Мя безчестни будутъ“ (1 Цар. 2, 30). Итакъ мужъ обезчестится собственнымъ своимъ грѣхомъ, потому что грѣхъ причиняетъ безчестіе. Ибо сказано: „востанутъ сіи въ жизнь вѣчную, а оніи въ укоризну и въ стыдѣніе вѣчное“ (Дан. 12, 2). Честь есть воздаяніе отличія, а отличіе—на-

града добродѣтели; и святымъ присвояются честь и отличія, а нечестивымъ—противное; потому что Богъ сподобляетъ чести достойныхъ, такъ какъ Самъ Онъ истинно досточестенъ и охотно воздаетъ честь. Посему обезчещенный не можетъ сообщить чести. А безчестятъ каждаго позорныя страсти, открытыя всей твари.

„И очи", сказано, „высокоглядающіи смирятся". Кто, вознесшись мыслью своею въ высоту, узрѣлъ Показавшаго все сіе; тотъ имѣетъ „высокоглядающіи очи", потому что возводитъ мысль свою выше всего тѣлеснаго. Но если онъ послѣ сего, по ложному мнѣнію и по сильному пристрастію къ вещественному, сталъ не способенъ уже къ великимъ созерцаніямъ, всецѣло же предался тѣлесному наслажденію; то справедливо говорится, что онъ смиряется.

(15) „И вознесется Господь Саваоѳъ въ судѣ". То есть, чрезъ праведное воздаяніе за сказанное выше Господь Богъ возносится въ судѣ. такъ что къ славѣ Божіей относится, между прочимъ, и судъ надъ нечестивыми, производимый Судіею по достоинству дѣлъ. Посему и въ судѣ усматривается высота разума и силы Господней. Какъ разсматривающіе премудрость въ устроеніи небесныхъ тѣлъ, изъ положенія, движенія и взаимнаго между собою отношенія звѣздъ, уразумѣваютъ величіе Божія разума, такъ что могутъ сказать: „разума Его нѣсть числа" (Псал. 146, 5): такъ всматривающіеся въ законы суда не менѣе удивятся премудрости и разуму въ судѣ, и тому, что каждому, даже за самое малѣйшее, воздастся по достоинству. Итакъ, можетъ быть, каждымъ добрымъ дѣломъ возносимъ мы Бога: возносится Онъ и нашимъ цѣломудріемъ, возносится и нашею справедливостью. А поелику во всемъ этомъ успѣваемъ при Божіемъ содѣйствіи; когда Богъ, поднявъ насъ, становитъ прямо, поддерживая и подкрѣпляя Своимъ содѣйствіемъ, тогда говоримъ: „вознесу Тя Господи, яко подъялъ мя еси" (Псал. 29, 2). Но возношенія Божіи многочисленны: есть возношеніе познаніемъ и разумомъ, и есть возношеніе изображеніемъ величій Его и созерцаніемъ судовъ Его. Посему о праведникѣ сказано, что „возношеніе Божіе въ гортани его" (Псал. 149, 6). Потомъ, поелику правильностію созерцанія установляется постоянство дѣятельности, присовокуплено: „и мечи обоюду остры въ рукахъ ихъ", то есть ученія, которыми отсѣкаются и искореняются душевныя страсти. Также, поелику Господь Саваоѳъ значитъ Господь воинствъ; то воинства, которыя служатъ Ему во время суда, вознесутъ и прославятъ Его тогда за праведный и непогрѣшительный судъ. Подобнымъ сему образомъ заключаю, что и во время Господня суда съ человѣками („ибо Самъ Господь пріидетъ на судъ съ народомъ", Иса. 3, 14), единъ Господь вознесется" (Иса. 2, 11); потому что никто не оправдится предъ Нимъ Ибо кто, изслѣдовавъ всѣ благодѣянія

Создавшаго насъ и различныя домостроительства, касающіяся вообще всего человѣческаго рода, возможетъ воздать чѣмъ нибудь равнымъ и достойнымъ за то, что дошло и до него изъ Господня дара? Посему Святые недоумѣваютъ, говоря: „что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми“ (Псал. 115, 3)?

„И Богъ святый прославится въ правдѣ“. За вознесеніемъ въ судѣ, слѣдуетъ прославленіе Святаго въ правдѣ. Тѣ же, которые созерцали Его возносящимся въ судахъ, постигаютъ и славу правды Его.

(17) „И упасутся расхищенніи, яко юнцы, и пустыни плѣнныхъ агнцы поядятъ“. Народъ, отведенный въ плѣнъ, „за еже не вѣдѣти Господа“ и за то, что согрѣшилъ предъ Богомъ, предавшись пьянству, будетъ пастись на подобіе стада воловъ. Сіи же отведенные въ плѣнъ и расхищены во время своего плѣненія. Очевидно же, что, когда бываемъ побѣждены во брани сопротивными силами, тогда, плѣненные ими, и расхищаемся, какъ добыча послѣ побѣды. А расхищенные принимаемъ уже въ пищу себѣ не что либо свойственное существамъ разумнымъ, но, увлекаемые неразумными движеніями, куда случилось, должны проводить жизнь сію подобно юнцамъ въ пустынѣ. Посему не сказалъ: подобно юницамъ, но: подобно „юнцамъ“; потому что юницы ходятъ стадами, а юнцы, по раздражительности будучи непріязненны другъ къ другу, пасутся отдѣльно одинъ отъ другаго. Поелику же послѣ плѣненія, какъ вѣроятно, многое пришло въ запустѣніе, потому что жители уведены врагами; то Пророкъ говоритъ: „и пустыни плѣненныхъ агнцы поядятъ“. Ибо по исторіи извѣстно, что заключенными содержались въ Вавилоніи тѣ, которые послѣ Навуходоносорова нашествія выведены изъ Іудеи. Итакъ Пророкъ говоритъ, что въ странѣ, принадлежащей плѣненнымъ и удержаннымъ въ плѣну, отъ великаго опустошенія, по необходимому слѣдствію войны, обратившейся въ пастбище, будутъ пастись агнцы, потому что нѣтъ въ ней никакихъ остатковъ прежняго населенія, и, по безлюдію, растетъ густая и мягкая трава.

Но можетъ быть, слово сіе и пророчественно даетъ разумѣть, что, поелику преступившіе Божіи заповѣди изринуты изъ древняго своего жилища, гдѣ пребывали они вмѣстѣ со святыми, то мы, по домостроительству Божію паденіемъ ихъ приведенные ко спасенію и наименованные агнцами, какъ новорожденные въ вѣрѣ, пасемся на мѣстахъ принадлежавшихъ плѣннымъ, какъ бы сочною травою, наслаждаясь духовною и словесною пищею Божіихъ словесъ. И Господь новорожденныхъ въ вѣрѣ назвалъ агнцами, говоря Петру: „Симоне“ варъ „Іона, любиши ли Мя? Паси агнцы Моя“ (Іоан. 21, 15).

(18) „Горе привлачающимъ грѣхи, яко ужемъ долгимъ, и яко ига юнична ременемъ беззаконія, (19) Глаголющимъ: скоро да приближатся,

иже сотворитъ, да видимъ, и да пріидетъ совѣтъ Святаго Израилева, да разумѣемъ". Грѣша, готовимъ мы себѣ узы и „ужа" [1]), которыми связываемся; потому что, по мѣрѣ множества или важности грѣховъ, сплетаемъ для душъ своихъ узы или большія или меньшія, отъ которыхъ, по слову Іереміи, стали мы „узниками" (Плач. Іерем. 3, 34). Посему, кѣмъ обладаетъ плотское мудрованіе, тѣ обложены земными узами, и по праведному опредѣленію Судіи, связанные ими по рукамъ и по ногамъ, осуждены и ввергаются „во тму кромѣшную" (Матѳ. 22, 13). Они связаны по рукамъ, то есть въ дѣятельности, и по ногамъ, то есть въ путяхъ своихъ. Ибо, дѣйствительно, каждый опутывается цѣпями собственныхъ своихъ грѣховъ; такъ что каждый изъ членовъ, дѣйствовавшихъ при совершеніи грѣховъ, въ наказаніе за сіе связывается особенными узами. Посему Пророкъ говоритъ: „горе привлачающимъ грѣхи, яко ужемъ долгимъ", то есть тѣмъ, которые къ первому паденію присоединяютъ второе, третье, и такъ далѣе, нечестія, неправды и распутства. Но впадшимъ въ грѣхи, вмѣсто того, чтобы пріумножать ихъ и присовокуплять одно зло къ другому, надлежало по первомъ опутаніи себя зломъ загладить грѣхи свои. Хотя природѣ человѣческой невозможно не грѣшить; а потому „нѣсть праведенъ на земли, иже сотворитъ благое; и не согрѣшитъ" (Еккл. 7, 21): однако же возможно, согрѣшивъ по опрометчивости или по увлеченію отъ злокозненнаго, тотчасъ измѣниться, покаяться и не собирать зла къ злу. И какъ тѣ, которые вьютъ веревки, когда одна изъ свиваемыхъ вервей подходитъ къ концу, берутъ другую, ею удлинняя и увеличивая прежнюю; такъ и погружающіеся во глубину золъ, прежде нежели кончатъ первый грѣхъ, начинаютъ второй, и къ этому опять присоединяютъ новый. И такимъ образомъ цѣлая жизнь, проходя у нихъ во грѣхахъ, уподобляется какой-то длинной непрестанно свиваемой веревкѣ, въ которой прошедшее связано, и непрестанно наступающее вновь смыкается въ нѣчто подобное предшествовавшему. Посему Пророкъ говоритъ: „горе привлачающимъ грѣхи, яко ужемъ долгимъ". Уяснимъ себѣ сказанное примѣромъ. Положимъ, что кто-нибудь склоненъ къ грѣху невоздержанія. Смотри, сколькими посредствующими дѣйствіями привлекаетъ онъ къ себѣ грѣхъ распутства. Во-первыхъ, даетъ онъ такой видъ своему тѣлу, такъ обстригаетъ волосы, такъ и такую именно, а не какая случилась, надѣваетъ одежду, приготовленную съ особенною изысканностію, и во всемъ отъ пояса до обуви показываетъ излишнюю заботливость о своемъ украшеніи. Потомъ добываетъ денегъ, чтобъ купить на нихъ красоту любимой имъ женщины. Послѣ сего придумываетъ, гдѣ бы найдти посредницъ для сношенія съ нею, сочиняетъ заранѣе искусительныя рѣчи, предуготовляетъ для себя

[1]) Веревки.

предлоги къ встрѣчамъ, пиры, попойки, продолжительныя собесѣдованія. Чрезъ столько-то посредствующихъ дѣйствій приводитъ онъ къ себѣ грѣхъ блуда. Таковъ „привлачающій грѣхъ, яко ужемъ долгимъ“. И вообще сказать, всякій грѣхъ противъ ближняго, не случайно сдѣланный, но совершенный намѣренно, съ помощію происковъ, послѣ продолжительныхъ приготовленій, есть „долгое уже“, которымъ люди притягиваютъ къ себѣ грѣхи, далеко отъ нихъ бывшіе. Такъ сіи ужа, сколько ни долги, не рвутся, потому что согрѣшающіе сильны во грѣхахъ, крѣпко и часто опутываютъ себя грѣхами.

Посему Пророкъ говоритъ: „и яко ига юнична ременемъ“. Подпруги у самыхъ крѣпкихъ воловъ, съ большимъ усиліемъ влекущихъ тяжести, не легко перерываются. Но пророческое слово усилило понятіе о крѣпости, сказавъ, что ремень взятъ отъ ига „юницы“, то есть самаго крѣпкаго животнаго, не приводимаго въ изнеможеніе ни трудами, ни временемъ. Посему горе тѣмъ, которые, чтобы согрѣшить, дѣлаютъ къ сему продолжительныя приготовленія, и притомъ съ усиліемъ и крѣпостію.

Но и содѣлавшемуся узникомъ грѣха возможно послѣдовать за Христомъ, Который говоритъ „сущимъ во узахъ: изыдите, и сущимъ во тмѣ: откройтеся“ (Исаіи 49, 9). Вышедшіе же изъ-подъ стражи чрезъ покаяніе узники, и обратившіе взоръ отъ тмы къ истинному свѣту, послѣдуютъ за Христомъ, исповѣдуя Его, и оставаясь связаны по рукамъ путами, пока чрезъ доброе измѣненіе не сдѣлаются достойными, чтобы Самъ Онъ разрѣшилъ ихъ отъ узъ, почитаемыхъ дотолѣ неизбѣжными.

А сіи „привлачающіи грѣхи“ и презирающіе Божій судъ часто словомъ своимъ требуютъ ускоренія угрозъ, какъ бы ни мало не увѣряемые ими, и говорятъ: „скоро да приближатся, яже сотворитъ, да видимъ, и да пріидетъ совѣтъ Святаго Израилева“. Но это—долгое уже привлачающее грѣхъ издалека; ибо очевидно, что они говорятъ сіе, не вѣруя въ будущій вѣкъ и презирая угрозы. Боящійся же судилища Христова и приводящій себѣ на память грѣхи юности не дерзнетъ презрительно требовать ускоренія суда; а напротивъ того проситъ себѣ болѣе продолжительнаго срока, чтобы въ теченіе большаго времени имѣть возможность очистить душу свою отъ грѣховной скверны. Примѣромъ неразумнаго поспѣшенія въ будущее служатъ Ахитофелъ и Іуда, которые, почитая болѣе тягостнымъ настоящее, а не грядущее, и укоръ отъ людей, а не наказаніе въ геенѣ, предпочли естественной смерти смерть удавленія (2 Цар. 17, 23. Матѳ. 27, 5). А если бы вѣровали они въ грядущій вѣкъ, то не удавились бы; и сколько ни горестна была бы ихъ жизнь, остались бы привязанными къ здѣшнему міру, признавая будущее болѣе страшнымъ, нежели настоящее. Таковъ былъ Іовъ, который говорилъ: „аще бо возможно было, самъ быхъ себе убилъ, или молилъ

бых иного, дабы ми то сотворилъ“ (Іов. 30, 24). Ибо въ сихъ словахъ, какъ показалъ онъ нестерпимость удара, такъ и сохранилъ опасеніе умыслить зло противъ себя самого. Ибо на тѣхъ, которые насильственно лишаютъ себя жизни, лежитъ осужденіе въ самоубійствѣ. Когда и у Павла находимъ, что нѣкоторые говорятъ: „сотворимъ злая, да пріидутъ благая“ (Рим. 3, 6), почитаемъ это намѣреніе ужемъ, наводящимъ великій грѣхъ. Говорятъ же, что такая мысль составилась у Іудеевъ отъ великаго развращенія; и они разсуждали: поелику всѣ ожидаютъ, что за множество грѣховъ послѣдуетъ гибель, то сотворимъ злая, и исполнимъ крайнюю мѣру нечестія, чтобы наступила перемѣна настоящаго, и все пришло въ лучшее состояніе.

(20) „Горе глаголющимъ лукавое доброе, и доброе лукавое, полагающимъ тму свѣтъ, и свѣтъ тму, полагающимъ сладкое горькое, и горькое сладкое“.

Но совершенному, у котораго чувствія обучены „долгимъ ученіемъ“ (Евр. 5, 14), надобно быть въ состояніи отличать свойство добраго отъ лукаваго, и извѣданному торжнику должно „добрая держать, отъ всякаго же вида злаго огребатися“ (1 Сол. 5, 22). А у кого повреждена разсуждающая сила души, тому свойственно давать превратныя свидѣтельства о достоинствѣ каждой вещи. И кажется, въ природѣ человѣческой есть сильная какая-то наклонность въ дѣйствительномъ состояніи вещей предполагать противное. И о если бы такая нестройность простиралась на однихъ тѣхъ, которые чужды Писаніямъ! Они говорятъ, что о каждомъ предметѣ возможны равносильныя и противныя между собою сужденія, и всякую очевидность, сколько могутъ, приводятъ въ сомнѣніе, говоря, что серебро черно по причинѣ принимаемой имъ ржавчины, и солнце черно, потому что очерняетъ тѣла, съ которыми долгое время бываетъ въ сношеніи. Изъ подобныхъ сему случаевъ выводятъ они ученіе о нерѣшительности заключеній, именно же, что чувства ведутъ къ ложнымъ заключеніямъ, и представляютъ предметы не такими, каковы они въ природѣ. Но глаза, обманутые живописью, на шеѣ голубя представляютъ тебѣ то тѣ, то другіе цвѣты, поколику, отъ наклоненій животнаго и отъ различныхъ отношеній къ нему луча, измѣняется зрѣніе. А поэтому, основываясь на томъ, что представляетъ глазъ, они не могутъ ни согласиться, что теперь день, ни признаться, что теперь ночь. Вслѣдствіе же сего впадаютъ въ безбожіе, не соглашаясь ни на то, что всѣмъ управляетъ Божій Промыслъ, ни на то, что все движется случайно. Увидишь, что многіе изъ увѣровавшихъ въ писанія Закона и Пророковъ, съ упорствомъ, по одной вѣроятности, оспариваютъ во всемъ очевидность, чтобы ослабить и поколебать истину догматовъ. Нѣкоторые, хотя исповѣдуютъ себя вѣрующими во Христа Іисуса, однако же показываютъ на

дѣлѣ, что они не „утверждени въ томъ же разумѣніи и въ той же мысли“ (1 Кор. 1, 10), но раздѣлены на самые противорѣчащіе толки. Другіе то же дѣлаютъ частію по невѣжеству, а частію изъ любоначалія и тщеславія, желая показать многимъ, что они мудры и превосходятъ другихъ познаніями. Отсего-то все наполнено любопрителями и преподавателями противорѣчащихъ ученій; каждый упорно стоитъ въ своемъ мнѣніи—съ напряженнымъ усиліемъ опровергнуть и обличить мнѣніе другаго. О если бы хвалящіеся, что соблюли Апостольское ученіе и по преемству пріяли отъ Апостоловъ Евангельскую проповѣдь, согласіемъ въ ученіяхъ доказывали, что они части одной Христовой Церкви!

Такое смятеніе простирается не только на познаніе, но и на дѣла, такъ что „суть путіе мнящіися прави быти, обаче послѣдняя ихъ зрятъ во дно адово“ (Притч. 16, 25); и: „есть праведный погибаяй въ правдѣ своей, и нечестивый пребываяй въ злобѣ своей“ (Еккл. 7, 16). Ибо ежели есть что неудобопостижимое, то къ сему роду принадлежитъ и истинная праведность. Почему и Соломонъ сопричисляетъ какъ равночестное къ одному разряду: „и уразумѣти притчи и темное слово, реченіе же премудрыхъ и гаданія: и уразумѣти правду истинную и судъ исправляти“ (Притч. 1, 6. 3). Посему многіе по опрометчивости произносятъ сужденія разнорѣчивыя, потому что прежде, нежели составлено понятіе на достаточномъ и прилежно изслѣдованномъ основаніи, съ безразсудною поспѣшностію даютъ свое согласіе на всякое мнѣніе. Обыкновенно же думаютъ, что естественная сила діалектики всего болѣе можетъ доставить это, то есть научить, какъ подробно разбирать свойства предметовъ, распознать однородное и различить противоположное. Посему-то сознававшій себя свѣдущимъ божественную діалектику сказалъ: „да усладится“ Тебѣ „бесѣда моя“ (Псал. 103, 34)! Діалектика же любопрителей, которые берутся за предметы съ охотою поспорить, не только непріятна, но еще огорчаетъ.

Но изъ трехъ сочетаній—свѣта и тмы, добраго и лукаваго, горькаго и сладкаго, всѣ ли они составляютъ одно въ подлежащемъ, или различны между собою по роду? Что до простаго смысла, то ясно, что „лукавымъ“ означается испорченность нравовъ, а „прекрасное“ (καλὸν), какъ опредѣляютъ, есть благо достойное похвалы. Опять, „тма“ есть воздухъ, лишенный свѣта, а „свѣтъ“—сущность, разсѣвающая тму. И еще „сладкое“ есть мягкость влаги или сока, услаждающая чувство вкуса; а „горькое“ есть то, что при вкушеніи жестко дѣйствуетъ на вкусъ. Итакъ, по простому разумѣнію, вещи сіи весьма много различествуютъ между собою. И кто же до того безуменъ, чтобы среди глубокой ночи сталъ называть тму свѣтомъ, и когда у него глаза ничего не различаютъ во тмѣ, представлять, что онъ озаренъ свѣтомъ? Кто, чувствуя непріят-

ность при вкушеніи горькаго, станетъ утверждать, что ощущаетъ пріятность сладости? Кому, имѣя глаза, трудно распознать чувственную красоту? Она, взаимною соразмѣрностію частей и наружною доброцвѣтностію, сама собою и естественно привлекаетъ къ себѣ всякаго встрѣчающагося, между тѣмъ какъ безобразное само собою производитъ въ зрителяхъ отвращеніе.

Но кажется, что рѣчь здѣсь идетъ не о познаваемомъ чувственно. А поелику „заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи“ (Псал. 18, 9), и слово Божіе—„свѣтильникъ ногами“ праведника (Псал. 118, 105); то не живущій добродѣтельно, но погрязшій въ плотскихъ страстяхъ, будетъ такой человѣкъ, который жизнь во грѣхѣ возлюбилъ, какъ нѣкоторый свѣтъ, а жизни по заповѣди Господней отвращается, какъ тмы. И кто словесъ Божіихъ, которыя „сладки гортани“ праведнаго „паче меда“ для духовнаго его вкуса, отвращается по трудности заповѣдываемаго, охотнѣе же избираетъ легкость удовольствія, тотъ называетъ горькое сладкимъ и сладкое горькимъ. Такимъ же образомъ надобно разсуждать и о прекрасномъ, что истинно прекрасное есть соразмѣрность въ душѣ доблестно настроенной. Ибо добродѣтель есть какая-то средина и соразмѣрность; а излишекъ и недостатокъ, въ ту или другую сторону выступающій изъ предѣловъ добродѣтели, есть уже неумѣренность и безобразіе. Такъ мужество есть средина, излишекъ его—дерзость, а недостатокъ его—робость. Слѣдовательно красота души есть соразмѣрность въ добродѣтели, а безобразіе—нарушеніе мѣры вслѣдствіе порока. Посему пророческое слово называетъ жалкими тѣхъ, которые избираютъ порокъ, какъ нѣчто доброе, и избѣгаютъ добродѣтели, какъ лукавства.

Но надобно вникнуть въ причину, по которой о добромъ сказано: „глаголющимъ“, а о свѣтѣ и о сладкомъ не: „глаголющимъ“, но: „полагающимъ“. Ибо сказано: „горе глаголющимъ доброе лукавое“; и: „горе полагающимъ тму свѣтъ“; и: „горе полагающимъ сладкое горькое“. Не то ли, можетъ быть, пророческое слово показываетъ, что при первомъ начальномъ избраніи образа жизни погрѣшаемъ только разумомъ, а вступивъ въ дѣятельность и послѣ опытнаго извѣданія не оставляя худаго, полагаемъ для себя какъ бы предѣлы дѣйствій, дѣла порочныя дѣлая неподвижною гранью? Ибо кто отъ невоздержности и сластолюбія не обращается къ цѣломудрію, тотъ „полагаетъ“ для себя „горькое сладкое“. И кто убѣгаетъ жизни Евангельской, избираетъ же жизнь, скотоподобную и неразумную, тотъ „полагаетъ“ для себя „свѣтъ тму“. А кто защищаетъ такихъ людей и безстыдно говоритъ о дѣлахъ непристойныхъ, тотъ есть „глаголющій доброе лукавое“, по слову Апостола, охуждающаго тѣхъ, которые „не точію творятъ“ сіе, „но и соизволяютъ творящимъ“ (Рим. 1, 34). Полагаетъ также свѣтъ тму и тотъ, кто „по-

ставляетъ“ свѣтильникъ „подъ спудомъ“, или покрываетъ его сосудомъ и не поставляетъ „на свѣщницѣ“ (Матѳ. 5, 15). Итакъ слова: „глаголать доброе лукавое“, употреблены относительно къ ученію; а слова: „полагать свѣтъ тму“, относительно къ навыку въ дѣлахъ.

(21) „Горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни“. Сіе же касается тѣхъ, которые не только погрѣшаютъ въ дѣлахъ, но и удерживаются въ невѣріи и невѣдѣніи о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Ибо кто не вѣруетъ въ „Свѣтъ истинный“ (Іоан. 1, 9), а дѣлаетъ себя сыномъ діавола (1 Іоан. 3, 10); тотъ глаголетъ „свѣтъ тму, и тму свѣтъ“. Господь есть какъ свѣтъ (Іоан. 8, 12), такъ и сладость для разумновкушающихъ Его, и доставляетъ имъ сладостное и исполненное великаго веселія наслажденіе. Посему вкусившій Его и опытно извѣдавшій сладчайшее и пріятнѣйшее наслажденіе говоритъ: „вкусите, и видите, яко благъ Господь“ (Псал. 33, 9). Итакъ не вѣрующій въ Господа Іисуса глаголетъ „сладкое горькое“. А кто не вѣруетъ въ Господа, тотъ не близокъ къ природѣ истинной Красоты, и не пускается въ умозрѣніе о Ней. Ибо не въ стройности членовъ и не въ благообразной доброцвѣтности, чрезъ что либо пріятное для тѣлеснаго чувства, но единою мыслію до преизбытка очищенною и только въ Божіемъ естествѣ познается собственно прекрасное, согласно съ Псалмомъ, въ которомъ сказано: „красотою Твоею и добротою Твоею“ (Псал. 44, 5). Посему, кто окомъ своимъ не пріемлетъ молніеносныхъ блистаній Божіей красоты, тотъ глаголетъ доброе лукавое; а тѣмъ самымъ, что отрицаетъ сіе, очевиднымъ образомъ соглашается на противное. Ибо если Господь есть свѣтъ, то противникъ, очевидно, тма. Если природа истины сладостна, то ложь, очевидно, горька. Итакъ самымъ отреченіемъ отъ Бога дается согласіе на противоположное. Поелику нѣтъ „причастія правдѣ“ къ неправдѣ, „общенія свѣту ко тмѣ, согласія Христови съ веліаромъ“ (2 Кор. 6, 14); то надобно отдѣлять это одно отъ другаго. Поэтому нужно великое и тщательное вниманіе, чтобы намъ не впасть въ обманъ и преобразившагося въ ангела свѣтла не почесть свѣтомъ (2 Кор. 11, 14), чтобы, увеселяясь горечію грѣха, сластолюбивой жизни не приписать качества сладости, чтобы, поработивши душу тѣлесной красотѣ, не заключить, что въ ней природа красоты.

Посему „горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни“. Это можно сказать о людяхъ, которые о себѣ думаютъ, что они мудры и разумны, не будучи таковыми. Но можно сказать и о тѣхъ, которые дѣйствительно имѣютъ даръ разумѣнія и вѣдѣнія, но не сообщаютъ его другимъ: ибо „премудрость сокровена, и сокровище не явлено, кая польза есть во обоихъ“ (Іис. Сир. 20, 30)? Таковые „предъ собою разумни“, а не предъ другими, какъ скрывшій таланть въ себѣ (Матѳ. 25, 25).

Но не разуменъ и предъ Богомъ, кто не употребилъ вѣдѣнія во славу Божію.

А есть, кажется, и третье значеніе сихъ словъ: мудрые и разумные тѣ, которые созданы отъ Бога таковыми, и сознаютъ въ себѣ даръ Его; но не въ Богѣ полагаютъ причину своей смышленности и вмѣняютъ ее въ заслугу себѣ самимъ; они „въ самихъ себѣ мудри и предъ собою разумни“. Имъ-то кстати будетъ сказано: „что имаши, егоже нѣси пріялъ? Аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемь“ (1 Кор. 4, 7)? И слѣдующее: „аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи“ (Псал. 126, 1). Итакъ смышленостію (σύνεσις) называется быстрота души, скоро приводящей въ единство представленія о предметахъ; и она обыкновенно образуется по мѣрѣ совершенства посѣянныхъ въ нашемъ разумѣ сѣменъ. Или смышленость есть приницательность ума, съ быстротою открывающая свойственное и приличное каждому предмету. А вѣдѣніе есть состояніе, самое въ себѣ твердое и не измѣняемое разумомъ. Вѣдущій же есть тотъ, кто постигаетъ необходимость умозрѣній, ведущихъ къ блаженству, поколику уже постоянно и твердо содержитъ ихъ въ себѣ. И мудростію называютъ вѣдѣніе вещей Божественныхъ и человѣческихъ и ихъ причинъ. А поелику Христосъ есть истинная Премудрость (1 Кор. 1, 24); то усовершившагося чрезъ общеніе со Христомъ, поколику Христосъ есть Премудрость, именуемъ мудрымъ. А смышленый познается по зрѣлости всѣянныхъ въ насъ сѣменъ разумѣнія, и вѣдущій познается по тому, что постигаетъ умозрѣнія необходимыя для блаженства, содержа уже ихъ въ себѣ постоянно и не поколебимо. Въ книгѣ же Исхода находимъ Божій отвѣтъ о строителяхъ скиніи: и наполню ихъ „духомъ Божіимъ смышленія и вѣдѣнія“ (Исх. 31, 3). Посему, горе тому, кто не Богу приписываетъ причину смышлености и вѣдѣнія. И никто да не присвояетъ себѣ такихъ дарованій, да не называетъ себя смышленымъ, ни вѣдущимъ, ни мудрымъ. Поелику мудрость есть вѣдѣніе Божественныхъ и человѣческихъ вещей, то причину сего да восписуетъ Святому Духу. Ибо „изъидетъ жезлъ изъ корене Іессеева и цвѣтъ отъ корене его взыдетъ. И почіетъ на Немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума“, и т. д. (Иса. 11, 1. 2).

(22) „Горе крѣпкимъ вашимъ, и піющимъ вино, и вельможамъ растворящимъ сикеръ“. И священникамъ входящимъ во Святая Законъ запрещаетъ употреблять вино и сикеръ; и такъ называемымъ Назореямъ, какъ сказано въ книгѣ Чиселъ, запрещается сіе слѣдующимъ образомъ: „Рече Господь къ Моисею, глаголя: глаголи сынамъ Израилевымъ. и речеши къ нимъ: мужъ или жена, иже обѣщается зѣло обѣтомъ, еже очиститися чистотою Господу, отъ вина и сикера да воздержатся“ (Числ. 6, 1. 2); и въ Притчахъ Соломонъ говоритъ: „сильніи гнѣвливи суть,

вина да не піютъ, да напившеся не забудутъ мудрости“ (Притч. 31, 4). Ибо служителямъ Божія слова и обязаннымъ имѣть попеченіе о людяхъ прилично всѣми мѣрами воздерживаться отъ того, что производитъ омраченіе во владычественномъ души. Если много выпито вина, оно какъ мучитель, ворвавшійся въ крѣпость, съ высоты ея производитъ въ душѣ неумолкающіе мятежи, не отказывая себѣ ни въ какомъ беззаконномъ требованіи; но прежде всего поработивъ самый разсудокъ, смѣшиваетъ и приводитъ въ разстройство весь порядокъ, установившійся вслѣдствіе обученія, голосъ дѣлаетъ шумнымъ, возбуждаетъ непристойный смѣхъ, опрометчивый гнѣвъ, необузданныя вожделѣнія, неистовую и бѣшеную страсть ко всякому беззаконному удовольствію. Посему да не „піютъ вина сильніи“ и тѣ, кому ввѣрено какое нибудь начальство и устроеніе дѣлъ народныхъ, тѣ, которые по цвѣтущему возрасту, въ полной тѣлесной силѣ; ибо такіе люди, по природѣ будучи раздражительны къ гнѣву, какъ скоро пріймуть въ пособіе воспламенѣніе вина, при такомъ щедромъ умноженіи горючаго вещества, какъ бы какой-то пламень раскидываютъ далеко вокругъ себя. Поелику же „малый достоинъ есть милости, сильніи же сильнѣ истязани будутъ“ (Прем. 6, 6); то горе крѣпкимъ отъ дѣйствія на нихъ вина и сикера, ибо „емуже предаша много, множайше истяжутъ отъ него“ (Лук. 12, 48).

Итакъ, если тебѣ поручены домостроительство Таинствъ, слово мудрости, сила вѣдѣнія; а у тебя душа потоплена виномъ; то не справедливо ли сѣтовать о тебѣ Пророку, что, имѣя духовную крѣпость, дѣлаешь ее немощною чрезъ неумѣренное употребленіе вина? И о томъ, кто одержимъ какою бы то ни было душевною страстію, и приведенъ какъ бы въ опьяненіе изступленіемъ своей страсти, говорится, что онъ піетъ вино и растворяетъ сикеръ; что въ переводѣ, какъ извѣстно, значитъ опьяненіе: ибо одинаковое разстройство происходитъ въ душѣ и отъ печали, и отъ страха, и отъ удовольствія, и отъ похоти, какъ скоро разсудокъ одержимъ страстію. Посему мы сильные, которымъ вручена власть надъ народомъ, хотя не много одержимы страстію, и повидимому, умѣряя ее разсудкомъ, обуздываемъ закономъ и сдерживаемъ, однако же состоимъ не внѣ числа оплакиваемыхъ Пророкомъ, по причинѣ ихъ опьяненія: ибо словолюбіе и любо началіе—страшное опьяненіе. А также страшное опьяненіе — зависть, лицемѣріе и злословіе ближняго. Упившаяся ими душа забываетъ мудрость. Ибо ничто не приводитъ въ такую слитность умозрѣній, мудрости, какъ эта страсть и всякій грѣхъ. Но почему же и обладающій мудростію гнѣвливъ? Потому что Писаніе не безстрастнаго называетъ мудрымъ, но разсуждаетъ только объ умѣряющемъ свои страсти, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „безумный абіе исповѣсть гнѣвъ“ (Притч. 12, 15), „премудрый же скрываетъ по ча-

сти“ (Притч. 29, 11). Посему о томъ, кто обуздываетъ страсть разсудкомъ, говоритъ, что онъ бережливо выказываетъ гнѣвъ; почему сказано: „гнѣвайтеся, и не согрѣшайте“ (Псал. 4, 5). А Господь, давая совершеннѣйшія заповѣди, повелѣваетъ не только умерять, но и совершенно отсѣкать сію страсть (Матѳ. 5, 22).

(23) „Горе оправдающимъ нечестива даровъ ради, и, еже есть праведное праведнаго, вземлющимъ“. Изреченіе сіе ясно; оно осуждаетъ тѣхъ, которые, засѣдая въ судилищахъ, изъ любви къ мамонѣ, извращаютъ справедливость суда, и позволяютъ подкупать себя дарами, и нечестиваго объявляютъ правымъ, а праведнаго осуждаютъ въ неправдѣ. Ибо разсудокъ, ослѣпляемый сребролюбіемъ,—такіе вѣсы, которые всею тяжестію клонятъ стрѣлку внизъ. Будемъ же тщательно наблюдать за собою, чтобы не оправдать когда нибудь намъ нечестиваго человѣка или ученія, увлекаясь въ согласіе съ ними собственною выгодою, и не впасть въ число оплакиваемыхъ Пророкомъ.

(24) „Сего ради, якоже сгоритъ трость отъ углія огненнаго, и сожжется отъ пламени разгорѣвшагося, корень ихъ яко персть [1]) будетъ и цвѣтъ ихъ яко прахъ взыдетъ: не восхотѣша бо закона Господа Саваоѳа, но слово Святаго Израилева раздражиша“. Слово сіе угрожаетъ, что корни грѣшниковъ утончатся, обратятся въ персть, и цвѣтъ ихъ „яко прахъ взыдетъ“. Въ связи съ сказаннымъ у Пророка выше будемъ понимать и приведенныя теперь слова. Ибо выше разсуждалъ онъ объ употребляющихъ вино неумѣренно, и осудилъ принимающихъ дары въ судахъ; теперь же говоритъ, что корни ихъ сгорятъ, какъ трость отъ углія огненнаго. А трость есть растеніе, утверждающееся на слабомъ корнѣ, по внѣшней наружности гладкое, внутри пустое, не равномѣрное въ ростѣ, перехваченное многими колѣнами, потому что растительная сила слаба, и растеніе сіе не можетъ идти вверхъ ровно, но имѣетъ по временамъ нужду въ отдохновеніи, отчего при остановкѣ растительности образуется колѣно; ибо какъ скоро поднимается нѣсколько вверхъ, опять останавливается, и такимъ образомъ долговременнымъ замедленіемъ роста образуетъ колѣно. Потомъ опять, употребивъ колѣно, какъ бы вмѣсто опоры или основанія, сила снова проявляется, и такимъ образомъ съ непрестанными отдохновеніями образуетъ растеніе. Таковы же люди, пріобрѣтшіе извѣстность дѣлами міра сего; они утверждены на гниломъ основаніи, пусты по внутреннему человѣку, проводятъ жизнь въ непостоянствѣ дѣлъ міра сего. Посему какъ трость сгоритъ отъ углія огненнаго, такъ, по слову Пророка, сожгутся корни ихъ отъ пламени разгорѣвшагося. А уголь есть оземленившійся огонь, который по про-

[1]) Χνοῦς собственно „пухъ“; но въ Славянскомъ переводѣ и въ другихъ мѣстахъ слово сіе переводится одинаково съ словомъ χοῦς, напр. Псал., 4. Исаі. 29, 5.

шествіи пламени остается въ грубѣйшемъ веществѣ. И поелику живущіе страстно имѣютъ собственный огонь страстей, какъ и богачъ имѣлъ внутри себя причину, которая палила его жаждою; то Пророкъ піющимъ вино угрожаетъ, что они, какъ кипящіе виномъ, сгорятъ и истребятся. Поелику же они ради даровъ нарушаютъ и справедливость; то говоритъ, что корень ихъ „сожжется отъ пламени разгорѣвшагося“, подъ корнемъ, очевидно, разумѣя сребролюбіе, о которомъ и Апостолъ далъ такой судъ; „корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть“ (1 Тим. 6, 10). Но отъ такого корня естественнымъ образомъ какой взойдетъ цвѣтъ, какъ не подобный праху, по природѣ непостоянному и разсѣвающемуся въ воздухѣ? Или, можетъ быть, какъ пыль, препятствуя дыханію, угрожаетъ опасностію нашей жизни, такъ и цвѣты сребролюбія, любостяжательность, неправды, ложь, клеветы и всѣ другіе отпрыски сего дурнаго корня, разрушительны для нашей жизни и препятствуютъ чистотѣ духа. Но весьма осторожно сказалъ Пророкъ не: плодъ ихъ; а „цвѣтъ ихъ“; потому что прозябенія грѣха несовершенны, уничтожаясь въ самомъ прозябеніи и первомъ цвѣтѣ: ибо „видѣхъ нечестиваго превозносящася, и мимоидохъ, и се не бѣ“ (Псал. 36, 36). Праведникъ, „яко древо насажденное при исходящихъ водъ“ (Псал. 1, 3), непрестанно орошается потокомъ жизни, а корень грѣшника сгоритъ, „и цвѣтъ, яко прахъ, взыдетъ“.

„Не восхотѣша бо закона Господа Саваоѳа, но слово Святаго Израилева раздражиша“. Подъ закономъ и словомъ Пророкъ разумѣетъ различныя именованія Господа. Посему и говоритъ о словѣ, какъ о чемъ-то одушевленномъ: „слово Господне раздражиша“; ибо живый законъ и слово Божіе—Единородный Сынъ, „Имже вся быша“ (Іоан. 1, 3).

(25) „И возъярися гнѣвомъ Господь Саваоѳъ на люди Своя, и наложи руку Свою на нихъ, и порази ихъ: и раздражишася горы, и быша трупи ихъ, яко гной посредѣ пути: и во всѣхъ сихъ не отвратися ярость Его, но еще рука высока“. Грѣхъ сильныхъ и вельможъ проложилъ путь гнѣву, воздвигаемому Господомъ на народъ. Посему прежде сказано: „горе крѣпкимъ вашимъ и вельможамъ“; а потомъ: „и возъярися гнѣвомъ Господь на люди Своя“, очевидно, за то, что и они по примѣру начальствующихъ пребывали во грѣхахъ и содѣлались достойными потерпѣть отъ ярости и гнѣва Господня. Ярость есть воскипѣніе крови около сердца, и называется такъ по причинѣ какого-то надменія, происходящаго около сердца отъ испаренія соковъ; а гнѣвъ есть желаніе воздать за огорченіе огорченіемъ. Посему въ ярости движеніе страсти быстро; а гнѣвъ показываетъ болѣе постоянное и продолжительное наполненіе скорбію. Благочестиво—полагать, что ярость и гнѣвъ приписываются Богу не въ собственномъ смыслѣ, но берутся въ переносномъ

значеніи. Въ Богѣ нѣтъ ни страсти, ни чего либо привходящаго къ самой Его сущности. Но то или другое дѣйствіе на насъ называется яростію; и, можетъ быть, усильное вразумленіе именуется гнѣвомъ; а обличеніе, которымъ производится смятеніе въ нашихъ мысляхъ, называется яростію; потому что Богъ приводитъ въ смятеніе яростію, не удостоивая и словомъ тѣхъ, на которыхъ изливаетъ ярость, по сказанному: „яростію Своею смятетъ я“ (Псал. 2, 5). Но вразумляемые, и во гнѣвѣ удостоиваются наставленія, по сказанному: „тогда возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ Своимъ“. Ибо обличаемый во грѣхахъ еще не вразумляется; а вразумленный обнаруживаетъ уже нѣкоторую близость къ познанію. Посему, ежели гнѣвъ вразумляетъ, и ярость обличаетъ; то гнѣвъ полезнѣе ярости. Посему и Іеремія молитъ: „накажи насъ, Господи, обаче въ судѣ, а не въ ярости“ (Іер. 10, 24): онъ не сказалъ: а не во гнѣвѣ. Но вразумленіе судомъ снисходительнѣе вразумленія яростію и гнѣвомъ: ибо вразумленный судомъ, будучи просвѣщенъ словомъ, воспользуется судами Божіими, и ничего не будетъ дѣлать безъ разсужденія, но станетъ все совершать по здравомъ разсужденіи, такъ что и самые помыслы его разсудительны, по сказанному: „мысли праведныхъ судьбы“ (Притч. 12, 5).

Впрочемъ, говорится, что во время суда, когда Богъ положитъ руку Свою на люди, раздражатся горы. Симъ Писаніе показываетъ, что вся тварь принимаетъ участіе въ отмщеніи грѣшникамъ. Ибо какъ во время Египетскихъ казней, все объявило Египтянамъ брань,—воздухъ, земля, вода,—такъ и теперь, когда Господь наложитъ руку Свою на люди, чтобы поразить, и горы раздражатся.

А „трупы“ людей будутъ попираемы, „яко гной“, по причинѣ своей негодности лежащій „посредѣ пути“. Представь, что пребывающіе во грѣхахъ продолжаютъ заниматься дѣлами сей жизни и попираются сопротивными силами; по нераскаянности ихъ сердца, слово Господне говоритъ, что „не отвратится ярость, но“ что „еще остается рука высокою“ то есть поднятою для отмщенія; а рукою называетъ карающую силу, согласно съ Іовомъ: „рука бо Господня коснувшаяся ми есть“ (Іов. 19, 21). И въ той же книгѣ діаволъ говоритъ о рукѣ во время наказанія: „обаче посли руку Твою, и коснися костемъ его“ (Іов. 3, 5).

(26) „Воздвигнетъ убо знаменіе во языцѣхъ, сущихъ далече“ и близъ, „и позвиждетъ имъ отъ конецъ земли. И се скоро легцѣ пріидутъ“. Въ буквальномъ смыслѣ слово сіе, повидимому, пророчествуетъ о Римскомъ войскѣ, во время послѣдней осады приступившемъ къ Іерусалиму. Ибо при этомъ случаѣ воинскіе списки наполнены были людьми и изъ дальнихъ и изъ близкихъ народовъ, изъ Сиріи и Аравіи, и другіе народы, жившіе близь Іудеи, набираемы были въ Римское войско. Итакъ

воздвигнуто „знаменіе во языцѣхъ“, то есть знаменіе явившагося Креста. И язычники призваны къ вѣрѣ, и Іерусалимъ преданъ разрушенію. Они идутъ такъ скоро и легко, такое имѣютъ усердіе къ войнѣ, что забываютъ о пищѣ, не ожидаютъ подвоза запасовъ, не нуждаются въ отдохновеніи, не снимаютъ съ себя воинской одежды. Они „яко въ твердъ камень вмѣнишася“, и колесницы ихъ „яко буря“. Они подобны львамъ крѣпостію, и львичищамъ стремительностію; крикъ ихъ „яко шумъ моря волнующася“. Тогда обложенный войскомъ народъ не увидитъ ничего инаго, кромѣ „жестокой тмы“ на землѣ.

Глава 6.

„И бысть въ лѣто, въ неже умре Озія царь, видѣхъ Господа (1)... И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ Серафимовъ“ (6). Отъ созданія и сложенія міра, всегда къ Святымъ посылаются Божественныя Силы, которыя исправляютъ недостатки естества человѣческаго. Посему и къ Исаіи посланъ Серафимъ, чтобы отъять и очистить его грѣхи. Но посланъ, когда Господь услышалъ, что Пророкъ оплакиваетъ собственное свое окаянство и исповѣдуетъ грѣхъ своихъ помысловъ; ибо сказалъ: (5) „о окаянный азъ, яко умилихся, яко человѣкъ сый, и нечисты устнѣ имый, посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу“. Сіе говорилъ и Павелъ: „окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея“? И потомъ онъ же, какъ получившій Божію помощь, присовокупляетъ: „благодарю Бога Іисусъ Христомъ“ (Рим. 7, 24. 25). Пророкъ же сказалъ: „о окаянный азъ“, когда прозорливымъ умомъ представилъ себѣ царство Бога, „сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ“, и исполнившаго славы Своей великій міръ. Ибо, пока не представилъ въ умѣ Бога, не говорилъ онъ: „о окаянный азъ“. И объ Авраамѣ написано, что, когда явился ему Богъ, тогда сказалъ онъ: „азъ же есмь земля и пепелъ“ (Быт. 18, 27). Такъ и Моисей, бывъ „наказанъ всей премудрости Египетстѣй“ (Дѣян. 7, 22), и, какъ вѣроятно, превосходя всѣхъ Египтянъ дарованіями и смысломъ, не сознавалъ себя „худогласнымъ и косноязычнымъ“ (Исх. 4, 10); а когда услышалъ говорящаго съ нимъ Бога, тогда почувствовалъ свое безгласіе и косность языка.

„И въ руцѣ своей имяше уголь горящъ, егоже клещами взятъ отъ олтаря: (7) и прикоснуся устнамъ моимъ“. Объясняющій слова сіи по-Іудейски скажетъ, что, конечно, въ какомъ нибудь мѣстѣ Іерусалима видимы были Господь, сѣдящій „на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ“, и „Серафимы“ стоящіе „окрестъ Его“, и что взятый съ олтаря всесожженій огнь поднесенъ былъ Серафимомъ къ устамъ Пророка для очищенія устенъ его. Но мы увѣренные, что подзаконное есть „образъ и стѣнь не-

бесныхъ“ (Евр. 8, 5), какъ „домомъ“ называемъ всю совокупность мысленныхъ и чувственныхъ тварей, такъ „престоломъ превознесеннымъ“— Божіе надъ всѣми начальство и владычество; „Серафимами“ же—премірныя Силы. А если, какъ представляли себѣ иные, Серафимы суть два полушарія неба, поперемѣнно надъ землею видимыя, потому что каждое изъ нихъ для скорости движенія, какъ бы нѣкоторыя крылья, употребляетъ шесть своихъ частей: то какъ было послано одно изъ нихъ, или какъ отдѣлилось оно отъ другаго, тогда какъ небо по природѣ своей неразрывно? Напротивъ того, это суть, какъ сказалъ я, премірныя Силы, по крайней высотѣ своей святости удостоенныя ближайшаго предстоянія, и одна изъ таковыхъ Силъ приступила къ Пророку. Ибо какъ „сый надъ всѣми Богъ“ (Рим. 9, 5) не гнушается призирать съ неба для попеченія о человѣкахъ, такъ отдѣльныя Силы не отрекаются отъ служенія въ благодѣяніе людямъ.

Итакъ „Серафимъ взятъ отъ олтаря клещами“. Заключай изъ сего, какой это олтарь, и какъ онъ неприступенъ, когда и Серафимъ не дерзаетъ прикоснуться къ нему рукою, но клещами беретъ огонь въ руку.

„И взятъ уголь горящъ“. Беретъ огонь въ руку. Каковъ же этотъ огонь, который очищаетъ грѣхи? Не однороденъ ли съ тѣмъ огнемъ, о которомъ сказано: „Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ“ (Матѳ. 3, 11)? Поелику же горящій уголь есть огонь, оставшійся въ веществѣ уже болѣе грубомъ и землянистомъ (ибо, когда самый цвѣтъ пламени исчезнетъ, соединеніе огня съ веществомъ грубымъ называется горящимъ угломъ); то, можетъ быть, онъ означаетъ пришествіе Господне во плоти. Ибо сказано: „Слово плоть бысть“ (Іоан. 1, 14)—плоть, по принятіи на себя озаренія Божества, по тѣлесности подлежащая чувствамъ, а по единенію съ Богомъ просвѣтленная и свѣтозарная. Но таковая плоть приняла на себя грѣхи міра и очистила беззаконія наши; и ее-то гадательно представляетъ намъ пророчество. Надавъ и Авіудъ были пожжены, употребивъ „огнь чуждъ“ (Лев. 10, 2); а Серафимъ изъ святаго огня съ мысленнаго олтаря истинныхъ всеплодій беретъ горящій уголь не своею рукою, но клещами. Въ доказательство же, что небесный огнь не сожигаетъ, а очищаетъ,—взявъ его въ руку, подноситъ къ устамъ. Однороденъ съ симъ огнемъ былъ огнь въ купинѣ, который, какъ видѣлъ Моисей, покрывалъ собою растеніе, но не сожигалъ купины. А клещи, можетъ быть, означаютъ настроенность, какую каждый, по мѣрѣ освоенія своего съ добромъ, имѣетъ къ пріятію подаваемыхъ отъ Бога благъ.

(8) „И слышахъ гласъ Господа глаголюща: кого пошлю, и кто пойдетъ?“ Моисея не спрашиваетъ, но какъ уже готовому говоритъ: „и нынѣ гряди, да пошлю тя къ Фараону, царю Египетскому“ (Исх. 3, 10); а Исаіи говоритъ: „кого пошлю, и кто пойдетъ?“ Какая тому

причина? Та, что Моисей посылаемъ былъ на дѣло благое—благодѣтельствовать народу, а здѣсь предлежитъ служеніе въ дѣлѣ горестномъ. Посему Моисею дано повелѣніе, а Исаіи на волю предоставлено служеніе; потому что у насъ человѣковъ въ обычаѣ нести на себѣ добровольно нами избранное, хотя бы то было и трудно. Посему Господь хочетъ, чтобы Исаія добровольно принялъ на себя посольство. И хотя показалъ, что посольство нужно, однако же хочетъ, чтобы посылаемое лицо изъявило благорасположенность къ служенію, по собственному усердію. Поэтому Моисей, призываемый къ званію знаменитому—управлять народомъ великимъ, отрекается: „кто есмь азъ, яко да пойду къ Фараону царю Египетскому, и изведу“ народъ изъ Египта? И еще: „молюся Ти, Господи, не достаточенъ [1]) есмь прежде вчерашняго и третіяго дне, ниже отнелѣже началъ еси глаголати рабу Твоему“; и еще: „молюся Ти, Господи, избери могуща иного, егоже послеши“ (Исх. 3, 11. 4, 10. 13). Исаія же, не слышавъ ничего подобнаго, но узнавъ одну необходимость посольства, добровольно себя предалъ, и по преизбытку любви вступилъ въ среду опасностей, не разсуждая объ огорченіяхъ, какія причинитъ ему народъ. Но замѣть точность и осмотрительность Пророка. Ибо на два предложенія даетъ одинъ отвѣтъ: „кого послю, и кто пойдетъ?—Се азъ есмь: посли мя“. Не присовокупилъ еще: и я пойду: ибо принять посольство отъ насъ зависитъ; но быть подкрѣплену для шествія—зависитъ отъ того, кто даетъ благодать укрѣпляющаго Бога. Посему, что было въ его произволеніи, то сказалъ: „се азъ есмь, посли мя“, а что было отъ благодати, то предоставилъ Господу. Онъ не далъ обѣщанія, что пойдетъ, потому что сознавалъ свою немощь. Слышитъ же гласъ Господень, хотя ничто не ударяло въ тѣлесный слухъ; потому что Богъ напечатлѣваетъ волю Свою во владычественномъ души у тѣхъ, кому хочетъ открыть ее. Ибо въ умѣ тѣхъ, у кого онъ не развлеченъ и чистъ, какою-то неизреченною силою составляются образы, какъ будто они слышатъ въ себѣ изглашамое слово Божіе, хотя ни воздухъ не принимаетъ, ни слухъ не передаетъ сихъ образовъ. Ибо, какъ въ книгѣ, Богъ напишетъ волю Свою въ душѣ Пророка; и о томъ, кто принялъ душею Божіи мысли, говорится, что онъ слышитъ. Посему-то Пророкъ, сказавъ: „се азъ есмь, посли мя“, умолчалъ о послѣдующемъ. Не сказалъ: я пойду; потому что такое обѣщаніе велико и выше его силъ. Но чего не взялъ на себя, то даровалъ ему Господь; ибо сказалъ ему: „иди, и рцы людемъ симъ“. Впрочемъ, говоря: „се азъ есмь“, Пророкъ показываетъ уже въ себѣ дерзновеніе: какъ причастный Сущаго дерзаетъ включить себя въ число сущихъ. И это сказалъ онъ по очищеніи устъ его. А кто пребываетъ въ беззаконіяхъ и не удостоенъ познать Сущаго, тотъ не можетъ о себѣ свидѣтельствовать:

[1]) Οὐχ ἱκανός, въ Слав. пер. „недоборѣчивъ“.

„се азъ есмь“. Поелику же „положи Богъ первѣе Апостоловъ [1]), второе Пророковъ“ (1 Кор. 12, 28); то и Исаія пріемлетъ сперва дарованіе Апостольства. Но и Моисей въ числѣ Апостоловъ,—ибо сказано: „гряди, да послю тя къ Фараону царю Египетскому“. И Іеремія слышитъ: „ко всѣмъ, къ нимже послю тя, пойдеши“ (Іерем. 1, 7).

(9) „Иди и рцы людемъ симъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете: и видяще узрите, и не увидите: (10) Одебелѣ бо сердце людей сихъ, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смѣжиша, да некогда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю я“. Сіе изреченіе привелъ Лука въ Дѣяніяхъ (28, 26, 27).

„И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ Серафимовъ“. Что Серафимъ есть нѣкоторая премірная Сила, которая очищаетъ беззаконія, и которой ввѣрено служеніе, сіе видно изъ написаннаго. Посему посылаются „сіи служебніи дуси“ къ намъ „хотящимъ наслѣдовати спасеніе“ (Евр. 1, 14). Но они приходятъ посѣщать насъ не по своей власти и волѣ. Ибо главная и сообразная съ естествомъ цѣль ихъ жизни—погружать взоръ свой въ красоту Божію и непрестанно славить Бога. Обращеніе же съ нами, человѣками, и попеченіе о насъ есть нѣкоторое побочное для нихъ дѣло. Посему сказано: „посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ Серафимовъ“. Кажется же, что Пророкъ, когда увидѣлъ занятіе Серафимовъ, которые ничего инаго не дѣлаютъ, а только славословятъ Святаго Бога, тогда пришелъ въ сознаніе нечистоты усть своихъ; потому что онъ говоритъ человѣческое, и не рѣдко оскверняетъ языкъ свой рѣчами о мірской суетѣ. Посему, умилившись при сравненіи себя съ Серафимами, которые ничего не говорятъ, а только провозглашаютъ святость Божества, между тѣмъ какъ самъ онъ по большей части упражняетъ гласъ свой дѣлами человѣческими, по тому самому говоритъ: „о окаянный азъ, яко умилихся, яко человѣкъ сый, и нечисты устнѣ имый, посредѣ людей живу нечистыя устнѣ имущихъ“. Такъ и Моисей не сознавалъ до времени, что онъ „худогласенъ и косноязыченъ“, хотя былъ „наказанъ всей мудрости Египетской“, и всѣхъ Египтянъ превосходилъ дарованіями и смысломъ; когда же услышалъ говорящаго съ нимъ Бога, тогда узналъ свою немощь. И Авраамъ, когда явился ему Богъ, назвалъ себя „землею и пепломъ“. Подобно имъ и Исаія, когда увидѣлъ „Сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ“, славу исполнившую весь „домъ“ міра, окресть Его Серафимовъ, съ изумленіемъ возносящихъ оный гласъ, тогда наименовалъ себя окаяннымъ, тогда позналъ нечистоту усть своихъ; за что и удостоился очищенія отъ Серафимовъ. Замѣть же, что его проступки разлились не на всѣ его дѣйствія, и не на всю дѣятельность, но ограничились только устами и словами.

[1]) То есть, посланниковъ.

„И въ руцѣ имяше уголь горящъ, егоже клещами взятъ отъ олтаря: и прикоснуся устнамъ моимъ“. По видимому, въ буквальномъ смыслѣ, рѣчь идетъ объ олтарѣ въ Храмѣ, гдѣ Серафимъ взялъ въ руку свою горящій уголь съ олтаря всеплодій; но въ дѣйствительности, поелику Іудейское богослуженіе „образу и стѣни служитъ небесныхъ“ (Евр. 8, 5), должно разумѣть какой-то пренебесный олтарь, то есть мѣсто очищенія душъ, откуда освящаемымъ Силамъ посылается очистительный огнь. Таковымъ огнемъ горѣло сердце у Клеопы и Симона, когда Господь отверзалъ имъ Писанія (Лук. 24, 32). Таковымъ огнемъ согрѣвается сердце у тѣхъ, которые „горятъ духомъ“ (Дѣян. 18, 25). Таковый огнь пріялъ Іеремія, почему и сказалъ: „и бысть огнь“ во утробѣ моей, „и разслабѣхъ отвсюду“ (Іерем. 20, 9). Выражаетъ же великое уваженіе и благоговѣніе къ олтарю тѣмъ, что Серафимъ не дерзнулъ прикоснуться собственною своею рукою, но употребилъ клещи, какъ бы нѣкоторое посредство. Посему подъ горящимъ угленъ будемъ разумѣть истинное Слово, которое, разжигая и обличая, очищаетъ ложь въ тѣхъ, къ кому будетъ принесено дѣйственною Силою: ибо подъ рукою Серафима должно разумѣть дѣятельность, готовую подавать блага.

(7) „И рече: се прикоснуся сіе устнамъ твоимъ, и отъиметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ“. Должно думать, что сіе сказано не одному Исаіи, но всѣмъ, къ кому прикасается разженное и истинное Слово, истребляющее совершаемое не по Божію закону и очищающее отъ дѣлъ грѣховныхъ. Пріймемъ и мы пришествіе Божія Слова, чтобы Оно, какъ бы возсѣдая на устахъ нашихъ и не давая никакого мѣста лжи, очистило устнѣ наши и отъяло грѣхи наши! И ни мало не странно, что горящій уголь толкуется объ естествѣ Слова, по свидѣтельству псалма, въ которомъ говорится: „разжжено слово Твое зѣло и рабъ Твой возлюби е“ (Пс. 118, 140).

„И слышахъ гласъ Господа глаголюща: кого пошлю, и кто пойдетъ къ людемъ симъ? И рекохъ: се азъ есмь: посли мя“. Достойно изслѣдованія, почему посылаемый Моисей отказывается, и много усиливается отречься отъ посольства; а Исаія предаетъ себя съ такою готовностію? Моисею не предлагается вопросъ: „кого пошлю?“ но онъ самолично пріемлетъ повелѣніе. Сказано: „и нынѣ гряди, да пошлю тя къ Фараону“ въ Египетъ, „и изведеши люди Моя сыны Израилевы изъ земли Египетскія“ (Исх. 3, 10). Но Исаія самъ себя предлагаетъ, когда слово неопредѣленно требуетъ служителя для посольства. Что скажемъ на сіе? Въ расположеніяхъ у Святыхъ нѣтъ противорѣчія, когда онѣ въ разсужденіи одного и того же дѣла оказываются между собою и противными. Но поелику Моисей зналъ назначеніе, для котораго посылаютъ его, то и медлилъ, представляя себѣ непреклонность сердца Фараонова, а так-

же непокорность народа и трудность управлять имъ. Онъ имѣлъ уже опыть неблагодарности Іудеевъ, потому что и облагодѣтельствованные заставили его бѣжать. Почему, не терпя ихъ злонравія, удалился на безмолвіе въ пустыню, подъ видомъ пастырства, избѣгая молвы городовъ и многолюдства. Поэтому говоритъ: „кто есмь азъ, яко да пойду ко Фараону, и яко да изведу“ люди „отъ земли Египетскія“ (Исх. 3, 11)? Ибо и Фараонъ не безъ всякихъ озлобленій отошлетъ народъ, и народъ не таковъ, чтобы легко было управить имъ, но всегда идетъ вопреки имѣющимъ попеченіе объ его спасеніи. Сію мысль показываетъ въ Моисеѣ и послѣдующее. Ибо когда, по слитіи тельца, Богъ, даруя благодать служителю Своему, вмѣсто прощенія грѣха народу, напослѣдокъ сказалъ: „иди, и возведи люди сія (Исх. 32, 34), и послю Ангела Моего предъ Тобою“ (32, 2): что говоритъ на сіе Моисей? Молюся, Господи, „аще самъ Ты не идеши съ нами, да не изведеши“ насъ „отсюду“ (ст. 15). Какая же мысль у Моисея? Та, что народъ грѣшенъ, и ему нуженъ Отпущающій грѣхи; а сіе Ангеламъ не возможно. Ангелы хотя наказываютъ грѣшниковъ, но не могутъ прощать грѣховъ. Посему проситъ, чтобы пришелъ Самъ Богъ, и теперь говоритъ то же, что и прежде: „избери иного, егоже послеши“ (Исх. 4, 13), то есть, да пріидетъ истинный Законоположникъ, всемощный Спаситель, одинъ имѣющій „власть отпущати грѣхи“ (Марк. 2, 10). Но поелику не пришла еще полнота временъ, и человѣчество надлежало обучать посредствомъ образовъ; то не услышано прошеніе Пророка. А Исаія, по оставленіи грѣховъ его, когда сказалъ: „посредѣ людей живу азъ, нечистыя устнѣ имущихъ“, тогда услышалъ: „кто пойдетъ къ людемъ симъ?“ Разсуждая, что для подобнаго благодѣянія и имъ требуется посылаемый, въ избыткѣ радости предлагаетъ въ служеніе себя, чтобы и имъ оставлены были грѣхи, и говоритъ: „се азъ есмь, посли мя“. Такъ благословны и Моисеево отреченіе, и Исаіино усердіе. Впрочемъ безопасенъ отвѣтъ Святаго, какъ воспользовавшагося уже очищеніемъ посредствомъ горящихъ углей: ибо вопросившему Господу: „кого послю, и кто пойдетъ?“ на слово: „послю“, отвѣчаетъ: „се азъ есмь“; а на слова: кто пойдетъ?“ не сказалъ: азъ пойду. Онъ зналъ, что для дѣйствованія нужно имѣть содѣйственникомъ Бога; посему, что было въ его произволеніи, то предложилъ; а что требовало Совершающаго, о томъ умолчалъ. А какъ слышитъ онъ гласъ Господень, о томъ многократно было говорено, а именно: во владычественномъ души удостоиваемаго такой благодати, неизреченною нѣкоторою силою, воображается Божіе слово; тогда какъ Божія сила издаетъ гласъ въ достойныхъ не чрезъ тѣлесный слухъ, но въ самомъ владычественномъ души у очищенныхъ напечатлѣвая мысль, и какъ бы молча написывая въ нихъ понятія, какія у насъ до сознанія души доводитъ слухъ, поражаемый чувственнымъ звукомъ. По-

сему Пророкъ слышалъ мысленный голосъ, бывшій въ сердцѣ, что бываетъ иногда и во снѣ. Ибо намъ кажется во снѣ, что слышимъ, тогда какъ никто не говоритъ, и въ проходы слуха не входитъ чрезъ воздухъ чувственный звукъ. Такъ говоритъ Богъ, такъ слышатъ Святые!

Сказано: „иди, и рцы людемъ симъ: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и видяще узрите, и не увидите: одебелѣ бо сердце людей сихъ, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смѣжиша, да не когда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю я“. Сіи слова, ясно и непререкаемо относя ко временамъ пришествія Господня, повторилъ блаженный Павелъ, бесѣдуя, въ Дѣяніяхъ, съ Римскими Іудеями: „добрѣ Духъ Святый глагола Исаіемъ пророкомъ ко отцемъ нашимъ, глаголя: иди, и рцы людемъ симъ“, и прочая (Дѣян. 28, 25). И сіи слова особенно доказываютъ, что Пророкъ говорилъ по внушенію свыше: ибо народъ слышалъ слово Іисусово, и не разумѣлъ, и видя бывшія отъ Него чудеса, не увидѣлъ. Ибо то, что слова указывали на будущее время, даетъ разумѣть, что и содержаніе пророчества имѣло отношеніе ко временамъ послѣдующимъ. И въ этомъ открывается правдивость суда Божія. Ибо когда Исаія сказалъ: „нечисты устнѣ“ имѣю, и о народѣ присовокупилъ: „посредѣ людей живу нечистыя устнѣ имущихъ“; тогда ему даны благодать прощенія и очищеніе чрезъ одного изъ Серафимовъ, а народу не даны; потому что несходныя расположенія имѣли Пророкъ и народъ. Пророкъ видѣлъ Господа Саваоѳа „сѣдяща на престолѣ“, и вѣровалъ тому, что видѣлъ; а народъ, видя пришедшаго Господа, не увѣровалъ. Пророкъ, слыша Серафимовъ, разумѣлъ ихъ славословіе; а народъ, слушая слова Спасителя, не принималъ ихъ. Умилившееся сердце Пророка сознало собственный свой грѣхъ, почему и сказалъ онъ: „о окаянный азъ, яко умилихся“; а ихъ сердце „одебелѣло“ такъ, что не имѣли они никакого понятія о томъ, въ чемъ согрѣшили, и не приступили къ Могущему отпустить имъ грѣхи. Посему Пророкъ очищенъ, а они оставлены во грѣхахъ, какъ и Господь сказалъ имъ: „яко умрете во грѣсѣхъ вашихъ“ (Іоан. 8, 24).

Но, можетъ быть, иной возразитъ противъ нашего мнѣнія, на основаніи сказаннаго: „рцы людемъ симъ“, не соглашаясь, чтобы здѣсь было пророчество о временахъ Спасителя. Ибо, если слово: „симъ“, есть указательное, а изъ людей, на которыхъ было указано, никто не могъ слышать Спасителя, или видѣть чудеса Его; то какъ же слова: „людемъ симъ“, приличествуютъ жившимъ гораздо позднѣе Пророка? Но на этотъ вопросъ найдемъ удобное рѣшеніе въ другихъ пророческихъ словахъ. Ибо у одного изъ двѣнадцати Пророковъ сказано: „людіе Мои, что сотворихъ вамъ? или чимъ оскорбихъ васъ? или чимъ стужихъ вамъ? отвѣщайте Ми. Зане изведохъ васъ изъ земли Египетскія, и изъ дому ра-

боты избавихъ васъ, и послахъ предъ вами Моисеа, и Аарона, и Маріамъ“ (Мих. 6, 3. 4). Какъ тогда жившій при Пророкѣ народъ не видалъ Египта, и не пользовался путеводствомъ помянутыхъ вождей, однако же онъ укоряется какъ неблагодарный за сіи благодѣянія: такъ и теперь указывается на собраніе людей, жившихъ при Пророкѣ; а предреченное ему въ пророчествѣ сбывается надъ родомъ, жившимъ въ пришествіе Господа. Да и въ общемъ словоупотребленіи обыкновененъ такой образъ рѣчи, который у иныхъ называется заимословнымъ. Напримѣръ, разумѣя извѣстный ликъ, состоящій изъ извѣстнаго числа людей, когда одинъ изъ лика вышелъ, и его мѣсто заступилъ другой, о ликѣ говоримъ, что онъ остается тотъ же. И если изъ лика выйдетъ другой, третій и такъ далѣе, и на мѣсто каждаго вводимъ будетъ кто нибудь иной: то, хотя, съ постепеннымъ замѣненіемъ составляющихъ ликъ, всѣ въ немъ одинъ за другимъ перемѣнились, однако же наименованіе у лика сохраняется то же. Такъ о городѣ и о войскѣ говорятъ, что они тѣ же, говорятъ не потому, чтобы въ нихъ всѣ по-одиночкѣ, оставались тѣ же, но потому что цѣлое собраніе удерживаетъ за собою одно и то же наименованіе. Такъ ничто не препятствуетъ, чтобы и теперь народъ, указательно представляемый Исаіи, былъ тотъ же и при Господѣ, не потому, чтобы жили тѣ же люди, въ отдѣльности взятые, но по общему наименованію племени.

(11) „И рекохъ: доколѣ, Господи? И рече: дондеже опустѣютъ гради, отъ еже ненаселенымъ быти, и домы, отъ еже не быти человѣкомъ, и земля останется пуста. (12) И по семъ продолжитъ Богъ человѣки, и оставльшіися умножатся на земли. (13) И еще на ней есть десятина, и паки будетъ въ расхищеніе, якоже теревинъ, и яко желудь, егда испадетъ изъ плюски своея: сѣмя свято стояніе его“. Поелику возвѣщенное Господомъ было горестно; то Пророкъ, признавая судъ сей неотвратимымъ, желаетъ по крайней мѣрѣ узнать, на сколько времени наложено будетъ на нихъ сіе наказаніе. Это явнымъ образомъ относится уже ко временамъ Римскаго владычества. Ибо послѣ того, какъ не послушали словесъ Господа, и не захотѣли благодарными очами смотрѣть на Его чудеса, превышавшія „силы человѣка“, опустѣли „гради, отъ еже ненаселенымъ быти, и домы отъ еже не быти человѣкомъ, и земля“ осталась „пуста“; оттого что жители умерли отъ голода, бѣгства и плѣна. А присовокупленное: „и по семъ продолжитъ Богъ человѣки“, какъ мнѣ кажется, относится къ отчужденію отъ Бога Іудеевъ, которымъ „ослѣпленіе отъ-части бысть, да исполненіе языковъ внидетъ“ (Рим. 11, 25).. Но сказано: „и оставльшіися умножатся“. Кто же сіи „оставльшіися?“ Не тѣ ли, о которыхъ Апостолъ сказалъ: „останокъ по избранію благодати бысть“ (ст. 5)? не они ли „умножатся на земли“, чтобы по

всей уже землѣ были научаемые Евангелію Христову? Ибо, если и „не получи, его же искаше“, весь „Израиль“; то „избраніе получи“ (ст. 7),— получили тѣ, о которыхъ сказано Иліи: „оставихъ себѣ седмь тысящъ мужей, иже не преклониша колѣна предъ Ваалomъ“ (ст. 4). Посему это тѣ, о которыхъ сказано: „и еще на ней есть десятина“. А слова: „и паки будетъ въ расхищеніе, якоже теревинеъ, и яко желудь, егда испадетъ изъ плюски своея“, по моему мнѣнію, указываютъ на постепенное измѣненіе Іудейскихъ нравовъ въ образъ Евангельской жизни. Они опять будутъ собраны для расхищенія, какъ собирается плодъ съ теревинеа, и какъ желудь созрѣвшій уже для сбора. Ибо тогда желудь, приведенный уже временемъ въ зрѣлость и полноту, разрѣшается отъ связей своего влагалища. А можетъ быть, и потому еще уподобляются они желудю, выпадающему изъ своего влагалища, что изринуты изъ земли Іудейской и разсѣяны. Слова же: „сѣмя свято стояніе его“, прибавлены изъ Ѳеодотіона, и ихъ нѣтъ у Седмидесяти: впрочемъ они заключаютъ въ себѣ достойную вниманія мысль въ связи съ словами, уже объясненными. Ибо они собираются какъ теревинеъ и какъ желудь, когда чрезъ свое постоянство и твердость дѣлаются сѣменемъ святымъ. А сообразно съ многими мѣстами Писанія, и здѣсь открывается полезный конецъ для наказываемыхъ благодѣтельно. Ибо сказано: „поражу, и Азъ исцѣлю“ (Втор. 32, 39).—И: „Той болѣти творитъ, и паки возставляетъ“ (Іов. 5, 18). Посему тѣ, которые прежде слухомъ слышали, и не разумѣли, и дѣлали все прочее, пока не перестали населять города, и не впали въ разсѣяніе, такъ что едва спаслась десятая часть народа,—опять умножатся, и опять принесутъ плодъ, подобно теревинеу и желудю, нося въ себѣ сѣмя святое; потому что стоятъ тверды, непоколебимы и „вкоренени въ любви“ (Ефес. 3, 17).

Глава 7.

„И бысть во дни Ахаза, сына Іоаѳамля, сына Озіи, царя Іудина, взыде Расинъ царь Арамль, и Фаѳей, сынъ Ромеліевъ, царь Израилевъ, на Іерусалимъ, воевати на него; и не возмогоша разорити его (1). И возвѣстися въ дому Давидовѣ, глаголюще: совѣщася Арамъ со Ефремомъ; и ужасеся душа его, и душа людей его, якоже въ дубравѣ древо вѣтромъ восколеблется“ (2).

Смыслъ сего изреченія таковъ: Два царя, Сирійскій и Израильскій, подступили къ Іерусалиму „на брань“ (4 Цар. 16, 5), и не могли „разорити его“. Имя же царю Сирійскому Расинъ, а царю Израильскому Факей. Пришли также вѣстники, доносящіе царскому дому о союзѣ царей Сирійскаго и Израильскаго. Ибо Сирійскій, по Еврейскому нарѣ-

чію, называется Арамомъ; а Израильскій именуется Ефремомъ, потому что изъ этого колѣна произошелъ Іеровоамъ, который произвелъ отступленіе вначалѣ. Въ ужасъ пришли и царь и весь народъ при этомъ слухѣ; такъ были потрясены и смущены, что смятеніе ихъ уподоблено дереву въ лѣсу, колеблемому самымъ сильнымъ дыханіемъ вѣтровъ. Таковъ простой разсказъ, заключающійся въ сихъ словахъ.

Но иной, вникая глубже въ сказанное, можетъ въ семъ повѣствованіи найдти нѣчто относящееся къ намъ и къ домостроительству Церкви. Посему изслѣдуемъ, по возможности, кто эти цари, совѣщавшіеся между собою? И думаю, что пророческое слово именемъ „Арамъ“ означаетъ разумъ, который мудростію вѣка сего взимается „на разумъ Божій“ (2 Кор. 10, 5). Ибо „Арамъ“ толкуется: выспренній. А таковъ разумъ князей вѣка сего, углубляющійся въ законы звѣздъ, въ ихъ движенія, соединенія, въ составляемыя ими очертанія, и утверждающій, что отъ сего зависятъ причины дѣлъ человѣческихъ. Онъ выспренъ по самомнѣнію и по кичливому превозношенію себя самого, которое посрамитъ словами истины можетъ одинъ Святый, силою Духа низлагающій „всякое возношеніе, взимающееся на разумъ Божій“. А Ефремомъ, какъ полагаю, называется знаніе, составившееся по преданію Божественныхъ Писаній, но уклонившееся отъ прямаго пути и лжеименное. Ибо изъ Ефремова колѣна произошелъ Іеровоамъ, который первый отторгъ десять колѣнъ отъ сѣмени Давидова, и нѣкогда будучи рабомъ бѣжавшимъ отъ Соломона, пришелъ въ Египетъ и взялъ себѣ въ жену сестру жены Фараоновой Θекемины. Онъ слилъ золотыхъ юницъ и установилъ праздники „по сердцу своему“ (3 Цар. 12, 28—33). Посему, когда языческій разумъ, высоко думающій о діалектическихъ доводахъ, вступаетъ въ союзъ съ разумомъ еретическимъ и совращеннымъ, тогда говорится, что Арамъ совѣщается съ Ефремомъ, имѣя желаніе разорить зданія Давидовы и разграбить мѣсто истиннаго Богослуженія. Но не достигаетъ цѣли, потому что не можетъ „разорити“ города, защищаемаго Господомъ. А можетъ быть, не могли бы они и „совѣщатися“, еслибы не умножился грѣхъ нашъ. Ибо, и по Исторіи, совѣщавшіеся во дни Ахаза обнаружили взаимное свое согласіе по причинѣ грѣха Ахазова; потому что „Ахазъ не сотвори правое предъ очима Господа, но сына своего преведе сквозѣ огнь, и кадяше на высокихъ“ (4 Цар. 16, 2—4). И хотя замыслъ лукавыхъ царей противу Церквей смущаетъ домъ Давидовъ и ужасаетъ душу людей, такъ что, по причинѣ волненія, произведеннаго смятеніемъ, стали они подобны безплодному дереву; но впрочемъ человѣколюбивый Богъ, чтобы прекратить ихъ смятеніе, посылаетъ пророческое слово, которое изгоняетъ страхъ изъ сердецъ народа, говоря: (4) „не бойся, ниже душа твоя да изнеможетъ отъ двою древу, дымящихся сихъ“.

Но смотри, нельзя ли будетъ и въ толкованіи именъ найдти основаніе къ яснѣйшему уразумѣнію сего мѣста. Ибо Ахазъ толкуется: одержаніе; Іоаѳамъ—совершеніе Іао; Озія—крѣпость Іао; Арамъ, какъ выше сказано, выспренній; Факей—полуоткрытіе; Ромелій—выспренній изъ обрѣзанія. Посему совѣщаются разумъ выспренній и разумъ обѣщающій быть уяснителемъ Божественныхъ Писаній. Сіе означаетъ Факей, по толкованію: полуоткрытіе, какъ бы обѣщающій свое уясненіе недоступныхъ разумѣнію свидѣтельствъ Писанія. А что совѣщаніе противъ Іерусалима двухъ царей, одного—высоко думающаго о мірской мудрости, и другаго—обѣщающагося объяснить сокровенное въ Писаніи, состоитъ въ ученіяхъ и противорѣчащихъ словахъ людей, которые надѣются захватить въ свою власть изучившихъ дѣла церковныя, сіе видно изъ послѣдующаго. Ибо Арамъ и сынъ Ромеліевъ совѣщали лукавый совѣтъ, говоря: (6) „взыдемъ во Іудею, и собесѣдовавше съ ними отвратимъ я къ намъ“. Пророческое слово ясно показываетъ, что надѣются убѣдительностію рѣчей отвлечь къ себѣ домъ Давидовъ. Обѣщаются же и сына Тавеилева поставить царемъ. А Тавеилъ толкуется: благій Богъ. Но покушающимся противъ Церкви свойственно обѣщать, что предадутъ ученіе о Сынѣ Божіемъ; и такими „благими словесы прельщаютъ“ они простодушныхъ. А что все это—гаданія, посредствомъ Исторіи показывающія настоящее состояніе Церкви; сіе явно обнаруживаетъ пророческое слово, поступая далѣе и говоря: „аще не увѣрите, ниже имате разумѣти“.

(3) „И рече Господь ко Исаіи: изыди во срѣтеніе Ахазу, ты, и оставшійся Іасувъ сынъ твой, къ купѣли горняго пути села бѣлильнича. (4) И речеши ему: блюди еже молчати, и не бойся, ниже душа твоя да изнеможетъ отъ двою древу главень дымящихся сихъ: егда бо гнѣвъ ярости Моея будетъ, паки исцѣлю. (5) Сынъ же Арамль и сынъ Ромеліевъ, яко совѣщаста совѣтъ лукавый на тя, глаголюще: (6) взыдемъ во Іудею, и собесѣдовавше съ ними, отвратимъ я къ намъ, и воцаримъ въ ней сына Тавеилева. (7) Сія же глаголетъ Господь: не пребудетъ совѣтъ сей, ниже сбудется: (8) но глава Араму Дамаскъ, и глава Дамаску Расинъ: но еще шестьдесятъ и пять лѣтъ, оскудѣетъ царство Ефремово отъ людей. (9) Глава же Ефремови Соморонъ, и глава Сморону сынъ Ромеліевъ: и аще не увѣрите, ниже имате разумѣти“.

Посему думаю, что не чувственнымъ слухомъ, не при сотрясеніи воздуха пророки внимали слову Божію; но, поелику у разумной души есть свой слухъ, то безъ всякаго голоса достигало сего слуха самое означаемое. И сіе бывало съ ними, когда лучъ истиннаго свѣта достигалъ до владычественнаго въ нихъ, и служилъ къ просвѣщенію пророковъ. А гласъ сей внимали тѣ, которые находились внѣ бренныхъ чувствъ и

приближались къ исшествію изъ тѣла. Ибо когда душа бываетъ въ созерцаніи Божественнаго, собираясь сама въ себя чрезъ отрѣшеніе отъ союза съ тѣломъ; тогда говорится, что она въ изступленіи. А когда она занята дѣлами человѣческими, или по необходимости служенія тѣлу, или потому что не можетъ болѣе простираться къ высшему; тогда она какъ бы переходитъ извнѣ внутрь, въ какой-то домъ, или въ городъ, возвращаясь въ сострастіе съ тѣломъ. Итакъ, поелику Пророку надлежало услышать словеса Божіи, то прежде всего сказано ему: „изъиди ты, и сынъ твой“. Подобно сему нѣкоторымъ образомъ и то, что въ книгѣ Бытія, при первомъ откровеніи, сказано Аврааму: „изъиди отъ земли твоея, и отъ роду твоего, и отъ дому отца твоего“ (Быт. 12, 1). Ибо совершенное исшествіе есть восхожденіе отъ всего тѣлеснаго, что названо „землею“, бѣгство отъ чувствъ, которымъ дано наименованіе „родства“, и обращеніе отъ виновной жизни, въ которой предавался прежде занятіямъ противнымъ, что названо „домомъ отца“. И не много послѣ о томъ же Авраамѣ написано, что Богъ „изведе его вонъ“ (Быт. 15, 5). Поелику видѣлъ въ немъ ревность къ исшествію; то Самъ руководилъ его къ совершенной дѣятельности, потому что не въ состояніи онъ былъ совершить сего самъ собою. Посему, и при первомъ повелѣніи, съ условіемъ, если изъидетъ вонъ, пріемлетъ обѣтованіе наслаждаться плодами. А когда „изведе его“ Богъ; тогда научилъ его „искать вышнихъ, идѣже есть Христосъ“ (Кол. 3, 1). И Моисей, когда былъ внѣ всего человѣческаго, упраздня умъ къ созерцанію словесъ, „потче внѣ полка далече кущу свою“ (Исх. 38, 7). Почему и всякій, ищущій Господа, исходилъ въ сію кущу. Поэтому наиболѣе удалившійся отъ всего человѣческаго „да потчетъ“ кущу свою внѣ, чтобы жизнь его, будучи водружена и совершена, пребывала непоколебимою. Почему и теперь готовящемуся пророчествовать и возвѣщать велѣнія Божіи Господь повелѣваетъ изъидти, и не ему только, но и оставшемуся Іасуву сыну его. Оказывается же, сколько можно заключать изъ сего мѣста, что у него изъ многихъ оставался одинъ сынъ, и слово требовало, чтобы и сынъ этотъ не отставалъ отъ нравовъ отцовыхъ, но исшелъ вмѣстѣ съ отцемъ, куда призывалъ его Богъ. Поелику же Іасувъ толкуется: обращающій; то и всѣмъ намъ, желающимъ чрезъ покаяніе изъидти отъ плотскихъ страстей, Писаніе показываетъ, что, если будемъ съ Пророкомъ, то возможемъ совершить исшествіе.

Повелѣвается же взойдти на горній путь, который „у купѣли села бѣлильнича“. Мѣсто это извѣстно и по Исторіи. Ибо написано, что „посла царь Ассирійскъ Рапсака отъ Лахиса на Іерусалимъ съ силою многою, и ста у водотечи купѣли вышнія, на пути села бѣлильнаго“ (4 Цар. 18, 17). Но можетъ быть, слово сіе заключаетъ въ себѣ и по-

учительное нѣчто къ образованію нравовъ, а именно, что надобно удаляться низкаго и долу лежащаго, поспѣшать же къ горнему, гдѣ, достигшіе туда, найдутъ и воду очищенія и село Бѣлильника, очищающаго скверну, что полезно намъ по заповѣди Екклесіаста, сказавшаго: „во всяко время да будутъ ризы твои свѣтлы“ (Еккл. 9, 8). Но и Бесѣдующій съ Моисеемъ повелѣваетъ, чтобы готовящійся слушать Бога измылъ одежды. „Сошедъ засвидѣтельствуй людемъ, и очисти я днесь и утрѣ, и да исперутъ ризы. И да будутъ готовы въ день третій“ (Исх. 19, 10. 11). А кто достигъ туда, тотъ будетъ имѣть въ готовности и одѣяніе „брачно“, чтобы не связали ему „руцѣ и нозѣ“, и изъ брачнаго чертога не ввергли „во тму кромѣшную“ (Матѳ. 22, 13).

Посему говорится: скажи Ахазу: „блюди еже молчати“. Но сіе и намъ полезно, чтобы „всяцѣмъ храненіемъ“ блюсти намъ сердце свое (Притч. 4, 23). „Егда бо крѣпкій хранитъ свой дворъ бодрственно, въ мирѣ суть имѣнія его“ (Лук. 11, 12); онъ и безмолвствуетъ, удаливъ отъ себя мятежъ и молву, не предаваясь страстному страху, не изнемогая душею, но вооружившись духомъ крѣпости.

„Не бойся отъ двою древу главень сихъ дымящихся“. Это—повелѣніе намъ не бояться Эллинскихъ правдоподобій и произносимыхъ иномысленными хуленій, то есть—двухъ деревъ, а лучше сказать, двухъ главень, потерявшихъ растительную жизненность и древесную крѣпость, не имѣющихъ въ себѣ свѣтоносности огня, но „главень дымящихся“, которыя очерняютъ и оскверняютъ прикоснувшихся къ нимъ, а изъ глазъ у приближающихся извлекаютъ слезы. Если же хочешь узнать вредъ дымящихся головней, производимый ихъ дымомъ; припомни, что говоритъ Соломонъ: „якоже гроздіе зеленое вредъ зубомъ, и дымъ очима: тако законопреступленіе творящимъ е“ (Притч. 10, 26). Ибо думаю, что зеленымъ гроздіемъ названа грѣховность дѣлъ порочныхъ, а дымомъ—вредъ лжеименнаго знанія, которое приводитъ въ слитность острозрительную силу нашей души.

„Егда бо“, сказано, „гнѣвъ ярости Моея будетъ, паки исцѣлю“. То есть, послѣ вразумительныхъ ударовъ, когда увижу, что исправленіе достаточно, не оставлю ихъ подъ тяжестію наказаній, какъ и врачъ говоритъ больнымъ: когда сдѣлаю сѣченіе и прижиганіе, тогда порѣза и струпа отъ прижиганія не оставлю безъ попеченія. Ибо какъ скоро будетъ достигнуто, для чего употреблялось мучительное средство, тотчасъ, приступивъ къ уврачеванію остальнаго, возстановлю здравіе.

„И сынъ Арамль, и сынъ Ромеліевъ, яко совѣщаста совѣтъ лукавый, глаголюще: взыдемъ во Іудею, и собесѣдовавше съ ними отвратимъ я къ намъ, и воцаримъ въ ней сына Тавеилева. Сія же глаголетъ Господь Савао̀ѳъ: не пребудетъ совѣтъ сей, ниже сбудется“. Поелику противъ

Церкви совѣщаваются два разума, находящіеся внѣ истины, сынъ Арамль,—разумъ выспренній, взимающійся на разумъ Божій, и сынъ Ромеліевъ,—разумъ выспренняго обрѣзанія, который, подъ предлогомъ знанія и подъ видомъ ученія о высокихъ предметахъ, отвлекаетъ отъ истины Божіей по ученію Церкви; то совѣщали они совѣтъ лукавый, какъ бы говоря: собесѣдуя съ тѣмъ, что въ Іудеи, то есть въ исповѣдующей душѣ (ибо Іудея иначе называется исповѣданіемъ Бога), посредствомъ діалектическаго правдоподобія отвратимъ ее къ себѣ, обѣщая дать не другаго какого царя, а сына Тавеилева, то есть Сына благаго Бога (Котораго хотя называютъ они Сыномъ благаго Бога, однако же Самого не именуютъ благимъ, превратно воспользовавшись Евангельскимъ изреченіемъ: „что Мя глаголеши блага? Никтоже благъ, токмо единъ Богъ“ Лук. 18, 19). Посему, когда видишь, что иномысленные обѣщаютъ знаніе, вводятъ языческую мудрость, ополчаются противъ Церкви; заключай, что и нынѣ сынъ Арамль и сынъ Ромеліевъ совѣщаваютъ совѣтъ лукавый. Но на лукавый совѣтъ сего, какъ объяснили, сына Арамля и сына Ромеліева Господь говоритъ такъ: совѣтъ Божій стоитъ и пребываетъ, а совѣтъ противоборствующихъ истинѣ не устоитъ, но падетъ и сокрушится. Почему и сказано: „глава Араму Дамаскъ, и глава Дамаску Расинъ“, то есть глава выспреннихъ есть нѣкто проклятый и исполненный крови. Ибо Дамаскъ толкуется: кровь вретища; а вретище, какъ само по себѣ есть символъ покаянія, такъ намоченное кровію нечисто; почему можетъ быть принято за покаяніе мнимое, не будучи покаяніемъ истиннымъ, потому что не держится здравыхъ ученій. Но опять глава Дамаска—покаянія не чистаго, а оскверненнаго смертными грѣхами, называется Расинъ, который самъ есть символъ нездраваго и нечистаго ученія.

„Но еще шестьдесятъ и пять лѣтъ, оскудѣетъ царство Ефремово отъ людей. И глава Ефремови Соморонъ и глава Соморону сынъ Ромеліевъ“. Посему царство Ефремово есть какое-то владычество иномысленныхъ, потому что изъ сего колѣна произошелъ отщепившій Израиля отъ Іуды. Поэтому глава Ефрему Соморонъ, то есть Самарія. А Самарія есть область какихъ-то враговъ, повредившихъ здравое ученіе, чрезъ уклоненіе Самарянъ отъ Іудейства. Какъ Дамаскъ—глава Сиріи, а глава Дамаска—Расинъ, такъ Самарія—глава Ефрему, а глава Самаріи—сынъ Ромеліевъ. Симъ словомъ выражается какое-то расширеніе и преумноженіе золъ, такъ что нѣтъ возможности препобѣдить совѣщаніе такихъ людей, невозможно кому либо имѣть крѣпость противъ предначинаемыхъ ими злоумышленій.

„И аще не увѣрите, ниже имати разумѣти“. Должно вѣрить Писаніямъ, какъ содержащимъ въ себѣ Божію мысль, и такимъ образомъ при-

ступать къ уразумѣнію написаннаго въ нихъ. Ибо должно восходить выше образовъ, и такимъ образомъ постигать истину показаннаго намъ. Прежде всего нужно вѣрить простою вѣрою, что Писанія богодухновенны и полезны, а потомъ въ тонкости и со всею вникательностію изслѣдывать заключающуюся въ нихъ мысль.

(10) „И приложи Господь глаголати ко Ахазу, рекій: (11) проси себѣ знаменія отъ Господа во глубину, или въ высоту“. Ахазъ въ предыдущихъ словахъ наученъ Исаіею, что надлежитъ ему дѣлать, именно, блюсти „еже молчати“ и не бояться двухъ главень дымящихся. А теперь, какъ благопокорно принявшій пророческое наставленіе, самъ удостоивается Божественныхъ откровеній. Ибо приложи „Господь глаголати“ самому „Ахазу“. Можетъ быть, и мы симъ научаемся, что познавшій Божію волю чрезъ какого либо служителя, преуспѣвая впослѣдствіи, въ состояніи будетъ и самъ принимать откровенія отъ Господа. А есть и такіе, что, первоначально бывъ научены отъ Бога не чрезъ людей, съ самаго начала могли, какъ уже очищенные, вмѣщать въ себѣ внушенія Духа. Таковы были Авраамъ, Моисей, Илія, Іеремія и имъ подобные. „И приложи Господь глаголати“. Приложеніе сіе связываетъ рѣчь съ предыдущимъ. И послѣ пророчества объ оскудѣніи Ефрема, то есть отступника Израиля, естественно было пророчествовать, какимъ образомъ прійдетъ Еммануилъ отъ Пренепорочной Дѣвы. Итакъ что же повелѣваетъ слово Ахазу?

Оно говоритъ: „проси себѣ знаменія отъ Господа Бога твоего во глубину, или въ высоту“. Знаменіе есть вещь явная, содержащая въ себѣ объясненіе чего либо сокровеннаго и темнаго. Такъ знаменіе Іоны, способнымъ уразумѣвать таинственный законъ событій, представляетъ сошествіе во адъ и опять возвращеніе изъ мертвыхъ. Но надобно, чтобы знаменіе всегда предстояло и было видимо въ настоящемъ времени; означаемое же имъ не рѣдко принадлежитъ тремъ временамъ. Ибо бываетъ настоящее знаменіемъ настоящаго, какъ выходящій изъ дома дымъ есть знаменіе горящаго внутри огня. Бываетъ же настоящее знаменіемъ будущаго, какъ видимое столпленіе облаковъ есть знаменіе, что будетъ на землю дождь. Но еще настоящее бываетъ знаменіемъ и прошедшаго, какъ остатки угля служатъ знаменіемъ сожженнаго на томъ мѣстѣ костра. Писаніе же называетъ знаменіемъ необычайное и служащее къ выраженію какого-то таинственнаго слова. Что же чудеснѣе и божественнѣе для слуха и зрѣнія, какъ рожденіе Бога нашего отъ Дѣвы? Посему „проси отъ Господа Бога твоего (потому что никто другой не можетъ дать) знаменія во глубину, или въ высоту“. Въ положеніи міра по природѣ своей занявшее низшую страну есть земля; а высшую всего видимаго—небо. Поелику „Слово плоть бысть“; то пророчество, рече

ніемъ: „во глубину“, означаетъ землю и воспріятую отъ нея плоть, а реченіемъ „въ высоту“—пренебесное Слово—Того, Кто превыше всякаго начальства и власти, Кто въ началѣ бѣ у Отца, и есть Богъ Слово. А можетъ быть, глубина означаетъ дольнѣйшія страны ада, высота же—пренебесную страну, какъ представляетъ намъ Апостолъ, говоря: „да не речеши въ сердцѣ твоемъ: кто взыдетъ на небо? сирѣчь Христа свести. Или кто снидетъ въ бездну? сирѣчь Христа отъ мертвыхъ возвести“ (Рим. 10, 6). Поелику же „Сшедый, Той есть и Восшедый“ (Еф. 4, 10); то знаменіе во глубину, или въ высоту, могло быть сказано о снисшествіи Господа. „И Восшедый, Той есть превыше всѣхъ небесъ“.

(12) „И рече Ахазъ: не имамъ просити, ниже искушу Господа“. Даръ Божій великъ, богатъ и щедръ. Но Ахазъ, какъ не научившійся еще просить великаго и пренебеснаго, отказывается искать знаменія, какъ предполагающій, что оно выше человѣческой природы, или какъ намѣревающійся исполнить заповѣдь, которая говоритъ: „да не искусиши Господа Бога твоего“ (Втор. 6, 16). Но о такомъ событіи сказано было державствовавшему тогда царю по необходимости, чтобы чрезъ него всѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ пророчество. Ибо Исаія, можетъ быть, или по зависти современниковъ, или по смиренію своей жизни во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, не нашелъ себѣ вѣры, какъ бы не отъ Господа пріявшій откровеніе, но изъ собственнаго своего сердца измысливший слово. Ахазъ же получилъ пророчество о будущемъ такъ же, какъ Лаванъ, Авимелехъ, Навуходоносоръ, Фараонъ и наконецъ Каіафа, не по достоинству жизни, но потому, что санъ его дѣлалъ его достовѣрнымъ свидѣтелемъ. Ибо не изъ богобоязненности Ахазъ отрекался просить знаменія. А если бы не было ему сіе полезно, Богъ въ началѣ не повелѣлъ бы ему просить. Почему и присовокупляемое Пророкомъ заключаетъ въ себѣ упрекъ Ахазу.

Пророкъ, обративъ рѣчь къ Давиду, говоритъ: (13) „слышите убо, доме Давидовъ: еда мало вамъ есть даяти человѣкомъ трудъ, и како Господеви даете“? Ибо въ сихъ словахъ Пророкъ, повидимому, выражаетъ негодованіе на непокорство Ахазово. Но яснѣе нѣсколько изображаетъ мысль сію другое изданіе, въ которомъ сказано: не мало ли того, что вами утруждаются люди? для чего же утруждаете и Бога? Какъ человѣкъ даетъ трудъ (ἀγῶνα) Богу, если только бореніе (ἀγονία) есть страхъ паденія? Но симъ приписывается Богу не страсть, именованіемъ же труда выражается нерасположеніе къ тѣмъ, которые противятся Его повелѣніямъ.

(14) „Сего ради дастъ Господь Самъ вамъ знаменіе“. Дастъ, говоритъ Пророкъ, даже и не просящимъ. Хотя и не найдетъ достойнаго принять знаменіе: однако же, по предопредѣленному домостроительству

рожденія Господня по плоти, Самъ Господь Богъ дастъ знаменіе. Ибо нужно было, чтобы Ахазъ выразумѣлъ, что для рода человѣческаго не возможно иначе исправленіе, какъ только чрезъ пришествіе къ людямъ Бога Слова, и чтобы просилъ онъ знаменія во глубину, или въ высоту. Но поелику Ахазъ признавалъ себя недостойнымъ, потому что не научился просить знаменій великихъ и небесныхъ; то посему Пророкъ говоритъ: „дастъ Господь Самъ вамъ знаменіе“, дастъ не чрезъ какого либо служителя, и приспѣшника, и священнодѣйствователя, но Самъ непосредственно, чтобы изъ сего видно было величіе дарованнаго. Ибо законъ вчинилъ „Ангелы, рукою ходатая“ (Гал. 3, 14)—Моисея; а знаменіе Самъ далъ дому Давидову. Дается не Ахазу, но всему дому Давидову, потому что „отъ сѣмене Давидова, еже по плоти“, Господь (Рим. 1. 3); потому и благовѣствованіе о пришествіи Христовомъ относилось ко всему сродству Давидову.

„Се Дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына, и наречеши имя Ему Еммануилъ“. Іудеи оспориваютъ изданіе Седмидесяти, говоря, что въ Еврейскомъ стоитъ не „дѣва“, а „отроковица“, между тѣмъ какъ отроковицею можно назвать цвѣтущую возрастомъ, а не женщину неискусобрачную.—Отвѣтъ имъ удобенъ и самъ собою готовъ. Ежели знаменіе есть показаніе чего либо чуднаго и отличнаго отъ общаго обыкновенія людей; то удивительно ли, чтобы одна изъ многихъ женщина, живущая съ мужемъ, стала матерію отрока? И какъ бы рожденное „отъ похоти плотскія“ могло быть наименовано Еммануиломъ? Потому, если даруемое есть знаменіе, то и рожденіе да будетъ необычайно. А если образъ рожденія Отрока обыкновенный, то не называй и знаменіемъ, не именуй и Еммануиломъ. Посему, если раждающая не дѣва, то какое это знаменіе? И если рожденіе не божественнѣе, чѣмъ и у прочихъ; то почему это—пришествіе Еммануила? А что „отроковица“ есть имя, употребляемое собственно о дѣвахъ, сіе видно изъ сказаннаго во Второзаконіи: „аще на поли обрящетъ дѣву обрученную, и насиловавъ будетъ съ нею, убійте человѣка единаго, а отроковицѣ ничтоже сотворите: нѣсть бо дѣвѣ [1]) грѣха смертнаго. Якоже аще кто бы возталъ на ближняго своего, и убилъ бы душу его, такъ сіе дѣло. На селѣ обрѣте ю, возопи отроковица, и не бѣ помогаяй“ (Второз. 22, 25—27). Посему вопіявшая, до растлѣнія, очевидно, была дѣвою. Поэтому одно и тоже значитъ—сказать: вопіяла дѣва, и вопіяла отроковица. И въ третьей книгѣ Царствъ Суманитянина, согрѣвавшая Давида, будучи дѣвою, не познавшею мужа, названа отроковицею. Ибо сказано: „обрѣтоша Ависагу, и приведоша ю къ царю. И отроковица добра зѣло, и служаше царю, и царь не позна-

[1]) Отроковицѣ, τῇ νεάνιδι.

ея“ (1, 3. 4). Посему Еммануилъ родился отъ Святой Дѣвы, которая говорила: „како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?“ и которой сказалъ Ангелъ: „Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя“ (Лук. 1, 34. 35). Она не подлежитъ закону очищенія. Ибо во Второзаконіи написано, что „жена, яже аще зачнетъ (σπερματισθῇ) и родитъ мужескъ полъ, нечиста будетъ седмь дней“ (Лев. 12, 2). Она же, поелику безсѣменно стала матерію Еммануила, то чиста, свята, пренепорочна, и послѣ того, какъ стала матерію, пребываетъ Дѣвою. Ибо первый Адамъ получилъ бытіе не отъ сочетанія мужа и жены, но образованъ изъ земли; и послѣдній Адамъ, обновляющій поврежденное первымъ, пріялъ тѣло, образовавшееся въ дѣвической утробѣ, чтобы чрезъ плоть быть „въ подобіи грѣха“ (Рим. 8, 3). А чтобы необычайное сіе рожденіе не было вовсе невѣроятнымъ для тѣхъ, которые не признаютъ Божія домостроительства, Творецъ создалъ такихъ животныхъ, у которыхъ можетъ рождать одинъ женскій полъ безъ соединенія съ мужескимъ. Ибо изучавшіе природы животныхъ повѣствуютъ это о коршунахъ [1]).

(15) „Масло и медъ снѣсть, прежде неже разумѣти Ему, или изволити злая, избереть благое“ [2]). Еммануилъ употребляетъ по плоти дѣтскую пищу—масло и медъ. Впрочемъ, находясь въ младенческомъ еще состояніи, по обитающей въ Немъ силѣ благости, прежде совершеннаго возраста, отвергаетъ Онъ лукавое и избираетъ благое. Наша природа имѣетъ равное влеченіе къ тому и другому, и какъ вѣсы, нерѣдко склоняется къ лукавому, а нерѣдко и къ доброму, поколику душа, то преклоняется въ страсти, то опять увлекается разумомъ къ лучшему. Но не такъ Господь; напротивъ того, въ Немъ сродство Его съ добромъ обнаружилось тотчасъ съ самаго рожденія. Ибо что написано? „Прежде неже разумѣти Ему, или изволити злая, избереть благое“. Но, восходя къ написанному въ книгѣ Бытія „о разумѣтельномъ добраго и лукаваго“ (Быт. 2, 9), найдешь тамъ состояніе Адама до грѣха близкимъ къ описанному теперь; потому что Адамъ не зналъ лукаваго опытно. Почему и Господь въ дѣтскомъ состояніи подражалъ невинному и неповрежденному еще состоянію Адама; а тѣмъ, что отвергнулъ лукавство, вознаградилъ преслушное законопреступленіе.

(17) „Но наведетъ“, сказано, „Богъ на тя, и на люди твоя, и на домъ отца твоего дни, иже еще не пришли, отъ дне, въ оньже отъя Ефремъ [3]) отъ Іуды царя Ассирійска“. Кажется, что пророческое слово

---

[1]) Слич. Твор. Св. Отц. Т. V, стр. 149.

[2]) У Седмидесяти читается: разумѣти ему, или изволити злая, избрати благое. Въ Слав. пер.: разумѣти ему, изволити злая, или избрати благое.

[3]) Въ Славянскомъ: „Ефрема“; но такое чтеніе не согласно было бы съ дальнѣйшимъ толкованіемъ св. Василія.

дѣлаетъ намекъ на послѣдніе дни, по страданіи Господнемъ, когда началась осада Іерусалима Римлянами. Ибо по пришествіи Еммануила, „наведетъ Господь“ на Ахаза, „и на люди его, и на домъ отца“ его „дни, иже еще не пришли“ съ того времени, какъ отдѣленъ отъ Іуды отведенный [1]) въ плѣнъ царемъ Ассирійскимъ. Отпалъ же Ефремъ отъ Іуды во дни Іеровоама, сына Наватова, „иже въ грѣхъ введе Израиля“. (3 Цар. 14, 16), и первый началъ отпаденіе, сказавъ: „нѣсть намъ части въ Давидѣ, и наслѣдія въ сынѣ Іессеовѣ“ (3 Цар. 12, 15). Посему, „Ефремъ отъя царя Ассирійскаго отъ Іуды“, и вооружилъ противъ себя тѣмъ, что отошелъ и не далъ усиленно продолжать осаду Іерусалима.

(18) „И будетъ въ день оный, позвиждетъ Господь мухамъ, яже владѣютъ частію рѣки Египетскія, и пчелѣ, яже есть во странѣ Ассирійстѣй. (19) И пріидутъ, и почіютъ вси въ дебрѣхъ страны, и въ пещерахъ каменныхъ, и вертепахъ, и во всякой разсѣлинѣ, и во всякомъ древѣ“. Сказано: „во Египетъ снидоша людіе Мои, еже пришельцамъ быти тамо, и во Ассирію нуждею отведошася“ (Иса. 52, 4). Посему пророчествуетъ, что, будетъ ли кто изъ народа въ Египтѣ или у Ассиріянъ, при рожденіи Еммануила они выйдутъ, и въ странѣ Іудейской почіютъ въ самородныхъ и никѣмъ не занятыхъ убѣжищахъ. Говоритъ же, что мухи владѣютъ частію рѣки Египетской, и что есть пчелы въ странѣ Ассирійской, показывая тѣмъ малозначительность сопротивныхъ силъ. Ибо муха есть животное, родящееся изъ навоза, безпокойное для людей и отвратительное, у котораго и жизнь безпокойна и смерть мерзка. Тогда овладѣютъ частію рѣки Египетской. Ибо Нилъ начинается выше у Еѳіоповъ, и при малой его части, именно при впаденіяхъ его въ море, населенъ Египетъ. И на этомъ мѣстѣ всѣ четвероногіе звѣри, гады и птицы обоготворены, и имъ покланяются. Сихъ-то мухъ, безсиліе сопротивной силы, потребитъ Господь Своимъ позвизданіемъ, то есть, „духомъ устъ Своихъ“ истребитъ (2 Сол. 2, 8). „И въ странѣ Ассирійской пчелѣ“. И пчела есть животное малое и слабое, умирающее въ то самое мгновеніе, какъ отмщаетъ. Ибо въ одно время и впускаетъ свое жало, и съ ужаленіемъ умираетъ; уязвленному вредитъ мало, а себя лишаетъ жизни. Таково же свойство людей язвительныхъ и духоборцевъ: они лукавствомъ болѣе дѣлаютъ зла себѣ, нежели тѣмъ, которые подвергаются ихъ гнѣву.

(20) „И въ день оный обріетъ Господь бритвою наятою объ ону страну рѣки царя Ассирійска, главу и власы ногъ, и браду отъиметъ“. По рождествѣ Христовомъ, когда вся сопротивная сила, подобно мухѣ и пчелѣ, будетъ разсѣяна духомъ устъ Господнихъ, введены будутъ сыны

[1]) То есть, Ефремъ, или десять колѣнъ Израилевыхъ.

Израилевы и почіютъ въ самородныхъ прибѣжищахъ, въ дебряхъ, на поляхъ, въ разсѣлинахъ, и тому подобномъ. А въ словахъ: „обріетъ Господь наятою бритвою царя Ассирійска, главу, и власы ногъ, и браду“ его „отъиметъ“,—Пророкъ словами: „наятою бритвою“, указываетъ, кажется, на какое-то наемное войско, которое и приведетъ Ассирійское царство въ оскудѣніе, и расхититъ, что было въ немъ славнаго, то есть, истребитъ власы главы его, и народъ многочисленный и подлый, который у Пророка иносказательно именованъ „власами ногъ“. А потомъ Пророкъ угрожаетъ, что самыя драгоцѣнности и знаки мужества, которые Пророкъ назвалъ „брадою“, отъяты будутъ „бритвою наятою“. И вникающіе въ Исторію найдутъ, можетъ быть, что такъ поступило съ Ассиріянами Римское войско, и что сіе было при рожденіи Еммануила.

(21) „И будетъ въ день оный, кормити будетъ человѣкъ юницу отъ воловъ, и двѣ овцѣ: (22) и будетъ отъ множества творенія млечнаго, масло и медъ снѣсть всякъ оставшійся на земли“.“. Когда настанетъ покой для Израиля, избавленнаго изъ плѣна, и обезчещенъ будетъ злоумышлявшій противъ него царь, будучи обнаженъ „бритвою наятою“; тогда, говоритъ Пророкъ, будетъ такое изобиліе въ странѣ, что одна корова и двѣ овцы доставятъ владѣльцу много молока, и будетъ у него въ преизбыткѣ масло, потому что всѣ живущіе въ землѣ станутъ питаться масломъ и медомъ.

Но можетъ быть, гораздо приличнѣе ученія о животныхъ принимать въ смыслѣ болѣе возвышенномъ. Ибо вмѣсто того, чтобы сказать: каждый возраститъ въ душѣ трудолюбіе и дѣятельность, Пророкъ наименовалъ юницу, животное воздѣлывающее землю и намъ спомоществующее въ трудѣ; и вмѣсто нрава тихаго, кроткаго и щедроподательнаго иносказательно наименовалъ овецъ. Посему, какъ это животное даетъ намъ вещество для приготовленія одежды, такъ жизнь внимательныхъ къ себѣ, обыкновенно, украшается облеченіемъ въ добродѣтель. А поелику таковый питается и украшается духовно, то поэтому „кормити будетъ юницу и двѣ овцѣ“. Масломъ и медомъ называетъ Пророкъ вступительные уроки въ Божественное ученіе. Почему прежде предлагается человѣку пища— масло и медъ. Но когда достаточно будетъ имъ напитанъ, по первоначальномъ обученіи, ставъ выше всего земнаго, пріобщится пищи болѣ твердой, высшей и приличной мужамъ, посвятивъ себя духовнымъ наукамъ.

(23) „И будетъ въ той день, всяко мѣсто, идѣже аще будетъ тысяща лозъ винограда, по тысящѣ сикль, въ лядину будетъ, и въ терніе: (24) со стрѣлою и лукомъ внидутъ тамо, яко лядиною и терніемъ будетъ вся земля: (25) и всяка гора оремая возорется, не найдетъ тамо страхъ: будетъ бо отъ лядины и отъ тернія въ паству овцѣ, и въ попраніе волу“.

По крайней мѣрѣ думаю, что въ мѣстахъ неудоборазумѣемыхъ нами найдено не вовсе разногласное сказаніе. Посему смотри, нельзя ли изъ сей рѣчи вывести такую мысль, что принадлежавшіе къ обрѣзанію были „тысяща лозъ винограда, по тысящи сикль“. Ибо „виноградъ изъ Египта пренесъ“, и изгнавъ „языки, насадилъ его“ (Псал. 79, 9). И онъ, будучи сперва плодоноснымъ, впослѣдствіи пренебреженъ за то, что „превратился въ горесть“ (Іер. 2, 21), и низложенъ „оплотъ его“, и сталъ онъ въ расхищеніе „мимоходящимъ“ (Псал. 79, 13). Сіи-то многоплодные виноградники обратились въ лядину и мѣста заросшія терніемъ, когда съ тысячами стрѣлъ и луковъ взошло непріятельское войско, неся съ собою опустошеніе. А горы „оремыя“ суть души увѣровавшія во Христа. Прежде были онѣ пустынны и невоздѣланны; потому до пришествія Христова оставались дикими и приносили тернія. Но поелику Христосъ пришелъ „на паденіе и на востаніе многимъ“ (Лук. 2, 34), и призвалъ „не сущая, да сущая упразднитъ“ (1 Кор. 1, 28); то принадлежавшіе къ обрѣзанію, утративъ свѣжесть и плодовитость, превратились въ лядину; а собраніе изъ язычниковъ, которое названо горою „оремою“, воздѣлывается, будучи свободно отъ всякой боязни и страха вражескаго. Итакъ гора есть душа, возвышенная ученіемъ Христовымъ. Когда пришелъ Господь, Израиль „отломился“, а язычники привились, „да тѣхъ паденіемъ“ устроится „спасеніе“ всѣмъ (Рим. 11, 11. 17); и на горахъ сихъ небоязненно пасущіяся овцы и волы обильную доставляютъ отъ себя пользу. Очевидно же, что овцы суть болѣе добронравные, а волы—болѣе трудолюбивые къ дѣланію необходимаго.

Глава 8.

„И рече Господь ко мнѣ: пріими себѣ свитокъ новъ великъ, и напиши въ немъ писаломъ человѣчимъ, еже скоро плѣненіе сотворити корыстей, приспѣ бо (1): и свидѣтели мнѣ сотвори вѣрны человѣки, Урію, и Захарію сына Варахіина (2). И приступихъ ко пророчицѣ, и во чревѣ вачатъ, и роди сына. И рече Господь мнѣ: нарцы имя ему: скоро плѣни, нагло расхити (3): Зане прежде неже разумѣти отрочати, назвати отца или матерь, пріиметъ силу Дамаскову, и корысти Самарійскія предъ царемъ Ассирійскимъ“ (4).

Повидимому, одно приказано Пророку, а другое онъ сдѣлалъ. Ибо что общаго между приказаніемъ: „пріими себѣ свитокъ новъ, великъ“, и между тѣмъ, что присовокуплено: „и приступихъ ко пророчицѣ, и во чревѣ зачатъ?“ А потому иной можетъ сказать, что присовокупленное не служитъ изъясненіемъ предъидущаго, но что одна мысль кончена, и придается другая мысль, имѣющая собственное свое начало. Ибо хотя

и не прибавлено, что Пророкъ взялъ „свитокъ новъ, великъ“: но подразумѣвать должно, что онъ исполнилъ приказаніе. Слова же: и „приступихъ ко пророчицѣ, и во чревѣ зачатъ“, разумѣются, какъ имѣющія другое начало. Ибо если бы Пророкъ противорѣчилъ приказанію; то сіе противорѣчіе было бы записано, какъ у Іезекіиля, который отказался ѣсть хлѣбъ, испеченный на человѣческомъ „лайнѣ“. Но тамъ Пророкъ отрицается, говоря: „никакоже, Господи Боже“ небеси; „се душа моя не осквернилася въ нечистотѣ, ниже вниде во уста моя всяко мясо мерзко“ (Іезек. 4, 14). Потому и дозволено ему „сотворити хлѣбы въ мотылѣхъ говяжіихъ“. А здѣсь, поелику нѣтъ отрицанія, то молчаніе явно показываетъ согласіе, хотя и не засвидѣтельствовано, что приказаніе исполнено, какъ объ Осіи. Ему сказано: „иди, пойми себѣ жену блуженія, и чада блуженія“. Потомъ слово, свидѣтельствуя о немъ, что исполнилъ приказанное, присовокупляетъ: „и иде, и поя Гомерь дщерь Девилаимлю“ (Осіи 1, 2. 3). Въ другихъ же мѣстахъ найдемъ, что повелѣніе высказано, а произведено ли оно въ дѣйствіе, о томъ не засвидѣтельствовано, дознается же сіе нами изъ благопокорности принявшихъ повелѣніе. Напримѣръ объ Іезекіилѣ, которому сказано: „ты же да спиши на лѣвомъ боку твоемъ“; и еще: „поспиши на деснѣхъ ребрѣхъ твоихъ“ (Іезек. 4, 4. 6), не присовокуплено, что онъ спалъ на лѣвомъ или правомъ боку, но умолчено о семъ, впрочемъ, подразумѣвается нами изъ послушанія Пророка. Такъ и здѣсь на наше недоумѣніе можно отвѣчать, что Пророкъ не по полученіи перваго приказанія сталъ дѣлать другое, но когда исполнилъ приказанное, тогда уже вновь начинаетъ повѣствовать намъ о пророчицѣ.

А „свитокъ новъ“ и „великъ“, можетъ быть, есть образъ новаго и великаго завѣта, написаннаго „писаломъ человѣчимъ“; потому что вѣщанія Евангельскія писаны языкомъ человѣческимъ, удобопонятнымъ для многихъ. Въ Евангеліи писано и о томъ, „еже скоро совершити плѣненіе корыстей“. Ибо ученіе Евангельское было скоро, быстрѣе всякой молніи, дошло до предѣловъ вселенной; оно отъемлетъ корысти у князя вѣка сего, и плѣненныхъ имъ приводитъ въ послушаніе Христово. „Плѣненіе“ же есть раздѣленіе корыстей, и сіе Богъ въ охраненіе и соблюденіе поручилъ попечителямъ рода человѣческаго—Ангеламъ. Посему написано: скоро „плѣненіе сотворити корыстей“; ибо близко Евангеліе, объ ожидаемомъ издревлѣ съ небеси благовѣствующее, какъ уже о пришедшемъ къ намъ. Свидѣтелями же написаннаго въ Евангеліи да будутъ, сказано, Урія и Захарія. А Урія есть священникъ, и символически обозначаетъ Законъ, данный чрезъ Моисея; Захарія же есть Пророкъ; и Евангеліе утверждено, будучи засвидѣтельствовано Закономъ и Пророками. Въ переводѣ же значатъ Урія—просвѣщеніе Божіе,

Захарія—памятованіе Божіе, а сынъ Варахіинъ—сынъ Божій благословенія. Посему, кому изъ людей прилично быть вѣрнымъ свидѣтелемъ? Тому, кто просвѣщенъ Богомъ, кто имѣетъ непрестанное памятованіе о Богѣ.

Посему что же значатъ слова: „и приступихъ ко пророчицѣ?“ То есть, духомъ и предвѣдѣніемъ будущаго приблизился я къ пророчицѣ. Ибо постигъ, какъ бы сблизился пророческимъ разумѣніемъ, издалека увидѣлъ ея зачатіе, предузрѣвъ посредствомъ пророческаго дарованія, что она родила Сына, о Которомъ сказалъ Господь: „наречеши имя Ему: скоро плѣни, нагло расхити“. Скоро плѣнилъ крѣпкаго, стрегущаго свое достояніе, то есть, проданныхъ подъ грѣхъ и содержимыхъ во узахъ смерти. И его плѣнилъ, а корысти его раздѣлилъ собственнымъ Своимъ силамъ, отдавъ вѣрныхъ въ храненіе и соблюденіе святымъ Ангеламъ, о которыхъ и Самъ сказалъ: „Ангели ваши выну видятъ лице Отца Моего небеснаго“ (Матѳ. 18, 10). Ибо Сей есть нагло расхитившій; о Немъ написано: „восшедъ на высоту, плѣнилъ плѣнъ, пріялъ даяніе въ человѣцѣхъ“ (Псал. 67, 19). А что Марія—та пророчица, къ которой приступилъ Исаія чрезъ приближеніе познаніемъ, сему никто не будетъ противорѣчить, если помнить слова Маріи, сказанныя ею пророчески. Ибо что говоритъ? „Величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ: яко призрѣ на смиреніе рабы Своея. Се бо отнынѣ ублажатъ мя вси роди“ (Лук. 1, 45—48). И вникнувъ во всѣ слова ея, не откажешься наименовать ее пророчицею; потому что Духъ Господень снисшелъ на нее, и сила Вышняго осѣнила ее.

Посему, что повелѣно было написать въ семъ свиткѣ, то, приблизившись къ пророчицѣ, увидѣлъ сбывшимся. Ибо тамъ сказано: „напиши писаломъ человѣчимъ, еже скоро плѣненіе сотвориги корыстей“: а здѣсь послѣ словъ: „во чревѣ зачатъ, и роди сына“, написано: „и рече Господь: нарцы имя Ему: скоро плѣни, нагло расхити“. Такимъ образомъ въ разныхъ выраженіяхъ и представленіяхъ: „возми себѣ свитокъ“, и: „приступихъ ко пророчицѣ“, говорится одно и то же, и прибавленіе сіе не содержитъ въ себѣ ничего несообразнаго съ предшествующимъ.

Сей же Родившійся отъ Пророчицы пріялъ „силу Дамаскову и корысти Самарійскія“. „Сила Дамаскова“—это вѣрующіе изъ язычниковъ; и „корысти Самарійскія“—это увѣровавшіе отъ обрѣзанія; потому что Дамаскъ—главный городъ Сиріи, а Самарія—главный городъ Израиля. Между тѣмъ заповѣди и доблестныя дѣла Родившагося отъ Пророчицы прилагаются Ему отъ Господа вмѣсто именъ, какъ и имя Іисусъ придано Господу за спасеніе, дарованное намъ отъ Бога. Ибо сказано: „наречеши имя ему Іисусъ. Той бо спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ“ (Матѳ. 1, 21).

(5) „И приложи Господь глаголати ко мнѣ еще; (6) понеже не восхотѣша людіе сіи воды Силоамли текущія тисѣ, но восхотѣша имѣти Рассона и сына Ромеліева царя надъ вами, (7) сего ради се возводитъ Господь на вы воду рѣки сильну и многу, царя Ассирійска, и славу его: и взыдетъ на всяку дебрь вашу, и объидетъ всяку стѣну вашу, (8) и отъиметъ отъ Іудеи человѣка, иже возможетъ главу воздвигнути, или могущаго что совершити: и будетъ полкъ его, во еже наполнити ширину страны твоея“.

Какая тому причина, что Богъ всячески угрожаетъ такъ народу за воду Силоамскую? Да и почему народъ не хочетъ воды Силоамской, которая, по сказанію Исторіи, была не болѣзнетворна и никакого другаго вреда не причиняла употреблявшимъ ее? Притомъ, какое соотвѣтствіе— не хотящему воды Силоамской желать Рассона и сына Ромеліева? Ибо какое общеніе между неодушевленною водою и царемъ, владычествующимъ и начальствующимъ надъ подданными? Но слово „Силоамъ“ должно понимать въ переносномъ значеніи: оно, по ученію Евангельскому, толкуется „посланъ“. Ибо такъ переводится въ Евангеліи отъ Іоанна: „иди, умыйся въ купѣли Силоамстѣ, еже сказуется, посланъ“ (Іоан. 9, 7). Посему, кто же посланный и текущій „тисѣ“, какъ не Тотъ, о Которомъ сказано: ‚Господь посла Мя и Духъ Его“ (Исаіи. 48, 16); и еще: „не преречетъ, ни возопіетъ, ниже услышанъ будетъ гласъ Его на распутіяхъ“ (Мате. 12. 19)? Итакъ не пріемлющіе Посланнаго съ небесъ презираютъ Его кротость, привлекаютъ же къ себѣ сына Ромеліева, то есть ученіе, заключающее въ себѣ ложныя мнѣнія, но увѣряющее, что оно основано на Божественныхъ Писаніяхъ, и Рассона, который значитъ: выспренній. и уноситъ слушателя за предѣлы вѣры, согласной съ Божественными Писаніями, надмеваетъ его и отводитъ отъ утвержденія на основанія вѣры. Ибо Арамъ толкуется „выспренній“.

Посему, кто презрительно обходится съ ученіемъ твердымъ, не пріемлетъ того, что постоянно, тихо и благоведренно, но къ худопонятымъ мѣстамъ Писанія присоединяетъ нѣчто заимствованное внѣ Вѣры, тому угрожаетъ пророческое слово, что низведетъ на нихъ „воду многу и сильну, царя Ассирійска“, то есть, князя вѣка сего. А что Писаніе подъ именемъ Ассиріянина не рѣдко разумѣетъ противника, сіе видно изъ послѣдующаго мѣста у того же самаго Пророка. Онъ говоритъ: „и будетъ, егда скончаетъ Господь вся творя въ горѣ Сіони и во Іерусалимѣ, наведетъ на умъ великій, на князя Ассирійска, и на высоту славы очію его. Рече бо: крѣпостію сотворю, и премудростію разума отъиму предѣлы языковъ, и силу ихъ плѣню: и сотрясу грады населеныя, и вселенную всю объиму рукою Моею яко гнѣздо, и яко оставленая яица возму: и нѣсть, иже убѣжитъ Мене или противу Мнѣ речетъ“ (Исаіи 10, 12—14). Вѣроятно, и

теперь Пророкъ говоритъ о такомъ же князѣ Ассирійскомъ, который подлинно есть „вода многа“, подобенъ потоку, насильственно и стремительно увлекающему встрѣчающихся. И удостоенные того, чтобы безвредно перейдти чрезъ сей потокъ, говорятъ: „потокъ прейде душа наша, воду непостоянную“ (Псал. 123, 5). И Евангеліе упоминаетъ о той же самой водѣ въ притчѣ, когда слышавшаго ученіе и не творящаго, уподобляетъ человѣку, „создавшему свою храмину безъ основанія; наводненію же бывшу“, какъ сказано, не устояла храмина, но „падеся, и бысть разрушеніе храмины тоя веліе“ (Лук. 6, 48. 49).

Но сія „вода многа“, говоритъ Пророкъ, „взыдетъ на всяку дебрь вашу“. А дебри суть земныя впадины. Почему же говорится, что вода взыдетъ, а не низойдетъ? Потому что всякое униженіе въ людяхъ, производимое грѣхомъ, несравненно выше первыхъ потоковъ и какъ бы началъ лукавства. А какъ скоро будутъ преданы сопротивнымъ силамъ; онѣ объидутъ „всякую стѣну“ отступниковъ, то есть, всякое, утвержденное ученіе ихъ, все, что почитаютъ они для себя твердынею.

За отступленіе же отъ Силоама и за преклонность къ губительнымъ царямъ, пророческое слово угрожаетъ отнятіемъ отъ Іудеи всякаго человѣка, имѣющаго возможность „воздвигнути главу, или могущаго что совершити“, то есть человѣка, возвышеннаго въ умномъ созерцаніи, и въ дѣятельной добродѣтели съ силою совершающаго, что признано лучшимъ, и еще угрожаетъ расположеніемъ воинскаго стана на широтѣ страны не пріявшихъ Силоама. Ибо чрезъ то, что предались пути пространному и широкому, дѣлаются достойными служить полемъ сраженія для сопротивной силы, не какъ необходимо на сіе осуждаемые, но какъ избравшіе себѣ худшую участь. Ибо поколику „не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная“ (Рим. 1, 28).

„Съ нами Богъ: (9) разумѣйте, языци, и покаряйтеся; услышите даже до послѣднихъ земли!“ Итакъ слова: „съ нами Богъ“, относятся къ Спасителю. Ибо такъ наименованъ былъ выше (Исаіи 7, 14), Раждаемый отъ Дѣвы, на Еврейскомъ языкѣ, Еммануилъ, „еже есть сказаемо, съ нами Богъ“ (Матѳ. 1, 23). „Разумѣйте, языцы, и покаряйтеся“. Мнѣ кажется, что слова сіи возглашаютъ въ избыткѣ радости познавшіе пришествіе Христово и уразумѣвшіе силу креста, страшную для язычниковъ. Для того „разумѣйте, языцы, и покаряйтеся“, чтобы вамъ, покореннымъ этимъ прекраснымъ и полезнымъ для васъ покореніемъ, быть плѣненными въ послушаніе Христово, и чрезъ порабощеніе Христу освободиться отъ закона грѣховнаго. Чѣмъ же покаряются язычники? Тѣмъ, что познаютъ Бога. Ибо тма препобѣждается явленіемъ свѣта, и болѣзнь превозмогается наступленіемъ здравія.

Уразумѣйте только истину, язычники, и тотчасъ будете покорены симъ спасительнымъ для васъ покореніемъ! „Услышите даже до послѣднихъ земли“. Кого услышите? Возвѣщающихъ вамъ Евангеліе. Ибо сказано: „во всю землю изъиде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ“ (Псал. 18, 5).

„Могущіи, покаряйтеся“; отложите силу тѣлесную, и воспріимите немощь плоти, да сила Божія въ немощи совершится!

„Аще бо паки возможете, паки побѣждени будете“. Если когда востанетъ въ тебѣ мудрованіе плоти, старайся его поработить, преоборотъ и подчинить духу.

(10) „И иже аще совѣтъ совѣщаете, разоритъ Господь, и слово, еже аще возглаголете, не пребудетъ въ васъ, яко съ нами Богъ“. Ибо „погубитъ премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ“ отвергнетъ (Исаіи 29, 14). Такъ совѣтъ человѣческій приводитъ въ бездѣйствіе „велика совѣта Ангелъ“ (Исаіи 9, 6), и слово человѣческое обращаетъ въ ничто Богъ-Слово; и ни одного такого слова, говоритъ Пророкъ, „не пребудетъ въ васъ; яко съ нами Богъ“. Полезно же было намъ во времена гоненія съ упованіемъ говорить язычникамъ: „аще бо паки возможете, паки побѣждени будете“. Ибо они, многократно возставая на Церковь Христову, многократно и падали. Подобно людямъ, которые прибавленіемъ сгараемаго вещества больше и больше усиливаютъ пламень, и они, непрестанно стараясь разорить Церковь гоненіями, возводили ее въ большую славу и силу.

(11) „Тако глаголетъ Господь: крѣпкою рукою не покаряются хожденію пути людей сихъ, глаголюще: (12) да не когда речете[1]): жестоко: все бо, еже аще рекутъ людіе сіи, жестоко есть: страха же ихъ не убойтеся, ниже возмятитеся. (13) Господа, Того освятите, и Той будетъ тебѣ въ страхъ. (14) И аще будеши уповая на Него, будетъ во освященіе, а не якоже о камень претыканія преткнешися, ниже яко о камень паденія“.

Сперва благовѣствовано слово о пришествіи Еммануила, и какъ бы послѣ побѣды надъ язычниками, провозглашено: „разумѣйте, языцы, и покаряйтеся; съ нами Богъ“; а потомъ пророческое слово, въ осужденіе язычниковъ, присовокупляетъ, что „не покаряются крѣпкою рукою“. А крѣпкая рука есть Сила, зиждущая существа, отъ Которой имѣетъ бытіе всякая тварь въ видимомъ мірѣ и въ томъ, который превыше видимаго. Ибо два способа, которыми можемъ быть приводимы къ познанію Бога и къ попеченію о себѣ самихъ: именно, можемъ восходить къ Творцу, или отъ естественныхъ познаній чрезъ видимое, или отъ ученія даннаго

[1]) У Седмидесяти и въ Славянскомъ: „рекутъ“.

намъ въ Законѣ. Но язычники не покаряются и крѣпкою рукою, то есть, не возводятся къ познанію Сотворшаго тварями, „хожденію“, то есть, „пути“. А путь есть Господа, сказавшій: „Азъ есмь путь“ (Іоан. 14, 6); Онъ же рука и десница Божія. Ибо сказано: „Десница Твоя, Господи, прославися въ крѣпости“ (Исх. 15, 6); и еще: „Азъ рукою Моею утвердихъ небо“ (Исаі. 15, 13). Посему обвиняются не вѣрующіе въ Господа. Подъ хожденіемъ Пророкъ разумѣетъ путь сей жизни, предписанный намъ Закономъ. А что ученіе называется путемъ, это извѣстно изъ многихъ мѣстъ Писанія. Такъ, Господь учителей Закона называетъ вождями слѣпыми (Матѳ. 15, 14). Еще: „на пути свидѣній Твоихъ насладихся“ (Пс. 118, 14); еще: „въ пути Твоемъ живъ буду“ [1]) (37); и еще: „блажени непорочніи въ пути“. Вообще Писаніе исполнено мѣстъ, въ которыхъ преуспѣяніе по Закону въ усовершеніи души называется какимъ то хожденіемъ.

Пророкъ присовокупилъ и причину непокорности. Сказано: не пріемлютъ заповѣдей, какія дало Писаніе о семъ пути, но не покаряются имъ находя сіи заповѣди жестокими. Такъ и въ Евангеліи Іудеи, не терпя ученій Господа, говорили: „жестоко есть слово сіе: кто можетъ его послушати“ (Іоан. 6, 60)? Жестоко блуднику быть цѣломудреннымъ; жестоко упивающемуся быть воздержнымъ; жестоко злорѣчивому говорить въ похвалу. И вообще, всякой выѣ, которая желаетъ быть на свободѣ, жестокимъ кажется иго Закона. Посему многіе увлекаются въ погибель по гладкому и широкому пути; и не многіе входятъ въ Царствіе, потому что не выносятъ неудобствъ и трудностей добродѣтельной жизни. Ибо порокъ уловляетъ легкостью удовольствія, а добродѣтель строгостью предписаній и трудами дѣлаетъ горькою жизнь подвижниковъ. „За словеса устенъ Твоихъ азъ сохранихъ пути жестоки“ (Псал. 61, 4). Путями жестокими Пророкъ называетъ заповѣди, данныя намъ для благоустроенія душъ нашихъ. Что жесточае сего—получивъ ударъ въ ланиту, обратить ударившему и другую; ограбленному не входить въ судъ; когда влекутъ тебя въ судъ скинуть съ себя и срачицу; благословлять злословимому, хулимому молить, никого не ненавидѣть, за гонителей молиться (Матѳ. 5, 39. 44. Лук. 6, 28, 1 Кор. 4, 13)? Но сіи жестокія заповѣди уготовляютъ намъ для упокоенія нѣжное лоно отца нашего Авраама. Ибо „блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся. Блажени алчущіи и жаждущіи правды: яко тіи насытятся“ (Матѳ. 5, 4, 6). И почти всякое здѣшнее злостраданіе пріобрѣтаетъ намъ вѣчныя блага. Посему „ходящіи хождаху и плакахуся, метающее сѣмена своя“ (Псал. 125, 6). Ибо скорби, претерпѣваемыя здѣсь за Божій законъ, будутъ сѣменемъ грядущихъ благъ.

---

[1]) Ζίσομαι. У Седмидесяти: ζῆσόν με, „живи мя“.

„Грядуще же пріидутъ радостію, вземлюще рукояти своя“. Итакъ язычники „не покорятся хожденію людей, глаголюще: да не когда речете, жестоко: все бо еже аще рекутъ людіе сіи, жестоко есть“. Посему спроси у преданныхъ идоламъ: почему не приступаютъ къ ученію проповѣди? Искреннѣйшіе изъ нихъ сознаются, что не выносятъ суровости ученія.

Потомъ Пророкъ присовокупляетъ: „страха же ихъ не убойтеся“ Сіи слова имѣютъ двоякій смыслъ. Ибо и язычникамъ говоритъ: не убойтеся страха, котораго теперь боитесь по невѣжеству, не посвящая себя упражненію въ добродѣтеляхъ. И какъ бы такъ сказалъ Пророкъ: не бойся цѣломудрія; не бойся мужества; не бойся благочестія; не бойся ни одной изъ добродѣтелей; онѣ легки, удобоприступны, доставляютъ блага, даруютъ жизнь. Или Пророкъ, перемѣнивъ рѣчь, простираетъ слово къ народу Божію: хотя язычники составили о васъ такое понятіе, не соглашаясь въ общеніи съ вами ходить по Закону; однако же вы не убойтесь языческихъ противъ васъ злоумышленій, но помышляя о Господѣ, „Того освятите, и Той будетъ тебѣ въ страхъ“. Весьма важно для усовершенствованія знать, чего бояться, не отъ всего приходить въ ужасъ, не робѣть при всякомъ шумѣ, страшась и не страшнаго. Ибо таковыхъ осуждаетъ Псаломъ, говоря: „тамо убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ“ (Пс. 13, 5). Посему освяти Господа, „и Той будетъ тебѣ въ страхъ“. Его пришествія ожидай, Его суда бойся. Страшенъ, Кто воздаетъ каждому по дѣламъ его; страшенъ, Кто во гласѣ трубномъ съ святыми Ангелами пріидетъ съ небесъ; страшенъ Тотъ, Чей приговоръ есть вѣчное мученіе.

„И аще будеши уповая на Господа, не преткнешися якоже о камень претыканія, ниже яко о камень паденія“. Пророческое слово яснымъ образомъ призываетъ къ вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса: ибо о Немъ сказано: „се полагаю въ Сіонѣ камень претыканія и камень соблазна“ (Рим. 9, 33). Слѣпые, не способные видѣть того, что подъ ногами, спотыкаются о камни; а не твердо ступающіе поскользаются на камняхъ. Посему, кто не прилагалъ никакого попеченія о прозрительной силѣ души, и не позналъ пришествія Господа, чрезъ изученіе Писаній, тотъ претыкается о проповѣдь Евангельскую; и кого легко совратить въ вѣрѣ, тотъ соблазняется о камнѣ, который есть Христосъ (1 Кор. 10, 4). Но ты, говоритъ Пророкъ народу, „аще будеши уповая“, и совершенною вѣрою утвердишься въ Господѣ: „не якоже о камень претыканія, преткнешися“ о слово, о Немъ возвѣщающее, ниже „яко о камень паденія“ разобьешься, поскользнувшись. А можетъ быть, буйство проповѣди для Еллиновъ, ищущихъ премудрости, есть преткновеніе, а для Іудеевъ, просящихъ знаменій, камень соблазна. Почему Павелъ сказалъ, что проповѣдь—„Іудеемъ соблазнъ“, язычникамъ же „безуміе“. Но тѣмъ,

которые уповаютъ на Господа, простоту проповѣди не подвергаютъ логическимъ доказательствамъ, истину извѣдываютъ не посредствомъ знаменій, „Христосъ есть Божія сила и Божія премудрость“ (1 Кор. 1, 22—24).

(16) „Тогда явлени будутъ печатлѣющіи законъ еже не учитися. (17) И речетъ: пожду Бога отвращшаго лице Свое отъ дому Іаковля и уповая буду на Нь“. Сія рѣчь состоитъ въ связи съ предъидущею и въ зависимости отъ нея. „Се Дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ: еже есть сказаемо, съ нами Богъ“ (Исаіи 7, 14, Матѳ. 1, 23). И еще ниже говоритъ Пророкъ: „съ нами Богъ. Разумѣйте языцы, покаряйтеся“. Потомъ простираетъ рѣчь къ тѣмъ, которые не пріемлютъ возвѣщаемаго Еммануиломъ, но уклоняются трудности заповѣданнаго Имъ. „Тогда“, говоритъ, „явлени будутъ печатлѣщіи Законъ, еже не учитися“. Ибо когда слово ученія посѣвается во всѣхъ: одни направляютъ сердца свои къ принятію ученій, и какъ плодоносная земля, пріемлютъ въ себя слово, глубоко укореняютъ, не заглушаютъ терніями, не оставляютъ безъ охраненія, такъ чтобы діаволу легко было похитить его, но приплодствуютъ „на тридесять, и на шестьдесятъ, и на сто“ (Марк. 5, 8); а есть и такіе, что совершенно заключаютъ душу свою, чтобы не принять слова, какъ бы завязываютъ и запечатлѣваютъ сами себя, чтобы не взошло въ нихъ слово истины. Запечатлѣнными же называются и тѣ, которые уподобляютъ себя образу сопротивнаго, и не хотятъ, чтобы вообразился въ нихъ Христосъ, искажаютъ въ себѣ „образъ Небеснаго“, и увеселяются однимъ „образомъ перстнаго“ (Кор. 15, 49). Но запечатлѣнъ и Законъ неясностію и тѣмъ, что не всякому понятенъ; для уразумѣнія же его необходимо требуется упражненіе въ Законѣ. Посему, кто не предается размышленію, и не желаетъ разрѣшить узелъ невѣдѣнія, о томъ говорится, что онъ печатлѣетъ Законъ; и таковый явленъ будетъ въ день откровенія. Ибо „явлени будутъ печатлѣющіи Законъ еже не учитися“. Какъ же печатлѣютъ Законъ Іудеи, о которыхъ сказано: „взясте ключи, сами не входите, и входящимъ возбраняете“ (Лук. 11, 52)? Печатлѣетъ „еже не учитися“, кто, подъ предлогомъ соблюденія написаннаго буквально, не открываетъ глубокихъ таинъ. И смотри, что говоритъ Пророкъ. Не явно ли это—выраженіе собственно іудейскія? „Пожду Бога отвращшаго лице Свое отъ дому Іаковля“. Это говорятъ Іудеи: не вѣруй въ Бога, не принимаю Еммануила: хотя теперь я оставленъ, но дождусь когда нибудь посѣщенія отъ Бога, „отвращшаго лице Свое отъ дому Іаковля“.

(18) „Се азъ, и дѣти, яже ми даде Богъ: и будутъ знаменія и чудеса въ дому Іаковли [1]) отъ Господа Саваоѳа, Иже обитаетъ на горѣ

[1]) У Седмидесяти и въ Славянскомъ: „Израилевѣ“.

Сіонъ". По обличеніи непокорныхъ, Самъ уже Господь говоритъ отъ лица Своего. Итакъ, говоритъ, они „не покоряются" рукѣ крѣпкой, „и хожденію пути людей сихъ"; и дѣлаютъ видъ, что ожидаютъ Господа, „отвращшаго лице Свое отъ дому Іаковля". А Я увѣровавшихъ въ Меня, вновь возрожденныхъ чрезъ отложеніе ветхаго и облеченіе въ новаго человѣка, какъ новорожденныхъ младенцевъ, у которыхъ нравы нѣжны и невинны, но которые уже воздоены начатками ученія, и приступаютъ къ совершеннѣйшей пищѣ таинъ, пріявъ и согрѣвъ въ лонѣ Своего милосердія, привожу ко Отцу. Ибо чрезъ Меня путь познанія ведущій къ Нему. А что слова сіи произнесены отъ лица Христова, никто не будетъ спорить, если помнитъ сказанное въ посланіи къ Евреямъ: „подобаше бо, Егоже ради всяческая, и Имже всяческая, приведшу многи сыны въ славу, Начальника спасенія страданми совершити. И Святяй бо", говоритъ Апостолъ, „освящаеміи, отъ Единаго вси; еяже ради вины не стыдится нарицати ихъ братію, глаголя: возвѣщу имя Твое братіи Моей. И паки: се Азъ, и дѣти, яже Ми далъ есть Богъ" (Евр. 2, 10—13).

„И будутъ", сказано, „знаменія и чудеса въ дому Іаковли". Ими, то есть, чадами возрожденными чрезъ Христа, будутъ совершены сильныя знаменія и чудеса въ дому Іаковли. Чадами были Апостолы, „младенствующіе злобою" (1 Кор. 14, 20). Они люди неученые, Галилеяне, сперва начавъ говорить языками, содѣлали явнымъ для всѣхъ сошествіе Духа и совершившееся надъ ними раздаяніе дарованій и раздѣленіе языковъ. Потомъ извѣстное чудо—хромый сидящій у красныхъ дверей, когда Петръ и Іоаннъ, чрезъ призваніе имени Христова, утвердили ступни его, начавшій ходить, чѣмъ и исполнилось древнее пророчество: „тогда скочитъ хромый яко елень" (Исаіи 35, 6). Чудо—и сія „Серна", воскрешенная изъ мертвыхъ (Дѣян. 9, 35); чудо—и желѣзныя врата темницы, „о себѣ отверзающіяся" при исшествіи Петровомъ (12, 10), и распадающіяся узы и все прочее, что было совершено чрезъ Апостоловъ въ явленіе Божества Единороднаго.

Но всѣ сіи знаменіи и чудеса—отъ Бога Саваоѳа, „Иже обитаетъ на горѣ Сіонъ". Подъ именемъ Бога Саваоѳа, обыкновенно, разумѣли Бога воинствъ. Кто же иной сей Господь воинствъ, какъ не именуемый Архистратигомъ силы Божіей (Іис. Нав. 5, 14), отъ Котораго даются знаменія дѣтямъ? А что вѣрующіе во Христа суть дѣти, сіе явствуетъ изъ сказаннаго Господомъ. Ибо Іудеямъ, которые о хвалящихъ Его и говорящихъ: „осанна въ вышнихъ!" спрашивали Его: „слышиши ли, что сіи глаголютъ?" отвѣчалъ: „яко изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу" (Матѳ. 21, 15. 16). Младенцами же назвалъ въ семъ мѣстѣ тѣхъ, которые рѣзали пальмовыя вѣтви, постилали одежды по

пути, взывали и славословили Его. Но и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „исповѣдаютися, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси то младенцемъ“ (Матѳ. 11, 25), разумѣя подъ младенцами обученныхъ слову, и удостоившихся чрезъ Духа откровенія таинъ. Посему словами: „се Азъ, и дѣти“ Господь указываетъ на избранныхъ Своихъ, потому что „буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ“ (1 Кор. 27). Потому всякій, отложившій „ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ“ (Еф. 4, 22), и облекшійся „въ новаго, обновляемаго по образу Создавшаго“ (Кол 3, 10), есть чадо, по таинственному слову Христову.

(19) „И аще рекутъ къ вамъ: изъищите чревоволшебниковъ, и отъ земли возглашающихъ, тщесловующихъ, иже отъ чрева глашаютъ: не языкъ ли къ Богу своему взыщетъ? Что испытуютъ мертвыя о живыхъ? (20) Законъ бо въ помощь даде, да рекутъ не якоже слово сіе, за ньже не лѣть дары даяти. (21) И пріидетъ на вы жестокъ гладъ, и будетъ, егда взалчете, скорбни будете, и зло речете князю и отечеству: (22) и воззрятъ на небо горѣ, и на землю низу призрятъ, и се скудость тѣсна, и тма, скорбь, и тѣснота, и тма, якоже не видѣти: и не оскудѣетъ въ тѣснотѣ сый даже до времене“.

Не пріемлющіе слова Евангельскаго, уничижающіе проповѣдь, какъ буйство, и соблазняемые крестомъ, когда совѣтуемъ имъ прійдти въ познаніе, сами предлагаютъ намъ совѣты собственнаго своего заблужденія, говоря: „изъищите“ не Господа, но „чревовомшебниковъ, и отъ земли возглашающихъ, тщесловующихъ“. И этому свидѣтель опытъ. Ибо прилѣпившіеся къ идоламъ, внимающіе сновидѣніямъ и волхованіямъ демоновъ, и сами ни во что не вмѣняютъ истину, и намъ совѣтуютъ искать подобнаго; потому что вліяніе заблужденія на паденіе искушаемыхъ ими производится демонами, которые нынѣ въ сновидѣніяхъ окружаютъ человѣка какими-то мечтаніями, или заключающими въ себѣ совѣтъ, какъ избавиться отъ тѣлесной немощи, или предвѣщающими будущее. А демоны могутъ подразумѣвать подобныя вещи,—касательно тѣлесныхъ немощей потому, что лучше насъ проникаютъ въ вещественныя свойства и знаютъ качества травъ, и пригодность ихъ въ болѣзняхъ; касательно же будущаго не рѣдко предсказываютъ, что уже совершилось; но поелику сіе намъ еще неизвѣстно, то возвѣщаютъ о томъ, какъ о будущемъ. Напримѣръ: и у насъ иной, услышавъ о чьемъ нибудь прибытіи, возвѣщаетъ о немъ ожидающему, какъ о будущемъ, такимъ обманомъ уловляя себѣ ту славу, что почтутъ его пророкомъ. Такъ и демоны не рѣдко людямъ, легко впадающимъ въ обманъ, возвѣщали, что уже осуществилось и объявлено въ Божіемъ опредѣленіи. Такъ чревовѣщательница чрезъ демоновъ возвѣстила Саулу будущее

пораженіе. Ибо демоны были принявшіе на себя лице Самуила; они, услышавъ объ осужденіи Саула передали приговоръ, произнесенный Богомъ, какъ свой собственный. Итакъ язычники не рѣдко стараются вовлечь насъ въ обманы демонскіе, говоря: „изъищите чревоволшебниковъ, и отъ земли возглашающихъ“: ибо не смѣютъ сказать, что слова ихъ съ неба; какъ и упоминаемая въ книгахъ Царствъ волшебница, бесѣдовавшая съ Сауломъ, говорила: вижу „боги, восходящія отъ земли“ (1 Цар. 28, 13). Подобны сему вымыслы чревовѣщателей; они обѣщаютъ вызвать души умершихъ для открытія желаемаго.

Потомъ Пророкъ произноситъ свое мнѣніе, какое имѣетъ о подобныхъ вымыслахъ, и чревовѣщателей признаетъ говорящими пустое, сказавъ: „тщесловующихъ, иже отъ чрева глашаютъ“, то есть, говорятъ по собственному произволу. Ибо чревовѣщатель не заимствованное отъ кого либо другаго произноситъ, но въ сердцѣ своемъ сложивъ ложь, и угадывая желаніе зрителей, говоритъ, что способствуетъ ко введенію въ обманъ неразумныхъ. Или, можетъ быть, „отъ чрева глашаютъ“ тѣ, „имже богъ чрево“ (Филип. 3, 19), которые все дѣлаютъ для наслажденія пищею и питіемъ. А посему не погрѣшитъ иной, назвавъ „чревоволшебниками и отъ чрева глашающими“ тѣхъ, которые, для наполненія чрева, принимаютъ на себя видъ учителей и облекаются въ образъ благочестія; но поелику произносятъ слова не отъ душевнаго расположенія, то называются „тщесловующими“. И справедливо; ибо кто учитъ, но не творитъ, тотъ не подаетъ о себѣ вѣроятія, чтобы училъ съ пользою.

А слова: „не языкъ ли къ Богу своему взыщетъ?“ имѣютъ подобный сему смыслъ. Каждый народъ предлагаетъ своему богу вопросъ о томъ, что желаетъ знать. И для ясности изреченія надобно читаемое представить въ видѣ вопроса: „не взыщетъ ли языкъ къ Богу своему?“ Посему, чуждые нашего богослуженія, сообразно съ богами, которыхъ они признаютъ за боговъ, должны предлагать имъ и вопросы; но признающіе боговъ мертвыхъ вопрошаютъ ихъ о живыхъ. Мертвыми же Пророкъ или называетъ бездушныхъ идоловъ, камни, дерева, мѣдь и золото, или именуетъ тѣхъ, которые своимъ отступничествомъ утратили истинную жизнь; или можетъ быть, все искусство, такъ называемыхъ, чревовѣщателей обращается около гробницъ, и оттуда заимствуетъ силу чародѣйства.

Потомъ пророческое слово, негодуя на безуміе идолопоклонниковъ, говоритъ: „что испытуютъ мертвыя о живыхъ?“ Для чего ты, одушевленная тварь, покланяешься камню? Для чего ты, существо разумное, вопрошаешь мертваго? за живаго сына умоляешь не имѣющаго, или лишеннаго жизни, бездыханнаго? Идешь ли ты къ прорицалищу, или придумываешь для себя очищенія; прибѣгаешь къ мертвымъ, которые сами утратили жизнь, и тебѣ причинятъ смерть за преслушаніе.

Законъ даде въ помощь, да рекутъ не якоже слово сіе, за ньже не лѣть дары даяти". Не любопытствуй о будущемъ, но располагай настоящимъ въ пользу. Ибо какая тебѣ выгода предвосхитить вѣдѣніе? Если будущее пренесетъ тебѣ нѣчто доброе, то оно прійдетъ, хотя ты и не предузналъ. А если оно скорбно; какое для тебя пріобрѣтеніе напередъ томиться скорбію? Ты получилъ „въ помощь законъ". Въ тебѣ и отъ природы было уже великое предрасположеніе къ прекрасному, но Богъ, усовершая сіе, присовокупилъ въ руководство тебѣ и Законъ. Хочешь ли удостовѣриться въ будущемъ? Исполняй предписанное Закономъ, и ожидай наслажденія благими. „Чти отца твоего, и матерь твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли, юже Господь Богъ твой дастъ тебѣ" (Исх. 20, 12). Желаешь ли благъ? Исполняй предписанное. Не спрашивай прорицателя о здоровьѣ, но пріими врача, который предлагаетъ для здравія средства, состоящія въ твоей власти. Чему научишься у другаго? Ни одинъ прорицатель не даетъ безсмертія; ни одинъ не возводитъ на небо; ни одинъ не поставитъ тебя предъ Судіею небоязненнымъ; но сіе дадутъ Законъ и точное его соблюденіе. Соблюдая Законъ, не любопытствуй о будущемъ, но ожидай воздаянія.

Посему „Законъ даде въ помощь, да рекутъ не якоже слово сіе, за ньже не лѣть дары даяти о семъ". А Законъ сей не то, что сіе слово чревовѣщателя; ибо не для обмана вымышленъ, какъ это слово, но онъ—учитель истины. Тѣ прорицаютъ за серебро; и это всего смѣшнѣе, обманываемые въ награду за ложь платятъ имъ серебромъ. А это слово, то есть, слово Закона, не таково, чтобы за него давать даръ; потому что никто не продаетъ Божіей благодати. Сказано: „туне пріясте: туне дадите" (Матѳ. 10, 8). Видишь ли, какъ вознегодовалъ Петръ на Симона, предлагавшаго серебро за благодать Духа? „Сребро твое", говоритъ онъ, „съ тобою да будетъ въ погибель, яко даръ Божій непщевалъ еси сребромъ стяжати" (Дѣян. 8, 20). Итакъ слово Евангельское—не то, что продажныя слова чревовѣщателей. Ибо кто можетъ дать достойное за нихъ вознагражденіе? Послушай Давида, который недоумѣваетъ и говоритъ: „что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми" (Псал. 115, 3)? Итакъ „не лѣть дары даяти" за сіе, дары равноцѣнные благодати Его; одинъ даръ достоинъ—сбереженіе даруемаго. Давшій тебѣ сокровище требуетъ за сіе не цѣны дарованнаго, но сбереженія, которое было бы достойно дара.

„И прійдетъ на вы жестокъ гладъ", говоритъ Пророкъ, „и будетъ егда взалчете, скорбни будете, и зло речете князю и отечеству". Устрояющій все во спасеніе Господь посылаетъ иногда и голодъ къ пользѣ дѣтоводствуемыхъ. Ибо сказано: „озлобихъ тя, и гладомъ заморихъ тя" (Втор. 8, 3), чтобы сдѣлать тебѣ добро. Посему „жестокимъ" называетъ голодъ

непреодолимый и невообразимый. Ибо въ голодѣ есть разность. Бываетъ голодъ, происходящій только отъ недостатка хлѣба; бываетъ голодъ отъ оскудѣнія и всего прочаго годнаго въ пищу. Но сей голодъ, который обѣщаетъ наслать пророческое слово, есть „гладъ жестокъ“, такъ что скудостію произведетъ печаль, которая можетъ содѣлать спасеніе „нераскаянно“ (2 Кор. 7, 10).

А когда будутъ скорбѣть по Богу, тогда „зло рекутъ князю и отечеству“. Кто сей князь, которому зло изрекаютъ прекрасно скорбящіе? Очевидно, князь міра сего, которому зло рекутъ изъ раскаянія, когда прійдутъ въ сознаніе причиненнаго имъ вреда. Но зло изрекаютъ „и отечеству“. А „отечество“ живущихъ во грѣхахъ—житейскія дѣла, которыми опутываются славолюбивые. „Отечество“ для грѣшника—„дѣла плотская, прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, студодѣяніе, идолослуженіе“ (Гал. 5, 19. 20), страсть, злое вожделѣніе. „Отечество“—коварство, ложь, злоумышленія, обманы, лицемѣріе. Посему, какъ бы отъ нѣкотораго опьяненія, отрезвившійся отъ дѣлъ мірскихъ зло речетъ князю міра, который руководилъ его къ дѣламъ погибельнымъ; но зло речетъ и отечеству, въ которомъ живя, не принималъ дарованнаго намъ Богомъ въ помощь Закона. Ты не можешь принадлежать истинному Царю, если не зло речешь князю. Посему Церковь научила тебя говорить: „отрицаюсь тебя, сатана“; вотъ злорѣченіе князю! Какое же злорѣченіе „отечеству? Отрицаюсь и дѣлъ твоихъ“. Вотъ „отечество“—дѣла діавола. Блаженъ, кто искренно изрекаетъ зло князю. Ибо приступаетъ уже къ истинному Царю и просвѣщается. Блаженъ, кто хулитъ древнее отечество; ибо найдетъ себѣ отечество—„вышній Іерусалимъ, иже есть мати всѣхъ“ (Гал. 4, 26), которые подобны блаженному Павлу. „Отечество“—и лукавые нравы, предапные намъ отъ отцовъ. Оставилъ тебѣ отецъ имѣніе пріобрѣтенное любостяжаніемъ? Отдай его обижепному, не стой за него какъ за собственность; ибо это—наслѣдіе грѣха. Оставилъ тебѣ отецъ раба, порабощеннаго неправедно? Дай ему свободу,—и отцу облегчишь мученіе, и себѣ пріуготовишь истинную свободу. Что говоритъ Пророкъ послѣ сего?

„И воззрятъ на небо горѣ, и на земли низу призрятъ, и се скудость тѣсна, и тма, якоже не видѣти: и не оскудѣетъ въ тѣснотѣ сый даже до времени“. О сихъ, которые тѣснотою приведены въ раскаяніе, говоритъ слово, что „воззрятъ на небо горѣ“; которые прежде были согбенны, не могли разумѣть возвышеннаго въ Божественныхъ созерцаніяхъ, тѣ самые какъ бы отъ нѣкоторыхъ узъ, отрѣшившись отъ пристрастія къ земному, свободное око свое возведутъ къ небу, созерцая естество невидимаго и мысленнаго, и уразумѣвая то мѣсто, въ которомъ надобно полагать сокровище. Потомъ „призрятъ на землю низу“, познаютъ малоцѣн-

ность своего естества и по сродству его съ землею, которые не задолго прежде надмевались и высоко о себѣ думали. Подивись же, съ какою тщательностію Писаніе употребило выраженія, придумавъ каждому предмету соотвѣтственное реченіе. Ибо небо и земля предложены нашему созерцанію; и о небѣ говоритъ: „воззрятъ на небо горѣ“; а о землѣ: „призрятъ на земли низу“. Потомъ въ удивленіи, по уразумѣніи столь великихъ предметовъ, почувствуютъ скудость, стѣсненіе и омраченіе ума, когда изумленіе земному произведетъ въ нихъ это великое смущеніе. Ибо сказано: „егда скончаетъ человѣкъ, тогда начинаетъ, и егда престанетъ, тогда усумнится“ (Сирах. 18, 6). Никто не знаетъ, сколь многаго онъ не вѣдалъ, пока не получилъ вкуса въ семъ вѣдѣніи. Впрочемъ благій Владыка обѣщаетъ имъ полезнѣйшее. Ибо сказано: „не оскудѣетъ въ тѣснотѣ сый даже до времене“. Сіе невѣдѣніе не навсегда будетъ одержать родъ человѣческій; напротивъ того, кто нынѣ ищетъ истины познанія, и болѣзнуетъ объ ея обрѣтеніи, тотъ со временемъ узритъ лицемъ къ лицу, и пріобрѣтетъ совершенство вѣдѣнія, когда настанетъ время всеобщаго обновленія. Ибо сіе значатъ слова: „даже до времене“.

Глава 9.

„Сіе прежде испій, скоро твори, страно Завулоня, и земле Нафеалимля, и прочіи при мори живущіи, и обѣону страну Іордана, Галилеа языкъ (1). Людіе ходящіи во тмѣ, видите [1]) свѣтъ велій: живущіи во странѣ и сѣни смѣртнѣй, свѣтъ возсіяетъ на вы (2). Множайшыя люди, яже извелъ еси въ веселіи твоемъ, и возвеселятся предъ тобою, якоже веселящіися въ жатву, и якоже веселятся дѣлящіи корысти (3). Зане отъятся яремъ лежай на нихъ, и жезлъ, иже на выи ихъ: жезлъ бо истязующихъ разсыпа якоже въ день, иже на Мадіама (4). Яко всякую одежду собранну лестію, и ризу съ примиреніемъ отдадутъ, и восхотятъ, да быша огнемъ сожжени были (5). Яко Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ, Егоже начальство бысть на рамѣ Его: и нарицается имя Его: велика совѣта Ангелъ. Приведу бо миръ на князи, миръ и здравіе Ему (6). Веліе начальство Его, и мира Его нѣсть предѣла на престолѣ Давидовѣ, и на царствѣ Его, исправити е, и заступити въ судѣ и правдѣ, отъ нынѣ и до вѣка: ревность Господа Саваоѳа сотворитъ сія (7).

Пророческое слово, имѣя благовѣствовать о вочеловѣченіи Господа, и предлагая какъ бы нѣкоторое начало духовнаго веселія, такими словами привѣтствуетъ того, къ кому обращено благовѣствованіе; „сіе пре-

[1]) Ἴδετε; по другимъ чтеніямъ: ἴδε. И въ Славянскомъ: „видѣша“, то есть, „людіе“ (λαοὶ).

же испій". Піющій въ первый разъ принимаетъ на себя питіе, поглощая его съ жаждою. Ибо тогда особенно ощутительна пріятность питія, когда безъ тошноты и рвоты, по чрезмѣрной сухости въ гортани, желающій утолить жажду питіемъ прахлаждаетъ себя влагами вожделѣваемаго напитка. Посему и теперь, какъ бы жаждущимъ людямъ благовѣствуя объ ожидаемой благодати, Пророкъ говоритъ: „сіе прежде испій". Воспріими въ душу веселіе, вложи въ нее догматъ спасенія. Не почитай его ниже чего либо другаго, не думай, чтобы иное было предпочтительнѣе его: онъ выше всего; тебѣ невозможно представить что нибудь первоначальнѣе Создавшаго тебя, или по естеству досточестнѣе „Перворожденнаго всея твари" (Кол. 1, 5). „Прежде испій". Познай, что въ началѣ бѣ Слово; ничего нѣтъ прежде начала; ничего нѣтъ прежде Сущаго въ началѣ. Испій прежде не вѣкъ, не разстояніе, не мѣсто, въ которомъ не существуетъ Сынъ не время, не мгновеніе, не какое нибудь пустое представленіе могущее составиться въ душѣ.

„Сіе прежде испій, скоро твори". Займись дѣломъ не съ лѣностію, не съ нерадѣніемъ, не съ безпечностію, не съ разслабленіемъ, но съ напряженіемъ силъ, со всею поспѣшностію. Таковъ былъ Павелъ; онъ вдругъ испилъ вѣру, ни мало не умедлилъ приступить къ проповѣди; онъ „не приложился плоти и крови" (Гал. 1, 16), но какъ скоротечецъ, едва получилъ знакъ начинать бѣгъ, поспѣшилъ къ концу, „къ намѣренному гоня, къ почести вышняго званія" (Филип. 3, 14).

„Страно Завулоня". Пророкъ обращается къ тѣмъ, у которыхъ пребывалъ Господь, къ тѣмъ, которые прежде ходили во тмѣ невѣдѣнія, при восхожденіи же истиннаго Свѣта, „Иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ" (Іоан. 1, 9), увидѣли „Свѣтъ великій". Никто да не подумаетъ, что съ пророческими словами есть разногласіе въ сказанномъ у Матѳея, если онъ сказалъ: „людіе сѣдящіе во тмѣ". (Матѳ 4. 16), а у Исаіи находимъ сказаннымъ: „ходящіи во тмѣ". Ибо то же значитъ—и сидѣть во тмѣ: потому что тотъ и другой равно не достигаютъ предположенной цѣли, одинъ какъ не имѣющій движенія, а другой какъ ходящій напрасно. Ибо идущій безъ цѣли никогда не прійдетъ къ ней, и связанный недѣятельностію не достигнетъ ея. Итакъ сіи люди, омраченные языческимъ невѣдѣніемъ, увидѣли свѣтъ, не свѣтъ огня, не свѣтъ звѣздъ, или луны, не свѣтъ солнца, или молніи, но Свѣтъ великій, возсіявающій существамъ умопредставляемымъ и чувственнымъ, Свѣтъ, Который пребываетъ со Отцемъ, и просвѣщаетъ человѣковъ, просвѣтляетъ Ангеловъ, всѣмъ достаточенъ, и даже сверхъ того простираетъ лучи Свои. Въ какой же странѣ жили язычники? Въ странѣ осѣненной смертію. Ибо на нихъ, по причинѣ идолослуженія, лежало какъ бы густое

облако, пока пришедшій Свѣтъ не разсѣялъ тумана, и не распростеръ надъ ними сіянія истины.

Потомъ пророческое слово переходитъ къ самому лицу Господа. Что же говоритъ оно? „Множайшыя люди, яко извелъ еси въ веселіи Твоемъ“. Ибо не всѣ пріяли Слово, но большая часть послѣдовало за Зовущимъ въ вѣчное веселіе; они и „возвеселятся“ предъ Богомъ, „якоже веселящіися въ жатву. Еже бо сѣетъ кійждо, тожде и пожнетъ“ (Гал. 6, 8). Посему въ день возданія пріявшіе слово и принесшіе плоды соразмѣрные тому, что здѣсь имъ было повѣрено, получивъ воздаяніе отъ Праведнаго Судіи, „возвеселятся, якоже веселящіися въ жатву, и якоже веселятся дѣлящіи корысти“. Веселящіеся во время жатвы въ собственныхъ своихъ трудахъ имѣютъ начатки веселія: обогащающіеся же корыстями открываютъ для себя внезапный источникъ обогащенія. Посему Пророкъ упомянулъ о тѣхъ и другихъ благахъ,—и о благахъ, какія получимъ въ воздаяніе, и о благахъ, какія дарованы будутъ по благодати Щедродателя.

Ибо „отъятся яремъ лежай“ на язычникахъ; они свергли тяжкое иго того, кто подвергъ ихъ рабству грѣха, и жезломъ заставилъ ихъ преклонить выю,—свергли для того, чтобы, утвердивъ въ душѣ проповѣдь Апостольскую, не подвергаться уже рабству грѣха.

„Жезлъ бо истязующихъ разсыпа якоже въ день, иже на Мадіама“ Страшный истязатель приступилъ къ человѣческой жизни, поражающій жезломъ и требующій исполненія его воли—это общій нашъ врагъ. Хочешь ли узнать, каковы удары его жезла? Послушай того, кто говоритъ „возсмердѣша и согниша раны моя“ (Псал. 37, 6). Зловонные струпы производитъ на ударяемомъ этотъ лукавый жезлъ. Представь себѣ человѣка, одержимаго различными похотѣніями и сильно преданнаго наслажденію удовольствіями; какое сходство у избитаго жезломъ и увлекаемаго въ грѣхъ! Похоть не перестаетъ жалить и мучить невоздержнаго, пока не произведетъ въ душѣ грѣховнаго струпа, который, при воспоминаніи гнусныхъ дѣлъ, издаетъ зловоніе. Сей-то жезлъ „разсыпа“, какъ разсыпалъ начальство и владычество Мадіанитянъ, которыхъ помните, думаю, исторію, какъ въ книгѣ Чиселъ, такъ и въ книгѣ Судей. Ибо въ книгѣ Чиселъ сказано: „и ополчишася на Мадіама, якоже повелѣ Господь Моисею, и убиша весь мужескъ полъ: и царей Мадіамскихъ убиша вкупѣ съ язвенными ихъ“ (Числ. 31, 7. 8). А въ книгѣ Судей написано: Гедеонъ „возвратися въ полкъ Израилевъ, и рече: востаните, якоже предаде Господь въ руки наша полкъ Мадіамль“ (Суд. 7, 15).

Что же значитъ—„всякую одежду собранну лестію, и ризу съ примиреніемъ отдать?“ Думаю, симъ выражается, что тѣ, которые, налагая тяжкій яремъ грѣха, и поражая жезломъ, принуждаютъ ко грѣху, „одежду

собранну лестію и ризу“ возвратятъ „съ примиреніемъ“. Тѣ, которые ограбили людей, и лестію обнажили ихъ своихъ покрововъ, возвратятъ сіе „съ примиреніемъ“. Ибо, когда беретъ насъ подъ власть свою общій врагъ, тогда онъ отъемлетъ у насъ ризы, облекающія благообразіемъ наше безобразіе. А риза христіанъ, покрывающая безобразіе нашего грѣха, есть вѣра во Христа. „Елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся“ (Гал. 3, 27). Но и прежде вѣры во Христа врагъ нашъ обнажалъ человѣческое безобразіе, похищалъ у насъ тѣ мысли, которыми украшалась жизнь наша, и дѣлалъ явною для всѣхъ нашу наготу. Посему, поелику онъ совлекъ съ насъ одежды при помощи хитрой своей изобрѣтательности, то „всякую одежду собранну лестію и ризу“ отдастъ „съ примиреніемъ“. Ибо не только возвращаемъ отнятое у насъ, но даже содѣлываемся лучшими чрезъ присовокупленіе познанія Христова. „Облече бо мя“, говоритъ Пророкъ, „въ ризу спасенія“, и въ одежду „веселія“ (Иса. 61, 10). Итакъ всякую одежду „собранну лестію“, то есть, тайно похищенную, „съ примиреніемъ отдадутъ, и восхотятъ, да быша огнемъ сожжени были. Яко Отроча родися намъ“. Лукавыя силы по пришествіи Господа взывали: „что намъ и Тебѣ, Сыне Божій, пришелъ еси сѣмо прежде времене мучити насъ“ (Матѳ. 8, 29)? Тогда они пожелаютъ лучше быть сожженными огнемъ, нежели осужденными явленіемъ Христовымъ во плоти.

„Яко Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ, Его же начальство бысть на рамѣ Его: и нарицается имя Его: велика совѣта Ангелъ“. Сколько именъ Господа преподалъ намъ Пророкъ, слышали мы ранѣе. „Се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ“ (Иса. 7, 14. Матѳ. 1, 23). Здѣсь „нарицается имя Его велика совѣта Ангелъ“,—Тотъ, Кто содѣлалъ извѣстнымъ великій совѣтъ, сокровенный отъ вѣковъ и не явленный инымъ родамъ (Кол. 1, 26); Тотъ, Кто возвѣстилъ и явилъ „неизслѣдованное“ Свое „богатство во языцѣхъ, быти языкомъ снаслѣдникомъ и стѣлесникомъ“ (Ефес. 3, 6. 8). Того самаго, „Егоже начальство на рамѣ Его“, то есть, царство и могущество въ крестѣ; ибо вознесенный на крестъ, всѣхъ привлекъ Онъ къ Себѣ (Іоан. 12, 32).

„Приведу бо миръ на князи, миръ и здравіе Ему. И веліе начальство Его, и мира Его нѣсть предѣла“. Изъ сего видно, что слова сіи сказаны отъ лица Отцева. Поелику Отецъ „умиротворилъ кровію креста Его, аще земная, аще ли небесная“ (Кол. 1, 20); то и сказано: „приведу бо миръ на князи, и здравіе Ему“. Думаю же, что словомъ показывается тайна воскресенія. Поелику „распятъ бысть отъ немощи, но живъ есть отъ силы Божія“ (2 Кор. 13, 4): то и сказано, что приведется здравіе Ему противъ немощи плоти, которую воспріялъ за насъ.

„И мира Его нѣсть предѣла“: „Миръ даю вамъ“, говоритъ Господь: „не якоже міръ даетъ, Азъ даю вамъ“ (Іоан. 14, 27). Посему „нѣсть предѣла мира Его“; ибо это премірный даръ. Если бы онъ былъ отъ міра; то и продолжался бы не долѣе бытія міра. Но теперь пріявшій и соблюдшій миръ Его будетъ вѣчное время жить, наслаждаясь благами мира. Миръ Соломоновъ ограничивался опредѣленнымъ числомъ лѣтъ, а миръ, даруемый Господомъ, спротяженъ всему вѣку, какъ безконечный и безпредѣльный. Ибо все покорится Ему, все признаетъ владычество Его. И когда „будетъ Богъ всяческая во всѣхъ“ (1 Кор. 15, 28). по приведеніи въ безмолвіе мятежныхъ отступниковъ; тогда въ мирномъ согласіи будутъ пѣснословить Бога.

„На престолѣ Давидовѣ, и на царствѣ его, исправити е“. Поелику сказано, что „не оскудѣетъ князь отъ Іуды, и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложенная ему“ (Быт. 49, 10): то всѣ почти единогласно возвѣщаютъ, что Господь происходитъ по плоти отъ сѣмени Давидова. Посему возсядетъ „на престолѣ Давидовѣ, и на царствѣ его“, чтобы „исправите е, и заступити его въ судѣ и правдѣ“. Сказано: „судьбы Твоя бездна многа. И правда Твоя, яко горы Божія“ (Пс. 35, 7). Потому и судьбы Его непостижимы, и правды Его по преимуществу высоты неудобозрима.

„И сотворитъ сія ревность Господа Саваоѳа“. Возревновавшій о насъ, погибавшихъ въ невѣдѣніи, воспріиметъ на Себя домостроительство человѣковъ, чтобы пріобрѣсти ихъ въ царство Свое. И такъ „ревность Господа Саваоѳа“, Бога воинствъ, Которому подчинена всякая Сила, „сотворитъ сія“.

(8) „Слово [1]) посла Господь на Іакова: и пріиде на Израиля. (9) И уразумѣютъ вси людіе Ефремовы, и живущіи въ Самаріи, въ досажденіи и высокомъ сердцѣ, глаголюще: (10) Плинѳы падоша, но пріидите, изсѣчемъ каменіе, и посѣчемъ черничіе и келвы, и созиждемъ себѣ столпъ“.

Кажется, что наименованіемъ Іакова и Израиля пророческое слово даетъ намъ понятіе о двухъ дѣйствіяхъ, о первоначальномъ обученіи несовершенныхъ, и о высшемъ усовершеніи добродѣтели. А такую мысль подаетъ намъ самый образъ переименованія Патріархова. Ибо при рожденіи Патріархъ названъ Іаковомъ; потому что „придержался пяты“ братней (Быт. 25, 26); а послѣ борьбы вмѣсто награды дано ему наименованіе, ему побѣдителю. „Не прозовется ктому имя твое Іаковъ, но Израиль будетъ имя твое“ (Быт. 32, 28). Итакъ „Слово“ было послано „къ Іакову, и пріиде на Израиля“. Хотя Слово къ тѣмъ, которые

[1]) Съ Еврейскаго; у Семидесяти же: θάνατον (смерть).

немощнѣе, по милосердію нисходитъ къ первымъ; однако же прозорливѣйшіе восчуствовавъ пользу Слова, какъ бы расхищаютъ Его, предваряя нерадивыхъ къ которымъ Оно послано. Итакъ „Слово посла Господь на Іакова“. Знаешь ли Слово, Которое „бѣ въ началѣ, и бѣ у Бога“? Сіе-то Слово послалъ Отецъ къ Іакову; но позналъ Слово истинный Израиль—души прозорливѣйшія.

„И уразумѣли вси людіе Ефремовы, и прежде живущіи въ Самаріи, въ досажденіи и высокомъ сердцѣ“. Это тотъ Ефремъ, изъ котораго изникшій отступникъ Іеровоамъ, увлекъ съ собою въ расколъ десять колѣнъ, и сливъ золотыхъ юницъ, убѣдилъ народъ отступить отъ служенія Богу и служить Египетскимъ идоламъ. Посему „живущіи въ Самаріи, въ досажденіи и высокомъ сердцѣ“, пришедъ въ сознаніи истины, пріяли Слово, какъ повѣствуетъ и книга Дѣяній, что услышали „Апостолы, яко Самарія пріятъ слово“ (Дѣян. 8, 14).

Потомъ Пророкъ описываетъ, каковы были ихъ досажденіе и гордость. Ибо, презирая удѣлъ Давидовъ, потому что удобно было разрушить царство его, въ насмѣшку говорили: „Плинѳы падоша, но пріидете, изсѣчемъ каменіе“. Плинѳами же называли устройство царства сыновъ Іессеевыхъ; а твердостію камней, взаимно между собою сплоченныхъ, именовали свое могущество и согласіе въ дѣлахъ житейскихъ.

„И посѣчемъ“, сказано, „черничіе и кедры, и созиждемъ себѣ столпъ“ вмѣсто храма, который устроилъ для Іуды Соломонъ. Подобное сему замышляли и тѣ, которые чрезъ построеніе высокаго столпа намѣревались сдѣлать для себя доступнымъ небо. И они говорили: „пріидите, сотворимъ себѣ плинѳы, и испечемъ ихъ огнемъ“: и еще: „пріидите, созиждемъ себѣ градъ и столпъ, егоже верхъ будетъ даже до небеси“ (Быт. 11, 3. 4). „Черничіе“ есть дерево самое многоплодное, но плоды его совершенно безвкусны; развѣ кто тщательною насѣчкою извлечетъ изъ нихъ нѣкоторый сокъ, пріятно дѣйствующій на вкусъ. Поэтому принимаю дерево сіе за символъ языческаго общества, возрастающаго числомъ, но какъ бы оскудѣвающаго въ умѣ отъ привычки къ языческимъ нравамъ: оно, если кто возможетъ произвести въ немъ насѣчки словомъ, отъ сего измѣненія получивъ сладость, дѣлается благопотребнымъ. И кедры берутся иногда въ образъ великихъ душъ, имѣющихъ порывы достойные похвалы, потому что возвышенно мудрствуютъ, и имѣютъ жительство на небесахъ, какъ знаемъ сіе изъ Псалмовъ, гдѣ Давидъ въ число хвалящихъ Бога включаетъ кедры, и говоритъ: „древа плодоносна, и вси кедри“ (Псал. 148, 9); еще: „насытятся древа польская, и кедри Ливанстіи, ихже еси насадилъ“ (Псал. 103, 16). Но знаемъ также, что иногда кедрами называются жестокіе и непреклонные нравы, „взимающіеся на разумъ Божій“ (2 Кор. 10, 5). Посему-то „стрыетъ Господь

кедры Ливанскія“ (Псал. 28, 5). И превозносящіеся лжеименнымъ вѣдѣніемъ, и представляющіе, что постигли тайны всевышняго Бога, называются также кедрами. „Видѣхъ нечестиваго превозносящася, и высящася, яко кедры Ливанскія“. И ихъ истребленіе мгновенно. „Мимоидохъ, и се не бѣ“ (Псал. 35, 36). Сіи-то кедры брали на построеніе столпа прежде пришествія Слова жившіе въ Самаріи „въ досажденіи“ насмѣхавшіеся надъ богопочитаніемъ Іудеевъ, и падшими плинѳами называвшіе все назданное на ихъ догматахъ.

(11) „И разрушитъ Богъ востающыя на гору Сіоню“, на Него. „и враги его разсыплетъ: (12) Сирію отъ востокъ солнца, и Еллины отъ запада солнца, поядающыя Израиля всѣми усты“. И такъ обѣщаетъ имъ разрушить и низложить всѣхъ возстающихъ противъ горы Сіонъ, и разсыпать нечестивое ихъ согласіе противъ истины. Враги же эти суть Сиріяне и Еллины, изъ которыхъ одни живутъ на востокѣ, а другіе на западѣ. Они будутъ разсыпаны за то, что „поядали Израиля всѣми усты“. А устами называетъ здѣсь Пророкъ уловляющую силу слова, которою вполнѣ они пользовались для разставленія сѣти въ простотѣ вѣрующимъ въ Бога.

„Во всѣхъ сихъ не отвратится ярость, но еще рука высока. (13) И людіе не обратишася, дондеже язвени быша, и Господа силъ не взыскаша“. При всемъ этомъ, поелику враги Божіи, и наказываемые, не пришли въ сокрушеніе сердца; то „ярость не отвратися, но еще рука“, то есть, карательная сила, подъята на нераскаявающихся въ злобѣ и лукавствѣ, съ какимъ они дѣйствовали.

Итакъ, поелику люди сіи врачуются не словомъ, а наказаніемъ, то написано: „и вси людіе не обратишася, дондеже язвени быша“. Поэтому для такихъ людей необходимы наказанія. Посему никто не трудись надъ разысканіемъ причинъ явленій горестныхъ: для чего засухи, для чего дожди, для чего удары грома, для чего градъ? Это для насъ, имѣющихъ нераскаянное сердце, и не прежде обращающихся, развѣ когда бываемъ „язвени“.

(14) „И отъятъ Господь отъ Израиля главу и ошибъ, велика и мала, во единъ день“. Послѣ того, какъ достигнетъ къ нимъ посланное Слово, по слову Пророка, будутъ приведены въ замѣшательство всѣ худыя ихъ распоряженія, отняты князи и сопровождающіе ихъ, и высоко о себѣ думающіе въ своемъ могуществѣ, и подчиненные. Обезчестится предсѣдательство старѣйшинъ и судящихъ по лицепріятію. А не имѣющіе никакой степени въ народѣ, но сами себя поставляющіе, и ложно приписывающіе себѣ пророческое дарованіе, не пріявъ его отъ Духа, учащіе „беззаконная“, каковы были при Іереміи Ананія, и при Михеѣ лжепророки, въ которыхъ былъ „духъ ложивъ, и прельстилъ“ Ахаава, побудивъ

его къ войнѣ съ Сиріанами (3 Цар. 22, 22),—и они, составляя какі бы „ошибъ“ народа, будутъ также отняты.

(16) Но и „блажащіи людей сихъ“ и „льстящіи имъ“ и обманомъ обирающіе. (17) „Сего ради о юношахъ“ ихъ и о цвѣтущихъ возрастомъ не возвеселится Господь“; и если кто сирота въ людяхъ сихъ и если кто вдовица, не будутъ помилованы. Ибо немощное и безпомощное достойно жалости; а сильное въ злобѣ и лукавствѣ достойно отвращенія и ненависти. Потому Пророкъ присовокупляетъ, что „не отвратится ярость Его“; но еще „рука Его высока“, угрожаетъ и льстящимъ и обольщеннымъ въ народѣ, у котораго „вси беззаконніи и лукавіи, и глаголютъ неправду“.

Но сія угроза имѣетъ нѣкоторый видъ благодѣянія; потому что (18) „разгорится беззаконіе яко огнь“. Ибо Благій Владыка, благодѣтельствуя людямъ, устрояетъ, что уготованное беззаконіемъ вещество предается уничтоженію. „И яко троскотъ сухій“, говоритъ Пророкъ, „пояденъ будетъ огнемъ, и разгорится въ чащахъ дубравныхъ“. Пока душа бываетъ подавлена земными страстями, дотолѣ страсти ея, порождаемыя плотскимъ мудрованіемъ, разстилаются какъ „троскотъ [1]), взаимно одна другой“ служа началомъ, и одна отъ другой раждаясь. Ибо какъ „троскотъ“ самое плодущее изъ былій, и рожденіе его никогда не прекращается, но окончаніе перваго рожденія всегда бываетъ началомъ слѣдующаго; такъ подобно сему и свойство грѣховъ: одинъ грѣхъ слѣдуетъ за другимъ. Отъ блуда раждается блудъ, привычка ко лжи дѣлается матерью лжи, и искусившійся въ воровствѣ легко отваживается на неправое дѣло; потому что предшествующій грѣхъ дѣлается поводомъ къ новому грѣху. Посему, если обнажимъ грѣхъ исповѣдію, то сдѣлаемъ его сухимъ троскотомъ, достойнымъ того, чтобы „пояденъ“ былъ очистительнымъ огнемъ. Но онъ разгорается „въ чащахъ дубравныхъ“. Замѣть, что сказано о дубравахъ въ первой книгѣ Царствъ. Всѣ люди, бывшіе въ сраженіи, взошли въ дубраву, и изнемогали, не ядя [2]). Но и Авессаломъ во время сраженія входитъ въ дубраву (2 Цар. 18, 9). Посему, если грѣхъ нашъ не сдѣлается, какъ „троскотъ сухій“, то не будетъ пояденъ огнемъ и не разгорится. И чащами дубравными Пророкъ называетъ людей притворныхъ, имѣющихъ умъ скрытный, въ тайнѣ сердца своего соблюдающихъ много злаго.

Потомъ Пророкъ присовокупляетъ, что (19) „за ярость гнѣва Господня сгорѣ вся земля“. Чѣмъ показываетъ, что земное предается ка-

---

[1]) Ἄγρωτις у Михея 5, 7. Переводится еще и словомъ: „злакъ“, можетъ быть: triticum repens.

[2]) Здѣсь, вѣроятно, Св. Василій имѣетъ въ виду мѣсто 1 Цар. 14, 25, гдѣ съ Еврейскаго читается: и вся земля вниде въ дубраву, а у Седмидесяти: „и вся земля обѣдаше“.

рательному огню въ благодѣяніе душѣ, какъ и Самъ Господь даетъ разумѣть, говоря: „огня пріидохъ воврещи на землю, и хотѣлъ бы“ видѣть, „аще уже возгорѣся“ (Лук. 12, 49). „И будутъ людіе, яко огнемъ пожженный человѣкъ“. Не уничтоженіемъ угрожаетъ, но разумѣетъ очищеніе, по сказанному у Апостола: „а егоже дѣло сгоритъ, отщетится: самъ же спасется, такожде якоже огнемъ“ (1 Кор. 3, 15).

Потомъ Пророкъ изображаетъ злобу въ людяхъ, и мятежъ у нихъ уже не прекращающійся, и дошедшій до совершенной неисцѣльности. Ибо говоритъ: „человѣкъ брата своего не помилуетъ кійждо“. (20) Но приходящаго получить какую нибудь помощь „уклонитъ на десно“, то есть, сдѣлается къ нему неблагорасположеннымъ, „яко взалчетъ, и снѣсть отъ шуіихъ его“. Ибо кто не поступаетъ право и достойно одобренія, тотъ насытится неблагопріятнымъ и недозволеннымъ. Итакъ, что же значитъ: „снѣсть отъ шуіихъ его“? Пророкъ толкуетъ. „И не насытится“, говоритъ онъ, „человѣкъ ядый плоти мышцы своея“. А симъ даетъ видѣть какое-то звѣрское состояніе души, изображая, какъ братья, съ жестокостію нападая одинъ на другаго, пожираютъ другъ друга. „Снѣсть бо Манассій Ефремово, и Ефремъ Манассіино“. Ибо пророкъ представляетъ ихъ жестокими, и уподобляетъ плотоядным звѣрямъ, такъ что ненасытно поядаютъ плоть мышцы другаго; почему конецъ ихъ есть совершенная погибель, по сказанному Апостоломъ: „аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете“ (Гал. 5, 15). Но столь враждебно расположенные другъ къ другу въ то же время будутъ единодушны въ злоумышленіи противъ ближняго. Ибо сказано: „вкупѣ повоюютъ Іуду“, то есть, исповѣдующихся Богу и пребывающихъ въ служеніи Ему, потому что Іуда толкуется „исповѣданіе“. Но пророкъ, будучи разногласенъ самъ съ собою, въ борьбѣ съ добродѣтелію высказываетъ какое-то согласіе. Напримѣръ: дерзость и трусость противоположны другъ другу,—одна какъ излишество, другая какъ недостатокъ; но онѣ равно противоборствуютъ мужеству, которое составляетъ между ними средину, и какъ бы осаждаютъ его съ обѣихъ сторонъ. Посему говорится, что Ефремъ и Манассія снѣдаютъ плоти другъ друга, но сошлись „вкупѣ повоевать Іуду“.

Глава 10.

„Горе пишущимъ лукавство: пишущій бо, лукавство пишутъ (1): уклоняюще судъ убогихъ, восхищающе судъ нищихъ людей Моихъ, яко быти имъ вдовицѣ въ расхищеніе, и сиротѣ въ разграбленіе (2). И что сотворятъ въ день посѣщенія? Скорбь бо вамъ отдалече пріидетъ, и къ кому прибѣгнете, да поможетъ вамъ? И гдѣ оставите славу вашу (3), еже

не впасти въ плѣненіе? И подъ убіенными падутъ: и во всѣхъ сихъ не отвратится гнѣвъ, но еще рука высока“ (4).

Есть люди, которые, отказываясь слѣдовать отцамъ и преданнымъ имъ догматамъ, желаютъ сами стать начальниками ересей. Посему выдумываютъ нѣкоторыя нововведенія въ правомъ ученіи, пиша лукавство и нечестіе; на нихъ-то, на сихъ отцовъ лжеименнаго вѣдѣнія, на сихъ сочинителей безбожныхъ ученій, падаетъ „горе“. Ибо такіе люди расхищаютъ обнищавшихъ вѣрою, овладѣваютъ душами, вдовицами истиннаго Жениха—Бога Слова. А если видятъ, что кто нибудь чрезъ грѣхъ осиротѣлъ отъ Бога, то и его дѣлаютъ какъ бы своею добычею, обѣщая ему всякую безопасность и предлагая жизнь сластолюбивую, если только найдутъ его согласнымъ на безбожныя ученія. Такова произникшая нынѣ ересь Аномеевъ, которые и блудникамъ, и прелюбодѣямъ, и мужеложцамъ, и порабoтителямъ людей свободныхъ, и клятвопреступникамъ, и лжецамъ, обѣщаютъ отпущеніе грѣховъ, если только найдутъ ихъ участниками въ хулѣ на Единороднаго. Къ нимъ говоритъ пророческое слово: „что сотворятъ въ день посѣщенія?“ А днемъ называетъ явленіе Господа нашего Іисуса Христа съ небесъ, когда пріидетъ въ міръ воздать каждому по дѣламъ его. Въ сей день, какъ пишущіи лукавство, пріимутъ они скорбь, приходящую къ нимъ издалека. Но къ „кому прибѣгнете, да поможетъ вамъ?“ Ибо писали вы противъ Бога, Судіи живыхъ и мертвыхъ. Обвиненіемъ вашимъ будутъ ваши писанія.

Потомъ Пророкъ говоритъ: „гдѣ оставите славу вашу?“ Вы любящіе все дѣлать на показъ, пристрастные къ человѣческой чести, но желавшіе стать ересеначальниками, чтобы получить себѣ имя, и потому глаголавшіе „неправду въ высоту“ (Псал. 72, 8),—„гдѣ“ тогда, въ день суда, „оставите славу вашу?“ Но таковые, говоритъ Пророкъ, „подъ убіенными падутъ“. Теперь ты начальникъ обманутыхъ, пользуешься ихъ удивленіемъ, носишь имя вождя и учителя, уважаемъ и ублажаемъ ими; а тогда будешь безчестнѣе и ихъ самихъ, тобою умерщвленныхъ. Ибо принятіе ложнаго мнѣнія—убійство души. Итакъ подъ ними падешь ты, и бремя убіенныхъ тобою наляжетъ на тебя.

А поелику каждый изъ насъ своею жизнію какъ бы пишетъ свое рукописаніе, напечатлѣвая въ памяти своей образы дѣлъ; то, можетъ быть, пророческое слово называетъ несчастными и таковыхъ, какъ „пишущихъ лукавство“. Ибо сердце праведныхъ написано „не черниломъ, но духомъ Бога жива“ (Кор. 3, 3); а сердце неправедныхъ написано не Духомъ Бога жива, но черниломъ, сроднымъ тмѣ и врагу свѣта. Посему каждый, или за себя пишетъ, дѣлая добро, или, на себя составляя рукописаніе, собираетъ лукавое. Итакъ есть „рукописаніе на насъ“ (Кол. 2, 14), написываемое собственными нашими руками, когда дѣлаемъ

худо; есть рукописаніе за насъ, когда дѣлаемъ хорошо. А есть и такіе что поддѣлываютъ письмена въ договорахъ, и измѣняютъ буквы въ бумагахъ на владѣніе полями, въ завѣщаніяхъ, въ поручительствахъ и различныхъ условіяхъ, когда пишутъ что нибудь утверждающееся на письменномъ доказательствѣ; и таковые „лукавство пишутъ“, извращая правый судъ въ разсужденіи убогихъ, и расхищая достояніе нищихъ въ народѣ,—отъ чего вдовица обращается имъ въ снѣдь, и сирота въ корысть, какъ бываетъ у побѣдителей при грабежахъ во время войны. Имъ напоминаетъ пророческое слово: „что сотворятъ въ день посѣщенія?“ День же суда и воздаянія каждому по мѣрѣ грѣховъ его наименовано оно днемъ посѣщенія, которымъ и угрожаетъ имъ: „скорбь вамъ отдалече пріидетъ“.

А значеніе слова: „отдалече“, будемъ понимать такъ: Спасеніе наше не отдалече, но близъ насъ есть; ибо сказано: „Богъ приближаяйся Азъ есмь“ (Іерем. 23, 23). Я ближе къ нимъ, нежели хитонъ къ ихъ тѣлу. И еще сказано: „заповѣдь сія, юже Азъ заповѣдаю тебѣ днесь, не тяжка есть, ниже далече есть отъ тебе, не на небеси горѣ есть, глаголя: кто взыдетъ на небо, и возметъ ю намъ? ниже объ ону страну моря есть, глаголяй: кто прейдетъ намъ на ону страну моря, и возметъ ю намъ, и услышавше ю сотворимъ? Близъ тебе есть глаголъ, во устѣхъ твоихъ, и въ сердцѣ твоемъ“ (Втор. 30, 11—14). И Господь нашъ говоритъ: „царствіе Божіе внутрь васъ есть“ (Лук. 17, 21). Посему лучшее и спасительное „близъ“ насъ и „внутрь“ насъ есть; а противное сему приходитъ къ намъ „отдалече“, такъ какъ оно внѣ насъ. Ибо не въ самомъ устройствѣ нашемъ заключенъ былъ грѣхъ, но привзошелъ въ послѣдствіи. Посему Пророкъ и угрожаетъ, что скорбь, насылаемая за грѣхи, „отдалече пріидетъ“.

(5) „Горе Ассиріемъ, жезлъ ярости Моея, и гнѣвъ есть въ руку ихъ. (6) Гнѣвъ Мой на языкъ беззаконенъ послю, и Своихъ людей повелю сотворити корысти, и плѣненіе, и попрати грады, и положити я въ прахъ. (7) Сей же не тако помысли: и душею не тако возмнѣ: но отступитъ умъ его; и еже потребити языки не малы. (8) И аще рекутъ ему: ты ли еси единъ князь? (9) Речетъ: не взяхъ ли страны, яже выше Вавилона и Халани, идѣже столпъ созданъ, и взяхъ Аравію, и Дамаскъ и Самарію (10)? Якоже сія взяхъ, и вся княженія возму“.

За множество беззаконій народа насылаются на нихъ Ассиріяне, не по собственной ихъ праведности, но по чрезмѣрной неправдѣ народа. Впрочемъ и самые Ассиріяне, которые не разумѣли, что они вмѣсто исправительнаго бича даны народу, преступившему Божіи узаконенія, не высоко о себѣ думали, какъ будто пріобрѣтшіе какую-то силу, называются у Пророка несчастными. „Горе“ вамъ, Ассиріяне, вы „жезлъ ярости

Моея", вы карательное орудіе, не собственною силою дѣйствуете, но дѣйствіемъ движущаго васъ насылаетесь на достойныхъ сокрушенія. „И гнѣвъ есть въ руку ихъ", говоритъ Пророкъ. Гнѣвомъ же, очевидно, называетъ здѣсь наказаніе, какъ и Псалмопѣвецъ: „ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене" (Псал. 6, 2). Итакъ наказаніе Израиля въ рукахъ Ассиріянъ.

„Гнѣвъ Мой на языкъ беззаконенъ послю". Наложу наказаніе на этотъ народъ, который не захотѣлъ жить по Закону, ему предписанному. „И Своихъ людей повелю сотворити корысти". Благій Богъ, по человѣколюбію, называетъ еще Своимъ народъ творившій беззаконіе. Поелику онъ творилъ беззаконіе, Богъ посылаетъ на него гнѣвъ. Но поелику однажды избралъ его, по причинѣ избранія отцевъ, то не отрекается отъ свойства съ нимъ. Посему говоритъ: „повелю сотворити корысти, и плѣненіе и попрати грады, и положити я въ прахъ", чтобы знали мы, что всѣ бѣдствія, какія терпимъ, несемъ по Божію распоряженію. Ибо Богъ не попускаетъ, чтобъ мы были преданы въ волю лукавымъ и карательнымъ силамъ, но Самъ опредѣляетъ мѣру наказаній, имѣя въ виду силу врачуемыхъ. „Корысти" означаютъ все то, что бываетъ на мертвыхъ, падшихъ на сраженіи, оружіе ли, одежда ли, или другое какое украшеніе, а плѣненіе (προνομὴ) означаетъ раздѣлъ военной добычи, производимый по достоинству побѣдившихъ. Посему Ассиріянамъ повелѣно сотворить корысти и плѣненіе въ Израилѣ, попрать его города, и обратить ихъ въ прахъ.

„Сей же не тако помысли, и душею не тако возмнѣ"; но превознесся умомъ, какъ будто не за грѣхи преданъ ему народъ; а вознесшись умомъ и изринувъ изъ помышленія своего истинную причину, почитаетъ себя сильнымъ „еже потребити языки не малы". И поелику подвластные съ лестію и потворствомъ говорятъ ему: „ты еси единъ князь"; онъ, какъ бы смѣясь, отвѣчаетъ: „не взяхъ ли страны выше Вавилона и Халани?" То есть: я еще не сталъ господиномъ всѣхъ; не къ моему царству принадлежитъ страна, которая выше Вавилона, и Халань, „идѣже столпъ созданъ"; а разумѣетъ тотъ древній столпъ, который созидали на полѣ Сеннаарскомъ говорившіе: „пріидемъ", и прежде нежели разлучились мы другъ съ другомъ, „созиждемъ себѣ градъ и столпъ, егоже верхъ будетъ даже до небесе" (Быт. 11, 4). Имя же „Халань" не употребляется въ другой разъ въ Писаніи; но догадываюсь, что страна сія гдѣ нибудь близъ Вавилоніи; потому что Вавилонъ ведетъ свое имя отъ смѣшенія языковъ, которые смѣсилъ Господь, расторгая согласіе на зло. Ибо Писаніе говоритъ, что имя мѣсту тому „наречеся смѣшеніе" (Быт. 11, 9), по Еврейски же Бабель.

Но у Пророка говорится: „взяхъ Аравію и Дамаскъ и Самарію: яко-

же сія взяхъ, и вся княженія возму". Итакъ, поелику взялъ въ мысль себѣ, что можетъ привести въ покорность всѣ города, а не уразумѣлъ, что, если одержалъ надъ людьми побѣду, то сіе произошло не по собственной его силѣ, но по домостроительству Бога, вразумляющаго согрѣшившихъ; то по сей самой причинѣ пророческое слово представляетъ его достойнымъ оплакиванія.

„Возрыдайте изваянная во Іерусалимѣ, и въ Самаріи (11). Якоже бо сотворихъ Самаріи, и рукотвореннымъ ея, тако сотворю и Іерусалиму и кумиромъ его". Какъ возрыдаютъ „изваянная", сдѣланныя изъ дерева, камня, или другаго какого вещества и искусствомъ человѣческимъ приведенныя въ образъ, или безсловесныхъ четвероногихъ животныхъ, или птицъ, или и пресмыкающихся, каковы кумиры Египетскіе? Ибо рыданіе есть скорбный голосъ, выражающій сердечную болѣзнь нечленораздѣльнымъ какимъ-то звукомъ. Посему какъ же возрыдаютъ „изваянная?" Возрыдаютъ по тому, что въ обдѣланныхъ человѣческими руками деревахъ, или камняхъ, или также въ золотѣ, серебрѣ и слоновой кости и во всѣхъ другихъ идолахъ изъ дорогаго и недорогаго вещества, которымъ кланяются язычники, присутствуютъ демоны, невидимо прилетающіе, и наслаждающіеся пріятностію нечистыхъ испареній. Ибо какъ прожорливые псы не отходятъ отъ мясныхъ лавокъ, гдѣ есть кровь и гной: такъ и ненасытные демоны, уловляя случай усладиться кровію и тукомъ жертвъ, любятъ быть около жертвенниковъ и поставленныхъ имъ кумировъ. А можетъ быть, и питаются симъ тѣла ихъ, или воздушныя, или огненныя, или смѣшанныя изъ обѣихъ стихій. И исторія Царствъ показываетъ, что демонская сила присутствуетъ въ изваяніяхъ, посвященныхъ демонамъ. Ибо сказано: „взяша иноплеменницы ковчегъ Божій, и внесоша его", гдѣ былъ Дагонъ. „И обутренневаша Азотяне на утріе, и се Дагонъ паде на лице свое на землю" (1 Цар. 5, 3. 4). Итакъ видимое изваяніе былъ Дагонъ, а падающій на лице есть демонъ, побѣжденный славою, окружающею ковчегъ Божій; онъ падаетъ на лице, но ниспровергаетъ съ собою и рукотворенное. Посему-то вкушающіе идоложертвенное называются „общниками трапезѣ бѣсовстѣй" (1 Кор. 10, 21); потому что изъ жертвы, приводимой къ идолу, удѣляется нѣчто присутствующему въ немъ демону; и онъ береть нѣкоторую часть изъ испаряющейся крови, изъ обращающагося въ дымъ тука и изъ прочихъ всесожженій; и кто пьетъ изъ чаши, изъ которой дѣлается возліяніе, тотъ пьетъ „чашу бѣсовскую". Посему возрыдаютъ „изваянная", то есть, демоны соименные изваяннымъ. И когда говорится, что „пріидетъ во Египетъ" Господь и „потрясутся рукотворенная Египетская", и „сердца ихъ разслабнутъ" (Иса. 19, 1): объясняемъ слова сіи въ томъ же смыслѣ. Ибо въ пришествіе Господне демоны, обитающіе въ мѣстахъ надземныхъ, потрясутся, обращенные въ

бѣгство, и прогнаны будутъ въ приличное имъ мѣсто бездны. Посему „проклятъ“ всякъ, „иже сотворитъ изваяніе и сліяніе, дѣло рукъ художника, и положитъ е въ сокровеніи“ (Втор. 27, 15); потому что въ изваяніи пріобрѣлъ себѣ худое сокровище, бѣса, слѣдующаго за изваяніемъ, и съ бѣсомъ привлекъ въ домъ свой клятву.

(12) „И будетъ, егда скончаетъ Господь вся творя въ горѣ Сіони и во Іерусалимѣ, наведетъ на умъ великій, на князя Ассирійска, и на высоту славы очію его“. Послѣ того какъ изваяннымъ въ Іерусалимѣ и въ Самаріи предписано рыданіе, и угрозою имъ Іерусалимъ какъ бы уже очищенъ, освобожденъ отъ скверны идольскихъ и вразумленъ карательными ударами, какіе понесъ, будучи преданъ Ассиріянамъ,—послѣ всего этого пророческое слово угрожаетъ уже, что кары обращены будутъ „на князя Ассирійска“. Поелику онъ превознесся мыслію и не уразумѣлъ, что грѣхъ Іудеевъ былъ причиною таковыхъ несчастій, но возмечталъ, что по собственному своему умышленію и своею силою взялъ верхъ надъ Іерусалимомъ, то за такое высокомѣріе и за неразумную высоту превозношенія въ умѣ, сказано о немъ: „наведетъ на умъ великій, на князя Ассирійска и на высоту славы очію его“. Одинъ великъ по своей природѣ, а другой по самомнѣнію и преизбытку того, что не принадлежитъ ему. А тотъ умъ въ дѣйствительности великъ, который созерцаетъ великое, способенъ проникать въ Творческіе законы, и изъ нихъ уразумѣвать красоту премудрости Художника всяческихъ. Великъ, кто способенъ проникать въ домостроительство всего совершаемаго Богомъ и въ промыслъ Его, простирающійся на самыя малѣйшія твари, и изъ сего усматривать праведные суды Божіи. Великъ умъ, который въ Ангелахъ и Силахъ и всякой премірной славѣ познаетъ Царя славы и Господа силъ. А кто ублажаетъ и возвышаетъ самъ себя, того гораздо справедливѣе было бы назвать мнимымъ мудрецомъ и суемудрымъ, нежели великимъ по уму. Но поелику Писанію обычно въ наименованіяхъ слѣдовать мнѣнію многихъ; то оно назвало великимъ умомъ, не объ естественномъ величіи свидѣтельствуя, но указывая на усвоенное ему мнѣніемъ. Посему Господь, наказывая его гордость и смиряя высокомудріе, говоритъ, что наведетъ „на умъ великій“ Ассирійскій; обличая же нетвердость мнѣнія, говоритъ, что наведетъ наказаніе „на высоту славы очію его“. Ибо славу, это многозначительное слово, иные опредѣляли только въ одномъ изъ многихъ значеній, какъ нетвердое мнѣніе.

Но выраженіе: умъ великій и мудрый можетъ быть принято въ смыслѣ: умъ лукавый. Напримѣръ: „змій мудрѣйшій звѣрей сущихъ на земли“ (Быт. 3, 1), и „домостроитель неправедный мудрѣ сотвори“, и: „сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ“ (Лук. 16, 8). Понятіе же слова „мудрый“ протолковалъ намъ Апостолъ въ по-

сланіи къ Коринеянамъ, говоря: „боюся, да не како, якоже змій прельсти Еву лукавствомъ своимъ“ (2 Кор. 11, 3). Онъ показалъ, что Исторія приписываетъ змію ложную мудрость; ибо слово „мудрость“ замѣнилъ словомъ „лукавство“. Такъ и умъ великій приписывается не въ похвальномъ какомъ либо отношеніи (какъ полагали тщательные изъискатели знаменованія словъ, говоря, что умъ есть складчина мудрости), но лжеименно. Или самъ себѣ удивляющійся, или льстецами такъ провозглашаемый, и въ Писаніи называется теперь тѣмъ же именемъ. А этотъ умъ великій, поелику знаетъ, что у мудраго, то есть, истинно мудраго, „очи во главѣ его“ (Еккл. 2, 14), прославляетъ очи свои за то, что смотритъ не на дольнее, не на земное, но любопытствуетъ о выспреннихъ, и останавливается на горнемъ. Таковы Еллинскіе мудрецы. Хотя жизнь ихъ погружена въ гнуснѣйшихъ плотскихъ страстяхъ, но, поелику они занимаются естествословіемъ неба и звѣздъ, воздушныхъ и воздушныхъ явленій; то приписываютъ какую-то славу очамъ своимъ.

(13) „Рече бо: крѣпостію сотворю, и премудростію разума отъиму предѣлы языковъ, и силу ихъ плѣню: (14) И сотрясу грады населеныя, и вселенную всю объиму рукою, яко гнѣздо, и яко оставленная яица возму: и нѣсть, иже убѣжитъ мене, и противу мнѣ речетъ“.

Теперь ясно толкуетъ Пророкъ, за что назвалъ его великимъ умомъ, и за что угрожаетъ навести наказаніе „на высоту славы очію его“,— именно: за хвастливость словъ, коими онъ выражался предъ низшими, со всею язвительностію угрожая имъ всякимъ возможнымъ истребленіемъ, и говоря, что сила его непреоборима и неотразима. Онъ хвалился, какъ дѣйствительный господинъ всего, что ни захочетъ, какъ имѣющій силу непремѣнно исполнить всякое свое предпріятіе. Поелику у меня много и конной и пѣшей силы, и нѣтъ мнѣ противника, поелику въ военныхъ дѣлахъ имѣю мудрость никому недоступную и смышленость никѣмъ непостигаемую, то, говоритъ онъ, „отъиму предѣлы языковъ, и силу ихъ плѣню“. Ибо, принудивъ всѣ народы покориться моему царству, для всѣхъ положу одинъ предѣлъ—мое владычество. Теперь каждый отдѣленъ отъ другаго собственными рубежами. Посему, отъявъ предѣлы ихъ, заставлю всѣхъ быть подъ однимъ скипетромъ моего царства. „И силу ихъ плѣню“. Плѣномъ (προνομή) называется раздѣлъ между побѣдителями отнятаго у враговъ, когда побѣдители дѣлятъ между собою или плѣнныхъ людей, или захваченный скотъ, или что другое изъ необходимаго для жизни, и каждый, по мѣрѣ своего отличія, удостоиваясь доли изъ добычи, участвуетъ такимъ образомъ въ пріобрѣтенномъ войною. И города, говоритъ онъ, которые теперь утверждены непоколебимо, „сотрясу“ и смету моею силою, и „вселенную всю объиму рукою, яко гнѣздо“. Ибо что за трудъ—взять рукою неоперившихся птенцовъ, согрѣваемыхъ въ

гнѣздѣ питающею ихъ птицею, когда они не въ силахъ еще ни летѣть, ни бѣжать? Потомъ, усиливая свое презрѣніе къ людямъ, и возвышая собственное могущество, говоритъ: нѣтъ, не „яко гнѣздо объиму“ вселенную, но „яко яица оставленая“, тако „возму: и нѣсть, иже убѣжитъ мене, или противу мнѣ речетъ“.

Итакъ, если останавливаться на буквальномъ значеніи, то сіе скажетъ князь Ассирійскій, надменный въ умѣ успѣхами противъ Іудеи и Самаріи, и разсуждающій, что онъ въ одно нашествіе возметъ всѣ народы, что никто не подъиметъ противъ него руки, но силою его будутъ слиты всѣ предѣлы народовъ, и цѣлая вселенная смятется отъ страха въ его нашествіе, достающійся же въ его руки будетъ взятъ легче, нежели птенцы у птицы; и вся подсолнечная, съ приближеніемъ его силы, будетъ захвачена съ большимъ удобствомъ, нежели какъ иному удобно взять яица, на которыхъ не сидитъ уже согрѣвавшая и оживотворявшая ихъ птица. Но поелику такая гордыня какъ бы выше гордыни человѣческой, то, по мнѣнію нѣкоторыхъ, слова сіи приличны истинно горделивому, вознесшему выю свою противъ Вседержителя, непокоривому и отступнику, который въ грѣхъ своего отступничества увлекъ послѣдовавшихъ ему лукавыхъ духовъ. Ибо онъ и почитаетъ себя умомъ великимъ, и представляетъ себя обозрѣвающимъ высокое, и угрожаетъ, что покоритъ себѣ цѣлую вселенную. Онъ и на вопросъ Господа: „откуду“ пришелъ? небинуясь отвѣчалъ: прошедъ подсолнечную, и „обшедъ поднебесную, пріидохъ“ (Іов. 2, 2). Онъ дерзнулъ и Господу всей твари показать царства земныя и сказать: все это мое; потому, „аще“ нынѣ „падъ поклонишимися, тебѣ дамъ“ (Матѳ. 4, 8). Посему, можетъ быть, подъ царемъ Ассирійскимъ пророческое слово разумѣетъ князя вѣка сего. И Господь именуетъ князя вѣка сего, говоря: „нынѣ князь міра сего будетъ изгнанъ вонъ“ (Іоан. 12, 31); и вскорѣ потомъ: „ктому не много глаголю съ вами. Грядетъ бо сего міра князь, и во Мнѣ не имать ничесоже“ (Іоан. 14, 30). Но много князей, и есть князи народовъ, поставленные для стражи и охраненія народа, каждому изъ нихъ порученнаго, какъ Моисей говоритъ въ пѣсни: „егда раздѣляше Вышній языки, яко разсѣя сыны Адамовы, постави предѣлы языковъ по числу Ангелъ Божіихъ“ (Втор. 32, 8). И еще Апостолъ говоритъ: „Премудрость же глаголемъ не вѣка сего, ни князей вѣка сего; но глаголемъ Божію премудрость, юже никтоже отъ князей вѣка сего разумѣ“ (1 Кор. 2, 6—8). И еще у Даніила пишется о князѣ Персскомъ и о князѣ Еллинскомъ. Ибо Ангелъ говоритъ ему: „Азъ пріидохъ въ словесѣхъ твоихъ“. И: „князь царства Персскаго стояше противу мнѣ; и се Михаилъ единъ отъ старѣйшинъ первыхъ пріиде помощи мнѣ, и того оставихъ тамо съ княземъ царства Персскаго“. И немного послѣ: „азъ же исхождахъ, и князь Еллинскій

грядяше“ (Дан. 10, 12. 13, 20). Итакъ, если сіе сказано отъ лица діавола, то, можетъ быть, выражается гордыня его не противъ людей, но противъ духовныхъ или другихъ Силъ.

(15) „Еда прославится сѣкира безъ сѣкущаго ею? или вознесется пила безъ влекущаго ю? такожде аще кто возметъ жезлъ, или древо“. Пророческое слово обличаетъ гордыню князя Ассирійскаго. Для чего ты высоко думаешь о себѣ, какъ посѣкающій народы, и ниспровергающій могущество городовъ? Поэтому стала бы высоко о себѣ думать и сѣкира, какъ низлагающая на землю огромныя дерева, и пила, какъ раздѣляющая цѣльность и связность деревъ. Но сѣкира не сѣчетъ безъ рукъ, и пила не можетъ раздѣлить безъ влекущаго ее и пресѣкающаго дерева по правиламъ искусства на какую ни есть потребу. Если же достоинъ кто похвалы, то, конечно, дѣйствующій сѣкирою и съ знаніемъ дѣла влекущій пилу. Такъ не дерево, получившее видъ скипетра, должно пользоваться преимуществомъ власти, но тотъ, кто держитъ въ рукѣ скипетръ, въ знакъ принадлежащаго ему владычества. Такъ взялъ я и тебя для наказанія согрѣшившаго народа; вмѣсто сѣкиры и пилы употребивъ твою жестокость, чтобъ дать правдивое вразумленіе народу для его же пользы. Какъ въ судилищахъ палачи, поставленные быть совершителями казни, не властны въ наказаніи, и дѣлаютъ не что нибудь по своей силѣ и власти, а только дозволяемое имъ законами: подобно и Ассиріяне, не какъ народъ сильный, не какъ способные произвести что нибудь сами по себѣ, а только въ извѣстной мѣрѣ, данной имъ отъ Врачующаго согрѣшившихъ употребляются въ дѣло при наказаніи.

„И не тако. (16) Но послетъ Господь Саваоѳъ на твою честь безчестіе, и на твою славу огнь, горя, возгорится. (17) И будетъ свѣтъ Израилевъ во огнь, и освятитъ его огнемъ горящимъ, и поястъ яко сѣно вещество“. Вотъ воздаяніе за безразсудную гордыню! Поелику ты хвалился и называлъ себя умомъ великимъ, восхищался высотою славы очей то „послетъ Господь безчестіе на твою честь“, и огнь на славу твою. Поелику ты грозилъ „отъять предѣлы языковъ, сотрясти грады населеныя, объять всю вселенную яко гнѣздо, и взять яко яица“, такъ что никто „не убѣжитъ, ни противу речетъ“; то за сіе „огнь, горя, возгорится, и будетъ свѣтъ Израилевъ во огнь“, то есть, состояніе дѣлъ, перемѣнится, и Израиль, теперь униженный и преданный тебѣ для наказанія за грѣхъ, возблистаетъ. Посему слава его послужитъ къ твоему истребленію. Ибо сказано: „будетъ свѣтъ Израилевъ во огнь“. И какъ у огня двоякое дѣйствованіе, онъ свѣтитъ и жжетъ; то усладительное и пріятное въ огнѣ пребываетъ у Израиля, освѣщая и озаряя его; а язвящее и болѣзнетворное отдѣлено будетъ на часть горделиваго, сожигая его, и чрезъ сожженіе предавая неослабному мученію.

„И освятитъ его огнемъ горящимъ, и поястъ яко сѣно вещество“ Пророкъ показываетъ свойство огня, именно очистительное. Ибо „освятитъ его“, какъ „огнемъ горящимъ“. Но когда освятитъ огонь? Когда поястъ „вещество яко сѣно“. И такъ поелику „Богъ нашъ огнь есть потребляяй“ (Втор. 4, 24); то очевидно, потребитъ Онъ вещество и отъ вещества происходящіи страсти въ душѣ, которая живетъ не по духу, но по плоти.

Должно же знать, что тщательные изслѣдователи значенія словъ нашли различіе между словами: доброе мнѣніе (δόξα) и слава (κλεὸς), и говорятъ, что первое есть хвала народная, а послѣдняя—хвала отъ добрыхъ. Подобнымъ сему образомъ различаютъ и честь, говоря, что есть честь разумная, и будучи оцѣнкою преимущества, воздается она достойнымъ уваженія (а преимущество почитаютъ наградою добродѣтели), и есть честь—воздаяніе отъ черни за дѣла, не совершенно достойныя одобренія.

(18) „Въ той день угаснутъ горы, и холмы, и дубравы, и поястъ отъ души даже до плотей“. Послѣ того, какъ Господь Саваоѳъ послетъ на честь князя Ассирійскаго безчестіе, и на главу его огонь горящій, и послѣ того какъ свѣтъ Израилевъ будетъ во огонь Ассиріянину, чтобы онъ, какъ не освященный свѣтлостію свѣта, очистился жженіемъ огня, содѣйствующаго къ очищенію, и „яко сѣно“ поядающаго находящееся въ немъ вещество грѣховъ; послѣ всего этого, по истребленіи вещества возжигающаго карательный пламень,—тогда, говоритъ Пророкъ, перестанутъ горѣть горы и холмы, и дубравы, и угаснетъ огнь запаленія, все поядавшій и пожиравшій, начинавшій съ души, и простиравшійся и плотей.

Всякому извѣстно обыкновеніе Писанія—очень часто называть горами и холмами тѣхъ, которые пользуются нѣкоторыми преимуществами, и во внѣшнемъ обзаведеніи имѣютъ у себя нѣчто большее предъ многими другими. А безплодныхъ, случайно собравшихся между собою, ведущихъ жизнь какъ бы не имѣющую цѣли и несовершенную, и не руками истиннаго земледѣлателя насажденныхъ, именуетъ оно дубравами. Но всѣхъ объемлетъ огонь, начавшій съ души, и останавливающійся на плотяхъ. Ибо грѣхи, возникшіе въ помышленіяхъ, какъ, напримѣръ, любодѣйствовать въ сердцѣ своемъ, въ душѣ служатъ веществомъ, достойнымъ огненнаго пожженія, а грѣхи, дошедшіе до самаго дѣла, когда они питаются уже плотскими дѣйствіями и нравственными поступками, почитаю грѣхами въ подлинномъ смыслѣ. Ибо лукавые помыслы, начавшись въ душѣ, остановившись же въ сердцѣ, не ограничиваются имъ; но выходятъ изъ сердца, и какъ бы вырастаютъ изъ него, проникая плоть и являясь наружу. Ибо, если замыслилъ кто совершить убійство, но не со-

вершилъ; то убійство не вышло изъ сердца его; и воззрѣвшій на жену „ко еже вожделѣти ея“ (Матѳ. 5, 28), но не растлившій храмъ Божій и „уды Христовы“ не сотворившій „уды блудничи“ (1 Кор. 6, 15), содѣлалъ сердце свое какъ бы предѣломъ грѣха, такъ что изъ сердца его не вышло помышленіе лукавое. То же можно сказать и о татьбѣ, объ идолослуженіи, объ отравленіи, и о грѣхахъ всякаго другаго рода, когда они не прикрываются тѣломъ, но, какъ изъ дыряваго сосуда вытекая, стремятся наружу.

„И будетъ бѣжай, яко бѣжай отъ пламене горяща. (19) И оставльшіися отъ нихъ будутъ въ число, и отроча малое напишетъ я“. Пророкъ говоритъ, что послѣ огненнаго запаленія, какое произойдетъ съ горами, холмами и дубравами, легко будетъ счесть спасшихся. И все множество ихъ, продолжаетъ Пророкъ, доведено будетъ до такого удобоизобразимаго числа, что и отроча малое, не имѣющее совершеннаго навыка ни считать, ни писать, въ состояніи будетъ сдѣлать имъ перепись.

Но можетъ быть, убѣгающій отъ запаленія чрезъ покаяніе избѣгаетъ лукавой жизни, и чрезъ обращеніе спасается отъ обвиняющей плоти. Ибо всякій, кто, по уличеніи во грѣхѣ, сознаетъ себя достойнымъ, чтобы обращались съ нимъ при помощи жезла и бича, бѣгая грѣха, какъ вещества привлекающаго наказаніе, бѣгаетъ „яко отъ пламене горяща“. И тогда „оставльшіися будутъ въ число“, не только по удобосчислимости, какъ объясняли мы, но и потому, что сдѣлаются достойными включенія въ число. Такъ въ книгѣ Чиселъ находимъ, что дѣти, жены и старцы, вообще всѣ по возрасту безполезные въ войнѣ, и всякій пришлецъ, какъ чуждый Израилю, оставлены были внѣ счисленія, а перечислены „отъ двадесяти лѣтъ и выше“ (1, 3), сильные въ войнѣ; и первенцы Израилевы перечисляются всѣ „отъ мѣста единаго и выше“ (Числ. 3, 40). Подобнымъ образомъ и Левиты перечисляются отъ мѣсяца единаго и выше, а служащіе Іереи „до пятидесяти лѣтъ“ (4, 3).

Но какое малое отроча напишетъ таковыхъ, а не мужъ и не старецъ? Никто не будетъ спорить, что разумѣются предстоятели Церкви, потому что они живутъ въ незлобіи, и потому что имъ повѣряются согрѣшившими сокровенные поступки, для которыхъ нѣтъ свидѣтеля, кромѣ Испытующаго тайны каждаго. Онъ напишетъ таковыхъ, какъ бы изглаженныхъ по причинѣ грѣха. Опять впишетъ избѣжавшихъ запаленія, и принявшихъ очищеніе покаянія, какъ бы огнь, истребляющій находящееся въ нихъ вещество грѣховъ; таковыхъ Онъ переписываетъ.

Или, можетъ быть, поелику написываются въ книгѣ живота и вписываются съ праведными достойные перечисленія десницею Вышняго; то прилично разумѣть того Писца, Который записываетъ спасаемыхъ, пріемлетъ въ число праведныхъ, и имена обращающихся отъ лукавыхъ

дѣлъ вноситъ въ книгу небесную. Ибо сказано: „яко имена ваша написана суть на небесѣхъ“ (Лук. 10, 20). Посему какое же отроча малое можетъ написать на небесахъ имена благоискусныхъ, кромѣ Того, о Которомъ сказано: „яко Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ“ (Иса. 9, 6)? Сіе Отроча, Которому поклонились волхвы, Отроча, Которое удалилось во Египетъ и снова возвратилось въ землю Израилеву. Посему. въ числѣ многихъ понятій, данныхъ о Господѣ нашемъ и Спасителѣ Іисусѣ Христѣ, есть также одно принадлежащее Ему понятіе, именно: Отроча, Которое напишетъ приходящихъ въ познаніе Божіе чрезъ покаяніе.

(20) „И будетъ въ той день, не приложится ктому останокъ Израилевъ, и спасенніи Іаковли не будутъ ктому уповающе на обидѣвшыя ихъ, но будутъ уповающе на Бога Святаго Израилева истиною: (21) и будетъ [1]) останокъ Іаковль къ Богу крѣпкому“. Очевидно, что сіе имѣетъ отношеніе къ оставившимъ дѣла лукавства и возложившимъ упованіе свое на Бога Живаго. А согрѣшая, присоединяемся мы къ врагамъ, и уповаемъ на творящихъ намъ обиды. Насъ окружаетъ какое-то лукавое воинство демоновъ, покаряющее себѣ души наши приманками удовольствія. Мы прилагаемся къ нимъ, какъ неразумныя дѣти къ торгующимъ невольниками, которые часто, показывая дѣтямъ какія нибудь дѣтскія игрушки, обманываютъ ихъ, и отводя вдаль отъ взоровъ отеческихъ, за кратковременную забаву готовятъ имъ горькое рабство. Такъ дѣти прилагаются къ творящимъ имъ обиду: такъ и мы, внимая приманкамъ удовольствія, удаляемся отъ Бога, и подвергаемъ себя тяжкому мучительству неумолимаго демона, который, поелику самъ осужденъ на вѣчный огонь, усиливается многихъ имѣть сообщниками осужденія. Посему о кающихся говорится, что оставшіеся и спасенные „ктому не приложатся“, не будутъ надѣяться на „обидѣвшыя ихъ“, но „будутъ уповающе на Бога Святаго Израилева истиною“. Блаженъ, кто отдалилъ себя отъ всякой надежды на мірское, и единственною своею надеждою имѣетъ Бога. Ибо какъ „проклятъ человѣкъ, иже надѣется на человѣка“ (Іер. 7, 5); такъ благословенъ утверждающійся о Господѣ. Не оставь безъ вниманія и присовокупленное; ибо сказано: „будутъ уповающе на Бога Святаго Израилева истиною“. Надежда на Бога не допускаетъ колебанія, и Господь не благоволитъ подавать всецѣлую помощь Свою тому, кто иногда надѣялся на богатство, на славу человѣческую и на могущество мірское; а иногда надеждою своею признавалъ Бога: напротивъ того, человѣкъ вполнѣ долженъ успокоиваться на Божіей помощи. „И будетъ“, говоритъ Пророкъ, „останокъ Іаковль къ Богу“. Очевидно, сіе имѣетъ

[1]) Въ Слав. перев. „обратится“.

отношеніе къ упоминаемому у Апостола останку „по избранію благодати“ (Рим. 11, 5), какъ видно изъ слѣдующаго.

(22) „И аще будутъ людіе Израилевы яко песокъ морскій, останокъ ихъ спасется: (23) Слово бо совершая и сокращая правдою, яко слово сокращено сотворитъ Господь во всей вселеннѣй“. Апостолъ въ посланіи къ Римлянамъ употребилъ сіе изреченіе, измѣнивъ не многія слова. Если кто пожелаетъ знать причину, по которой Апостолъ иное опустилъ, а иное перемѣнилъ: то да будетъ ему извѣстно, что Апостолъ, будучи Еврей, не слѣдовалъ рабски тѣмъ изданіямъ, какими пользуемся мы, но истолковавъ мѣсто, какъ оно ему представилось, такъ и изложилъ. Да кажется, что и другіе болѣе согласны на Апостольское истолкованіе. Смыслъ же сего мѣста есть слѣдующій. Выше сказано, что и „Отроча малое напишетъ“ спасающихся отъ грѣха. Никто не дивись при семъ, говоритъ Пророкъ, если великое число Израильтянъ сократится въ немногихъ. Не смотри на множество называемыхъ благочестивыми; потому что имя Христово имѣютъ многіе, но не во многихъ сіе наименованіе подтверждается свидѣтельствомъ дѣлъ. „Аще будутъ людіе Израилевы яко песокъ морскій, останокъ ихъ спасется“. Сказано о народѣ, предпочтенномъ предъ другими, что не во множествѣ спасеніе, но въ останкѣ, спасаемомъ „по избранію благодати“.

Какой же образъ спасенія? Говорится: „яко слово совершая и сокращая правду“. Ибо кто все Законное начертаніе и Пророческое распоряженіе совмѣстилъ въ Евангельской краткости, и дѣлаетъ показанное ему отъ Господа, тотъ спасется. „Возлюбиши Господа Бога твоего, и возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе. Въ сію обою заповѣдію весь Законъ и Пророцы висятъ“ (Матѳ. 22, 37—40). Посему, кто совершаетъ слово и приводитъ его въ исполненіе, кто сокращаетъ его и какъ бы широту его сводитъ въ самыя краткія заповѣди: тотъ принадлежитъ къ спасаемому останку. Сказано: „вся елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ: се бо есть Законъ и Пророцы“ (Матѳ. 7, 12). Видишь, какъ въ семъ естественномъ понятіи все слово совершено и сокращено правдою. „Яко слово сокращено сотворитъ Господь во всей вселеннѣй“. Апостолъ же сказалъ: „сотворитъ Господь на земли“ (Рим. 9, 28). Согласно съ нимъ переводятъ Симмахъ и Ѳеодотіонъ: „посреди всей земли“. Ибо неудобособлюдаемое въ Законѣ: „не коснися, не вкуси, ниже осяжи“ (Кол. 2, 2), также постановленія о праздникахъ, о дняхъ, о всесожженіяхъ, объ очищеніи, объ очистительной жертвѣ, все сокращено въ одно краткое и удобоисполнимое правило, чтобы никакого извиненія не оставалось живущимъ не по Евангелію.

Глава 11.

„И будетъ въ день оный корень Іессеовъ, и возстаяй владѣти языки“. (10) Пророческое слово благовѣствуетъ намъ о Христѣ, отъ сѣмени Давидова. Ибо „въ день оный“, то есть, во время предопредѣленное издревле и во время предустановленное, „будетъ Корень Іессеовъ“. Въ другомъ мѣстѣ Пророкъ говоритъ, что произъидетъ „жезлъ изъ корене“, и что „цвѣтъ отъ корени его взыдетъ“ (Исаіи 11, 1); разумѣя подъ жезломъ власть, а подъ цвѣтомъ—для всѣхъ достолюбезное и вожделѣнное пришествіе Его. И поелику Онъ въ краткое время сообщитъ благодать воплощенія; то Пророкъ представляетъ пришествіе Его скорымъ и какъ бы мимоходнымъ. А здѣсь говоритъ, что „будетъ Корень Іессеовъ. Обрати вниманіе на слово: „будетъ“. Не сказалъ: явится, или: покажется, но въ дѣйствительности будетъ; потому что принялъ плоть не мечтательно и не мнимымъ образомъ, но самымъ дѣломъ. Итакъ „будетъ корень Іессеовъ“, т. е. составъ плоти, заимствованный отъ Іессея въ дѣйствительности будетъ, и осуществится. „И возстаяй“; одинъ и тотъ же—„и корень и возстаяй“. Корень Іессеовъ; потому что богоносная плоть заимствована по преемству отъ Царей: но „возстаяй владѣти языки“; потому что язычники возложили на Него упованіе, какъ показываетъ Церковь Христова изъ язычниковъ. Ибо, возставъ изъ мертвыхъ, началъ „владѣти языки“, оставивъ народъ—убійцу. И Іудеямъ оставилъ смерть, а язычникамъ даровалъ воскресеніе; потому что одни вопіяли: „да распятъ будетъ“; и „кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ“ (Матѳ. 27, 22. 25); а другіе приняли Распятаго, и кровью Его искуплены отъ смерти.

„И будетъ“, говоритъ Пророкъ, „покой Его честь“. Самый покой Христовъ—честь для чтущихъ Христа, какъ Божіе слово, Божію премудрость и Силу. Упокоивающій Христа исповѣдуетъ въ Немъ равночестіе съ Родившимъ Его, общеніе съ Нимъ въ достоинствѣ, бытіе естества отъ вѣчности. А люди безпокойные изобрѣтаютъ какія нибудь слова, служащія къ безчестію, и не говорятъ ничего къ упокоенію Христову. Но можно понимать здѣсь не только тотъ покой, которымъ упокоивается Самъ Господь отъ прославляющихъ Его, но и тотъ, которымъ упокоиваетъ Онъ любящихъ Его, по написанному: Я любящихъ Меня прославляю (Іоан. 14, 21, 17, 22). Итакъ покой, которымъ упокоится Господь, есть честь, которая по правосудію Божію будетъ удѣляема по заслугѣ дѣлъ. Ибо однихъ почтитъ большими почестями, а другихъ—меньшими; потому что „звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ“ (1 Кор. 15, 41). И поелику „многи обители“ у Отца (Іоан. 14, 2); то однихъ успокоитъ въ состояніи болѣе превосходномъ и высокомъ, а другихъ—въ низшемъ. Но всѣ, ради чести, будутъ имѣть покой.

(11) „И будетъ въ день оный, приложитъ Господь показати руку Свою“. Рука Господня различно была показана въ каждомъ родѣ чрезъ способныхъ вмѣстить въ себѣ силу чудесъ. Она показала чудеса сперва въ Египтѣ, потомъ въ пустынѣ, потомъ во времена Іисуса Навина, потомъ при Судіяхъ и Пророкахъ, служителяхъ дѣлъ великихъ. А теперь говорится, что рука Господня покажетъ себя въ пришествіи Спасителя нашего, исцѣляющаго „всякъ недугъ и всяку язю въ людѣхъ“ (Матѳ. 4, 23), и совершающаго проповѣданное въ Евангеліи. Ибо Господь прилагаетъ показать еще и эту силу; потому что предшествовавшее казалось недостаточнымъ къ приведенію непокорнаго народа въ богопознаніе.

„Еже возревновати останку [1]) прочему людей“. Для того „приложить показати руку“, чтобы привести въ ревность останокъ народа, который называетъ останкомъ спасшимся отъ враговъ, и перечисляетъ множество враждовавшихъ: Ассирію, Египетъ, Вавилонъ, Ѳіоплянъ, Еламитовъ, народы „отъ востокъ солнца“, и Аравитянъ. Исторія полна сказаній о враждѣ ихъ. Объ Ѳіоплянахъ говоритъ: „изъиде Зарай Ѳіоплянинъ съ силою въ тысяща тысящей, и колесницъ триста. И изъиде Аса противу ему, и возопи ко Господу, и рече: Господи, не изнеможетъ у Тебе спасати во многихъ и въ малыхъ; укрѣпи насъ, Господи Боже нашъ, яко на Тя уповахомъ, и о имени Твоемъ изъидохомъ на множество многое сіе. Господи Боже нашъ, да не превозможетъ противу Тебе человѣкъ“ (2 Парал. 14, 9—11)! Ассиріяне отвели Іудеевъ въ плѣнъ; Египтяне порабощали ихъ въ самомъ началѣ, а Навуходоносоръ былъ изъ Вавилоніи. Еламиты же, племя Парѳянское, часто нападали на Израиля вмѣстѣ съ жителями Месопотаміи Сирской. И Аравитяне, народъ воинственный, во все продолженіе времени воевали съ Израильтянами. И всѣ сіи народы, воевавшіе съ благороженнымъ сѣменемъ, частію побѣждаются, частію побѣждаютъ, и, какъ бы въ награду за то, что побѣждаются и несутъ много трудовъ, пріемлютъ это приложеніе, что увидятъ показанную руку Божію. Почему послѣ доблестныхъ подвиговъ и трудовъ будутъ и ревнителями.

(12) „И воздвигнетъ“, говоритъ Пророкъ, „знаменіе въ языки, и соберетъ погибшыя Израилевы, и расточенныя Іудины соберетъ отъ четырехъ крилъ земли“.—Итакъ „Корень Іессеовъ, Возстаяй владѣти языки, воздвигнетъ знаменіе въ языки“, чтобы собрались „погибшіе Израилевы. Пріиде бо Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго“ (Лук. 19, 10). А знаменіемъ, какое воздвигъ „въ языки“, служитъ упоминаемое въ Евангеліи: „узрятъ знаменіе Сына человѣческаго“ (Матѳ. 24. 30), то самое знаменіе, которое называешь крестомъ Господа нашего

[1]) Въ славянскомъ: „по останку“.

Іисуса Христа, „имже“ Святымъ „міръ распяся“, и они „міру“ (Гал. 6, 14); чѣмъ и выражаетъ Пророкъ силу знаменія. Для чего крестомъ совершено домостроительство вочеловѣченія? Для того, чтобы отъ четырехъ крылъ земли собрались спасаемые. Ибо крестъ дѣлится на четыре части, такъ что каждая его часть обращена къ одной изъ четырехъ частей міра. А предпочтена крестная смерть, или—чтобы всѣ части міра приведены были ко спасенію частями креста; или потому, что прежде деревяннаго креста воздвигнутъ былъ цѣлому міру спротяженный, мысленный крестъ, въ средѣ котораго соприкасаются четыре части вселенной, и сила котораго, заключающаяся въ средѣ, проходитъ въ четыре части. Посему, какъ скоро воздвигнется сіе знаменіе; погибшіе Израилевы и расточенные Іудины собраны будутъ „отъ четырехъ крилъ земли“. Воздвигнувъ сіе знаменіе, имѣющее силу низлагать начала и власти, которыя побѣдилъ на древѣ Совлекшій ихъ и какъ бы Сбросившій одѣяніе, для насъ ими сотканное, и которое имѣемъ на себѣ, „совлекъ Онъ начала и власти, изведе въ позоръ дерзновеніемъ“ побѣдивъ на древѣ (Кол. 2, 15). Посему-то Павелъ, будучи изъ числа погибшихъ Израилевыхъ и расточенныхъ Іудиныхъ, какъ скоро уразумѣлъ знаменіе воздвигнутое Іисусомъ „въ языки“, притекъ ко кресту, и сказалъ: „мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа“ (Гал. 6, 14).

Послѣдствіемъ же того, что собраны погибшіе Израилевы, надъ которыми царствовалъ Ефремъ, и расточенные Іудины, которыми управляли происходившіе отъ сѣмени Давидова, оказывается, что нѣтъ уже ревности у Ефрема противъ Іуды; потомки Іудины не враждуютъ противъ Ефрема. Ибо, по воздвиженіи знаменія и по собраніи погибшихъ Израилевыхъ, которые называются Ефремомъ, также по собраніи расточенныхъ Іудиныхъ, (13) „отъимется ревность Ефремова, и врази Іудины погибнутъ“. Замѣть же, что Израиль называется погибшимъ, а Іуда—расточеннымъ. Но между тѣмъ, согласіемъ во Христѣ, Который „умиротворяетъ земная и небесная“, и „въ Себѣ всяческая примиряетъ“ (Кол. 1, 20), отъемлются страсти, какія прежде владычествовали въ жизни, по причинѣ упорства и мятежа. Потому-то Ефремъ не возревнуетъ Іудѣ, и Іуда не оскорбитъ Ефрема; ибо потребляется взаимная между ними вражда. Обыкновенно же, ревность всего болѣе бываетъ для многихъ поводомъ ко враждѣ. Ревностію же называетъ теперь Писаніе не подражаніе въ добромъ, но зависть благоуспѣшности другихъ.

Посему тогда приведенные въ согласіе (14) „полетятъ въ корабляхъ иноплеменничихъ, море вкупѣ плѣнятъ“. Пророкъ прекрасно изобразилъ скоро плывущихъ по морю, уподобивъ движеніе ихъ полету, когда, при вѣтрѣ, соразмѣрно упирающемъ въ корму, несутся по морю на полныхъ

вѣтрилахъ. Но они „плѣнятъ море“, ставъ побѣдителями змія и ему подвластныхъ. И объ Апостолахъ Христовыхъ справедливо можно сказать, что они „плѣнятъ“ приводимыхъ ими въ познаніе истины, какъ бы дѣлая своею добычею тѣхъ, которыми владѣлъ отведшій человѣка въ плѣнъ. Подъ моремъ же должно теперь разумѣть мѣсто озлобленія, которое въ другомъ мѣстѣ, какъ знаемъ, называется и „юдолію плачевною“ (Псал. 83, 7). А кораблями иноплеменныхъ называются, можетъ быть, тѣла наши, потому что они не въ дружественной связи съ устройствомъ души. Ибо плоть „закону Божію не покаряется“ (Рим. 8, 7), не „похотствуетъ на духа“ (Гал. 5, 17).

О нихъ же говорится, что плѣнятъ „Идумею“, то есть, возмутъ верхъ надъ земнымъ, и „на Моава руки возложатъ“. Моавъ толкуется: „отъ отца“. Посему къ нимъ-то сказалъ Господь: „вы отца вашего діавола есте; и похоти отца вашего хощете творити“ (Іоан. 8, 44). На нихъ „руки свои возложатъ“, чтобы подчинить ихъ себѣ добрыми своими дѣлами. Потомъ „сынове Аммони первіи покорятся“. Аммонъ толкуется: „народъ съ нами“. Можетъ быть, первые покорятся Слову, въ которыхъ поврежденіе меньшее, покарятся прежде тѣхъ, въ которыхъ оно больше и разлилось сильнѣе.

Потомъ Пророкъ присовокупляетъ: (15) „и опустошитъ Господь море Египетское“. Какъ Іезекіиль говоритъ о рѣкахъ Египетскихъ, которыми хвалится Фараонъ, потому что самъ сдѣлалъ ихъ (Іезек. 29, 4), такъ Исаія именуетъ Египетское море, которое опустошитъ благій Богъ. Ибо благодѣтельно такое опустошеніе худыхъ дѣлъ, производимое во время благопріятное.

Но Господь, какъ „опустошитъ море Египетское“ и „возложитъ руку Свою [1]) на рѣку духомъ пресильнымъ“, такъ „поразитъ и седмь дебрій“ Египетскихъ, и тогда иной „обувенный“ перейдетъ рѣку Египетскую. Симъ Пророкъ означаетъ скудность оставшейся воды въ рѣчномъ протокѣ. Ея будетъ такъ мало, или она до того пересохнетъ, что не останется сырости, которая бы переходящаго рѣку заставила снимать съ себя обувь. Или, можетъ быть, поелику Моисею и Іисусу повелѣно было „иззуть сапогъ съ ноту“, потому что земля, на которой стояли, „свята есть“ (Исх. 3, 5, Нав. 5, 15); земля же Египетская не свята, и мерзка: то повелѣвается обувеннымъ попирать рѣку, и не снимать съ себя сапоговъ. Изсушается же рѣка, гонимая „пресильнымъ духомъ“ Божіимъ. Поэтому земля Египетская недостойна принять на себя обнаженныя стопы проходящихъ по ней святыхъ. По этой причинѣ и вкушающимъ

---

[1]) Словъ: „руку Свою“, нѣтъ въ иныхъ изданіяхъ текста Седмидесяти, но они читаются въ изданіи Римскомъ.

Пасху повелѣно было имѣть „сапози на ногахъ“ (Исх. 12). Ибо гдѣ „змій угрызающій и скорпій“ (Второз. 8, 15), тамъ да будутъ сапоги на ногахъ, чтобы безопасны были обутыя въ нихъ ноги. А когда достигнетъ кто уже святаго мѣста, тогда да иззуетъ сапоги, какъ Апостолы Христовы, которымъ велѣно не брать съ собою и сапоговъ (Лук. 10, 4).

(16) „И будетъ Израилю, якоже въ день, егда изъиде отъ земли Египетскія“. Ибо и тогда въ сапогахъ перешелъ онъ Чермное море, потому что „запрети“ ему Сильный, „и изсяче“ (Псал. 105, 9); и Іорданъ перешли Израильтяне ногами, сохранивъ слѣдъ свой немокреннымъ, потому что вся влажность бѣжала отъ стопъ ихъ.

Глава 12.

Тогда-то народъ скажетъ: (1) „благословлю Тя, Господи, яко разгнѣвался еси на мя, и отвратилъ еси ярость Твою, и помиловалъ мя еси“. Не рѣдко иной бываетъ оставленъ за то, что однажды увлекся въ Египетскіе пороки, и нѣсколько времени водился своимъ безразсудствомъ; и онъ пожинаетъ, что самъ худо посѣялъ. Но кто не совершенно оставленъ, а напротивъ того получилъ какое ни есть благодѣяніе; тотъ скажетъ: „благословлю Тя, Господи, яко разгнѣвался еси на мя, и отвратилъ еси ярость Твою, и помиловалъ мя еси“. Подобно сему и слѣдующее мѣсто: „гнѣвъ Господень стерплю, яко согрѣшихъ Ему, да оправдитъ прю мою“, и послѣ сего „изведетъ въ конецъ судъ“ (Мих. 7, 9); ибо Онъ „не до конца прогнѣвается, ниже въ вѣкъ враждуетъ“ (Псал. 102, 9).

А кто говоритъ: „благословлю Тя, Господи, яко разгнѣвался еси на мя и помиловалъ мя еси“, тотъ, сознавая благодѣяніе Божіе, будетъ хвалиться имъ, и скажетъ: (2) „се Богъ мой, Спасъ мой, уповая буду на Него и не убоюся: зане слава моя и похвала моя Господь“. Сего не скажутъ тѣ, которые милостыню „творятъ предъ человѣки“ (Мате. 6, 1), „славу другъ отъ друга“ пріемлютъ, а „славы, яже отъ единаго Бога, не ищутъ“ (Іоан. 5, 44), и вообще преступаютъ заповѣдь говорящаго: „не бываимъ тщеславни“ (Гал. 5, 26). Поелику же Господь обѣщаетъ: „прославляющія Мя прославлю“ (1 Цар. 2, 30); то конечно, кто хорошо прославляетъ Бога, тотъ будетъ прославленъ отъ Него. Такъ и лице Моисея прославилось; потому что онъ умѣлъ хорошо прославлять Бога. Съ славою сходствуетъ и похвала; а потому хорошо прославляющій и хвалитъ здраво. А объ имѣющихъ превратныя понятія о Богѣ никто да не думаетъ, чтобы хвалебныя псалмопѣнія таковыхъ были богоугодны. Ибо одному и тому же сердцу можно прославлять совершенно и хвалить здраво. Поелику же останокъ народа въ Египтѣ говорилъ: „благословлю Тя, Господи, яко разгнѣвался еси на мя, и отвратилъ еси

ярость Твою отъ мене, и помиловалъ мя еси ; то, вышедши изъ Египта скажетъ: „не убоюся, зане слава моя и похвала моя Господь, и бысть ми во спасеніе“. Припомни и ту пѣснь, которую во Исходѣ воспѣлъ народъ Израильскій, за предначавшею и вѣщавшею Маріамою: „поимъ Господеви, славно бо прославися“ (Исх. 15, 21). Посему дѣлаютъ намекъ на сію древнюю хвалу, говорящіе нынѣ: „слава моя и похвала моя Господь, и бысть ми во спасеніе“.

Послѣ хвалы Господу (3) почерпаетъ „воду съ веселіемъ отъ источниковъ спасенія“ прекрасно поклоняющійся Господу. Если народъ, впадшій въ идолослуженіе, обвиняется: „Мене оставиша, источника воды живы“ (Іер. 2, 13); то явно, что вѣрующій въ Бога, и по вѣрѣ въ Него напоявающій душу спасительными догматами, черпаетъ „воду съ веселіемъ отъ источниковъ спасенія“. А каково бываетъ веселіе удостоившихся черпать изъ сихъ источниковъ, можемъ разумѣть изъ подобія, употребленнаго Давидомъ: „возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому“ (Псал. 41, 3). Ибо чрезмѣрность пожеланія производитъ какое-то неописанное веселіе въ достигшихъ вожделѣннаго. И поучающійся въ законѣ Господнемъ день и ночь, тотъ, о комъ сказано: „уста праведнаго поучатся премудрости“ (Псал. 36, 30), испытывая Писанія, и вслѣдствіе правильнаго исканія обрѣтая Господа, въ веселіи отъ такого обрѣтенія, приближаясь къ духовной цѣли Писаній, будетъ почерпать „воду съ веселіемъ“.

Посему, когда сами насытимся питіемъ почерпнутаго изъ источниковъ спасенія: тогда присовокупимъ къ себѣ и другихъ, возбуждая ихъ и говоря: (4) „хвалите Господа, возопите имя Его“ [1]). Вопіяніе есть напряженный голосъ, который можетъ достигать и къ находящимся въ дали. Посему „возопите“, то есть, не разсуждайте о Богѣ низко, но, высокимъ умомъ помышляя о всемъ, относящемся къ Нему, такъ богословствуйте, чтобы слово ваше, по ясности ученія, могло дѣлаться внятнымъ и для далекихъ отъ спасенія.

А сей смыслъ открываютъ и послѣдующія слова. Ибо Пророкъ говоритъ: „возвѣстите во языцѣхъ славная Его“; изрекайте чудеса Его, покажите неразумнымъ устройство міра, чтобы приведены были въ любовь къ сотворшему всяческая Богу.

(5) „Хвалите имя Его, яко высокая сотвори“. Или о чудесахъ міра возвѣщайте, что они высоки и недоступны; или о Силахъ небесныхъ, что Господь „сотвори“ въ нихъ „высокая“; или о благости къ намъ, что возвышаетъ смиренныхъ и сокрушенныхъ сердцемъ. Ибо Господь возвышаетъ праведныхъ. Такъ Онъ сотворилъ высокое, и смиреннаго грѣхомъ превозвысилъ Собственною славою.

[1]) У Седмидесяти ᾄσατε въ Слав. „воспойте“.

Глава 13.

„Видѣніе на Вавилона, еже видѣ Исаія сынъ Амосовъ“. (1) Сіе видѣніе не какое нибудь чувственное, не тѣлесными очами созерцаемое, но представляемое умомъ, между тѣмъ какъ Богъ просвѣщаетъ его и даетъ ему даръ видѣнія. Какой же это Вавилонъ? и что должно съ нимъ произойдти? Но очевидно, что Пророки говорили не въ изступленіи. Одержимые лукавыми духами, теряя умъ, не въ дѣйствительности видятъ, но почитаютъ себя видящими представленія, производимыя въ нихъ демонами. Такъ, бѣсноватые видятъ рѣки, горы и звѣрей, которыхъ нѣтъ; имъ представляются нѣкоторыя цвѣтныя изображенія, воображаются лица друзей, или людей знакомыхъ; но это не видѣніе, а разстройство и изступленіе ума, смущеннаго и утратившаго свою дѣятельность. Но не такъ бываетъ со святыми. Ибо Самъ Богъ говоритъ: „Азъ видѣнія умножихъ“ (Ос. 12, 10). Господь же, дарующій видѣніе, не ослѣпляетъ ума, Имъ Самимъ устроеннаго; но просвѣщаетъ и просвѣтляетъ его присутствіемъ Духа. Поэтому-то Пророки назывались „видящими“ (1 Цар. 9. 18), по причинѣ какъ бы напряженія прозорливости ихъ ума, отъ присутствія озаряющаго ихъ Духа. Посему кто „сотвори и видяща и слѣпа“ (Исх. 4, 11)? „видяща“—то есть Пророка, потому что онъ острозрительностію ума можетъ предусматривать будущее, и „слѣпа“—то есть ослѣпленнаго грѣхомъ, чтобы осквернныя очи не зрѣли видѣній блаженныхъ. Почему и Господь говоритъ: „на судъ Азъ въ міръ сей пріидохъ, да не видящіи видятъ, и видящіи слѣпи будутъ“ (Іоан. 9, 39).

Какой же это Вавилонъ, на который Пророкъ видѣлъ видѣніе? По Исторіи, кажется, Вавилономъ названо мѣсто, на которомъ смѣшаны нарѣчія говорившихъ: „пріидите, созиждемъ себѣ градъ и столпъ, егоже верхъ будетъ даже до небесе“ (Быт. 11, 14). Туда снисшедшій Богъ „смѣси“ языки; „сего ради наречеся имя его смѣшеніе“ (9). Посему мѣсто Вавилона есть область смѣшенія, не только нарѣчій, но ученій, понятій самаго ума, который представляетъ себя видящимъ это. Итакъ „видѣніе на Вавилона“ какъ бы приноситъ утѣшеніе Израилю, угнетенному Вавилонянами. Чтобы Израильтяне не малодушествовали и не отчаявались въ Божьемъ Промыслѣ, будто бы оставившемъ ихъ, Исаія предварительно въ пророчествѣ описываетъ бѣдствія, какія постигнутъ Вавилонъ, чтобы не поглотила ихъ скорбь о настоящемъ, но облегчало ожиданіе будущаго. Ибо не малую отраду приноситъ скорбящимъ ожидаемое вскорѣ отмщеніе.

Къ пророчеству прилагается имя отца Исаіи, не для того, чтобы сказать намъ это одно—наименовать отца, послужившаго къ рожденію

блаженнаго, но чтобы мы знали, что онъ былъ наставникомъ въ пророчествѣ, позаботившись, чтобы сынъ получилъ и воспитаніе и образованіе святыя, чистыя и отличныя предъ другими. Посему, какъ участникъ пророчества, включается и Амосъ.

(2) „На горѣ польнѣй воздвигните знаменіе, вознесите гласъ себѣ [1]): поущайте рукою, отверзите князи. (3) Азъ повелѣваю, и Азъ веду ихъ". Пророкъ показываетъ, какъ Вавилонъ ниспровергается и истребляется и какъ берется въ плѣнъ владычество производящихъ смѣшеніе, послѣ того какъ кто-то взошелъ на гору не утесистую, не островерхую, но имѣющую на вершинѣ равнину, и отлогую сзади, такъ что по возвышенности своей и подъему отъ земли въ воздухъ, имѣетъ она высоту, а по отлогости сзади доставляетъ безопасность стоящимъ на ней. Ибо если гора отвсюду обрывиста и обсѣчена, то восходящіе на нее легко поскользнутся.

Почему чтобы разсуждать о Богѣ возвышенно, и говорить о семъ безопасно; по причинѣ высоты, стой на горѣ твердо, а для безопасности пребывай неподвиженъ. Но „на горѣ польнѣй воздвигните знаменіе, вознесите гласъ, поущайте рукою". Кто громогласно проповѣдуетъ крестъ, тотъ воздвигаетъ „знаменіе на горѣ польнѣй". Кто въ состояніи съ силою предложить слово о страданіяхъ, тотъ исполняетъ пророческое повелѣніе; потому что не въ пещерахъ и пропастяхъ проводитъ время, но восходитъ на высоту слова, къ самой мудрости, передаетъ проповѣдь, уравнивая и уясняя возвѣщаемое. Но поелику по другому изданію читаемъ: на горѣ туманной; то явно, что и по сему чтенію другимъ словомъ изображается высота же: ибо туманная гора значитъ то же что—имѣющая вершину, всегда закрытую облаками; а такая гора возвышенна и возносится надъ всѣмъ.

„Возвысите", говоритъ Пророкъ, „гласъ себѣ", то есть, изъ себя заимствуйте высокость голоса. Какія у васъ есть побужденія къ прославленію Бога по общимъ понятіямъ, ихъ приведите въ движеніе. Не вникайте долу, не имѣйте въ виду земнаго. Ибо въ такомъ случаѣ низокъ бываетъ голосъ „отъ земли возглашающихъ, тщесловующихъ". Кто говоритъ отъ уничижающей печали, отъ запрещеннаго страха, тотъ не возвышаетъ своего голоса. И кто при возвѣщеніи слова обладается плотскими похотями, у того голосъ низокъ, и не можетъ проникнуть въ горнее. Посему, какъ же возвышается голосъ? Если ты великолѣпенъ, противостоишь страстямъ, и даже во время искушеній не поддаешься искушеніямъ, но сохраняешь въ душѣ смѣлый образъ мыслей; то возвышаешь голосъ.

---

[1]) Ἑαυτοῖς. У Седм. читается: αὐτοῖς, какъ и въ Слав. „имъ".

„поущаетъ“ же „рукою“, кто добрыми дѣлами доставляетъ утѣшеніе скорбящимъ, и съ веселымъ расположеніемъ подаетъ милостыню. Если видишь кого либо подавленнаго нищетою; то „поущай“ бѣднаго щедроподательною рукою. Ибо немощнаго душею болѣе можетъ утѣшить дѣйствительное подаяніе, нежели увѣщаніе мужественно и неуниженно переносить бѣдность.

„И отверзите князи“, говоритъ Пророкъ. За „поущеніемъ рукою“ слѣдуетъ отверзтіе руки, которое, обыкновенно, употребляется въ Писаніи въ означеніе щедродательнаго дѣйствованія; когда, напримѣръ, онъ говоритъ: „отверзшу Тебѣ руку, всяческая исполнятся благости“ (Пс. 103, 28). Посему отверзите домы ваши, и сокровищницы своего имущества отверзите страннымъ и нищимъ. Не удерживайте у себя того, что имѣете къ утѣшенію изнемогшихъ. И это дѣлайте прежде другихъ вы, князи, чтобы примѣромъ своимъ побудить къ тому и народъ. Но можно разумѣть сіе и такъ: отверзите Писанія, покажите сокровенное, чтобы не подпалъ кто изъ васъ осужденію съ фарисеями и книжниками, которые, имѣя „ключи“ царствія, и сами не входятъ, и могущимъ войдти „возбраняютъ“ (Лук. 11, 52). Посему Пророкъ обращаетъ рѣчь къ князьямъ, то есть, къ имѣющимъ у себя „ключи разумѣнія“. Внявъ сему слову, Павелъ говоритъ: „уста наша отверзошася къ вамъ, Коринѳяне“ (2 Кор. 6, 11).

„Азъ повелѣваю: и Азъ веду ихъ“. Намъ должно дѣлать, что для насъ возможно. А ведетъ ихъ Самъ Господь, и Онъ каждому указываетъ мѣсто въ тѣлѣ Церкви, по собственному его достоинству.

„Исполини идутъ исполнити ярость Мою радующеся, вкупѣ“ и „укоряюще“. Слово угрожаетъ нашествіемъ враговъ лукавыхъ и богоборныхъ, посылаемыхъ для отмщенія согрѣшившимъ. Посему-то Промышляющій о боящихся Его ведетъ ихъ на твердую высоту горы, доставляетъ же имъ безопасность гладкостію ея вершины. Даетъ имъ въ охраненіе знаменіе, совѣтуя запастись добрыми дѣлами, „поущать рукою“ скорбящимъ, отверзть уста для наставленія учащихся, чтобы избѣжать вторженія исполиновъ. Ибо исполины, какъ и большею частію, означаютъ нѣчто худое. А можетъ быть, разумѣемыхъ здѣсь исполиновъ Псаломъ яснѣе наименовалъ „лютыми ангелами“, говоря: „посла на ня гнѣвъ ярости Своея, ярость и гнѣвъ и скорбь, посланіе ангелы лютыми“ (Псал. 77, 49). А такіе служители для сдѣлавшихъ достойное наказанія избраны потому, что они, по великой жестокости не имѣя никакого состраданія къ наказываемымъ, и будучи неспособны стать къ нимъ милосердыми, ругаются надъ людьми, которымъ наносятъ удары, и укоряютъ ихъ, находя свое услажденіе въ трудѣ, болѣзни и скорби мучимыхъ ими.

(4) „Гласъ языковъ многихъ на горахъ, подобенъ языковъ многихъ.

гласъ царей, и языковъ собравшихся". Можетъ быть, что „гласъ языковъ многихъ на горахъ" есть гласъ Церкви. Посему-то и избрана для нея „гора польная", чтобы былъ просторъ для собранія множества восходящихъ на высоту боговѣдѣнія. Поэтому Пророкъ видѣлъ „на горѣ польнѣй" великое множество отвсюду собравшихся и издающихъ единый гласъ вѣры. И Духъ Святый говоритъ чрезъ Пророка: „гласъ языковъ многихъ на горахъ", на которыхъ воздвигнуто знаменіе: „подобенъ языковъ многихъ". Гласъ одинъ, и вмѣстѣ подобенъ многимъ голосамъ народовъ; одинъ по согласію вѣры, а подобенъ многимъ голосамъ, потому что Духомъ Святымъ въ огненныхъ языкахъ раздѣленъ на каждаго изъ Апостоловъ, которые должны были сѣять Евангеліе народамъ вселенной. „Гласъ царей", говоритъ Пророкъ, „и языковъ собравшихся". Подъ „языками", можетъ быть, должно разумѣть насъ, отвсюду стекающихся на призваніе; а подъ „царями"—избранныхъ въ Церкви, которыхъ Господь наименовалъ и „сынами царствія" (Матѳ. 13, 38). Или можетъ быть, Пророкъ указываетъ симъ гласомъ языковъ многихъ и гласомъ царей на множество исполиновъ. Они, будучи назначены въ служеніе тѣмъ самымъ, что „радующеся и укоряюще" текутъ исполнить ярость Господню, производятъ шумъ, подобный многимъ народамъ и какимъ-то царямъ, надменнымъ высокими мыслями, но не знающимъ того, что они служители наказанія и мучители грѣшниковъ, а не по собственной власти, и не по достоинству, имъ принадлежащему, причиняютъ столько бѣдствій заслужившимъ ихъ.

„Господь Саваоѳъ заповѣда языку оружеборцу (5) пріидти отъ земли издалеча отъ края основанія небесе, Господь и оружеборцы Его, растлити всю вселенную". — „Господь Саваоѳъ заповѣда языку оружеборцу". Не бойся поражающаго, но умоляй Повелѣвающаго поражать. Да вразумятся идолослужители, которые говорятъ, что приносятъ жертвы лукавымъ демонамъ, съ намѣреніемъ смягчить ихъ злобу. „Господь" имъ „заповѣда". Услужишь ты, или нѣтъ,—демонъ исполнитъ приказанія; ему невозможно преступить положенныхъ ему предѣловъ. Онъ не убавитъ лютости, и не прибавитъ ничего отъ себя, но безъ милосердія выполнитъ назначенную мѣру. Итакъ „Господь заповѣда языку оружеборцу". Лукавые демоны имѣютъ оружія противоположныхъ свойствъ съ оружіями праведника. У праведника есть щитъ вѣры, а щитъ лукаваго—щитъ невѣрія. У одного мечъ слова, у другаго—мечъ безсловесія; одинъ обезопасилъ себя бронею правды, другой покрытъ бронею неправды; главу одного сгнетаетъ шлемъ спасенія, на головѣ другаго шлемъ погибели; у одного ноги уготованы къ благовѣствованію мира; ноги другаго текутъ для возвѣщенія золъ. Итакъ „языку оружеборцу", облекшемуся въ эти оружія, „заповѣда Господь". Они же и „отъ земли издалеча", дабы знать

ты, что они чужды сей жизни. Ибо сотрудники наши въ дѣлѣ спасенія, наши сожители и сосѣди, изблизи подаютъ помощь,—это Ангелы мира; а употребляемые для нашего наказанія издалеча приводятся. Человѣколюбецъ Богъ употребляетъ ихъ жестокость къ нашему уврачеванію, какъ мудрый врачъ употребляетъ ядъ эхидны къ излеченію больныхъ. Ибо таковымъ предается не духъ, но плоть „во изможденіе, да духъ спасется“ (1 Кор. 5, 5). Но и Фигеллъ и Ермогенъ (2 Тим. 1. 15) преданы Павломъ сатанѣ не на погибель, но „да накажутся не хулити“ (1 Тим. 1, 20). Какъ же „отъ земли издалече, отъ края небесе“ приходитъ сей языкъ оружеборный? „Отъ земли“, потому что онъ избралъ для себя мѣста надземныя и примѣсился къ земнымъ страстямъ: а „отъ края небесе“— потому что оттуда ниспалъ первоначально.

(6) „Рыдайте, близъ бо день Господень, и сокрушеніе отъ Бога прійдетъ. (7) Сего ради всяка рука разслабѣетъ, и всяка душа человѣча убоится“. Поелику угрожаетъ опасность, что Господь Самъ съ оружеборцами Его прійдетъ „растлити всю вселенную“, то посему предписаны рыданіе и плачъ, чтобы симъ преклоненъ былъ Господь отвратить насылаемый гнѣвъ. Ибо то и другое дѣлаетъ Человѣколюбецъ Господь, и угрожаетъ страннымъ, и не наводитъ на кающихся тѣхъ золъ, какими угрожалъ. Посему рыдай и плачь каждый о собственныхъ своихъ грѣхахъ, чтобы со временемъ не потерпѣть возвѣщеннаго. Если бы Богъ не хотѣлъ покаянія отъ грѣшника, то для чего бы проповѣдана была Ниневіи погибель чрезъ три дни? Но, поелику Милосердый увидѣлъ сокрушеніе Ниневитянъ, то отвратилъ гнѣвъ, и разсѣялъ какъ облако. Посему сокрушеніе прійдетъ отъ самого Господа, на пользу сокрушающаго достойное истребленія; какъ сокрушаетъ Онъ сатану подъ ноги праведника, или какъ сокрушаетъ брани. Ибо „Господь сокрушаяй брани, Господь имя Ему“ (Исх. 15, 3). И: „стрыетъ Господь кедры Ливанскія“ (Пс. 28, 5); а кедрами Ливанскими называетъ Пророкъ высоковыйныхъ, кичливыхъ, превозносящихся надъ истиною. Итакъ поелику отъ Господа приходитъ сокрушеніе, то должно предварительно сокрушить высокомудрое сердце свое, чтобы смиреніе его содѣлалось жертвою Богу. Посему разслабѣетъ всякая рука, самая дѣятельная и сильная въ отношеніи къ Богу и дѣламъ Его; почему Пророкъ говоритъ: „укрѣпитеся руцѣ ослабленныя, и колѣна разслабленная“ (Исаі. 35, 3). Никто не полагайся на свои силы, намѣреваясь отмстить находящимъ „оружеборцамъ“, никто не надѣйся на скорость ногъ въ чаяніи, что можетъ избѣжать того дня сокрушенія, въ который прійдутъ „растлити всю вселенную“.

Ибо „всяка душа человѣка убоится“. Прекрасно прибавлено: „человѣча“; ибо страху не подлежитъ душа Ангельская, потому что она выше сей страсти; душа безсловесныхъ, потому что страхъ не касается безсло-

весныхъ, какъ страсть разумнаго существа и недостатокъ мужественной рѣшительности. Ибо безсловесныя подвержены только ужасу: а существа разумныя, когда поражаетъ ихъ что нибудь и недостойное страха, по окудѣнію въ нихъ разума, который бы произвелъ въ душѣ бодрость къ перенесенію несчастій, бываютъ объяты страстію страха.

Но много уже тому времени, какъ говорится о приближеніи дня Господня; потому что всѣ Пророки свидѣтельствуютъ о близости его, чтобы никто не разслабѣвалъ отъ замедленія его, и не былъ застигнутъ неготовымъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и Софонія, говоря: „убойтеся отъ лица страха Господня, зане близъ день Господень“. И не много послѣ: „близъ день Господень великій, близъ и скоръ зѣло: гласъ дне Господня горекъ и жестокъ. День той, день скорби и нужды, день безгодія и исчезновенія, день тмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и вопля“ (Соф. 1, 7. 14. 15). Но хотя бы и далекъ былъ день скончанія всего міра, однако же близокъ собственный день исхода для каждаго изъ насъ, то есть, скончаніе одного человѣка; и сей-то день имѣя предъ очами, должно соблюдать сказанное у Исаіи: „рыдайте, близъ бо день Господень“, и вѣрьте Говорящему: „блажени плачущіи“ (Матѳ. 5, 5. Лук. 6, 21) [1]).

Многіе огорчаясь обстоятельствами сей жизни, поспѣшаютъ исходомъ и призываютъ къ себѣ смерть: имъ хорошо будетъ сказать словами Амоса: „увы лютѣ желающимъ дне Господня: и сей есть тма, а не свѣтъ. Якоже аще убѣжитъ человѣкъ отъ лица льва, и нападетъ на-нь медвѣдица, и вскочитъ въ домъ, и опрется руками своими о стѣну, и усѣкнетъ его змія. Нѣсть ли день Господень тма, а не свѣтъ, и мгла не имущи свѣта“ (Амос. 5, 18—20).

Посему, если кто въ зданіи жизни своей назидалъ не „дрова“, не „сѣно“, не „тростіе“, тотъ да желаетъ дня Господня, въ который „когождо дѣло, яковоже есть, огнь искуситъ“ (1 Кор. 3, 12). А если никто не чистъ отъ запрещенныхъ дѣлъ, то да боится онаго дня. Ибо сказано: „егоже аще дѣло пребудетъ, еже назда, мзду пріиметъ. А егоже дѣло сгоритъ, отщетится: самъ же спасется, такожде якоже огнемъ“ (1 Кор. 3, 14. 15).

(8) „Смятутся послы, и болѣзни пріимутъ я, яко жены раждающія: и поскорбятъ другъ ко другу, и ужаснутся, и лице свое яко пламень измѣнятъ“. Какіе это послы приходятъ въ смятеніе при наступленіи дня Господня? Конечно, тѣ, которыхъ разумѣетъ Господь въ притчѣ, какую приближаясь къ Іерусалиму, сказалъ Онъ думавшимъ, что должно уже

---

[1]) У Ев. Матѳ. читается πενθοῦντες; а у Ев. Луки: κλαίοντες. Св. Василій приводитъ оба сіи мѣста.

открыться царствіе Господне. Ибо говоритъ: „человѣкъ добра рода иде на страну далече, пріяти себѣ царство, и возвратитися“. Потомъ, сказавъ о десяти минахъ, которыя далъ десяти рабамъ „куплю дѣяти“, присовокупилъ: „и граждане его, ненавидяху его, и послаша въ слѣдъ его послы, глаголюще: не хощемъ сему, да царствуетъ надъ нами“ (Лук. 19, 12—14). „Человѣкъ добра рода“—это не имѣющій общенія по роду ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ Бога, Который превыше всѣхъ. Какъ людьми добраго рода называемъ происходящихъ отъ царской крови: такъ истинно „добра рода“ Тотъ, кто имѣетъ бытіе изъ сущности Отчей. И Спаситель можетъ быть названъ „человѣкомъ добра рода“. Ибо Господь не только по Божеству разумѣемый есть „добра“ рода, какъ по естеству имѣющій въ Себѣ чистоту, простоту и неподмѣсность; но и по человѣчеству, конечно, есть родъ отъ сѣмени Давидова по плоти. Онъ идетъ „на страну далече“, отстоящую не столько мѣстомъ, сколько состояніемъ дѣлъ. Ибо одинъ и тотъ же Богъ и близокъ къ каждому изъ насъ, когда добрыя дѣла дѣлаютъ насъ Своими Ему; и далече отъ насъ, когда чрезъ приближеніе къ погибели сами себя удаляемъ отъ Него. Сей-то „добра рода Человѣкъ“, увидя, что въ мірѣ царствуетъ грѣхъ, что міръ подпалъ жестокому мучительству врага, и сжалившись надъ безначаліемъ, согласился царствовать надъ нами. „Подобаетъ бо Ему царствовати, дондеже положитъ враги Своя подъ ногама Своима“ (1 Кор. 15, 25). Посему, когда пришелъ Онъ въ сіе надземное мѣсто, на страну далече сущую отъ Бога, чтобы „пріяти царство“ надъ язычниками, по сказанному въ Псалмѣ: „проси отъ Мене, и дамъ Ти языки достояніе Твое“ (Пс. 2, 8); тогда подвластные князю вѣка сего, не только люди, но и силы подъ его начальствомъ воюющія, не приняли царства Его. Но поелику Онъ давалъ заповѣди, назначалъ имъ дѣла ихъ, повелѣвалъ не въ праздности пребывать, а требовалъ отъ нихъ дѣлъ; то „послаша послы въ слѣдъ Его“, отрицаясь имѣть Его Царемъ. Посему кто эти послы, какъ не виновники смерти Спасителя, думавшіе, что крестомъ пресѣкутъ царствованіе Его надъ міромъ; говорившіе Пилату: „не пиши, яко царь Іудейскій, но яко Самъ рече: Царь есмь Іудейскій“ (Іоан. 19, 21)? Впрочемъ лукавство препятствующихъ, хотя ихъ осудило, однако же не положило преграды домостроительству. Ибо овладѣвъ царствомъ и одѣливъ рабовъ по достоинству дѣланія каждаго изъ нихъ, повелѣлъ „пригласити ихъ, да увѣсть, какову куплю суть сотворили“. И первому, „придѣлавшему десять мнасъ“, далъ „область надъ десятью градовъ“; второму же, пріобрѣтшему „пять мнасъ“, говоритъ: „буди надъ пятію градовъ“. А у того, который мину свою завязалъ „въ убрусѣ“, не пуская въ оборотъ, велѣлъ отнять ее. Когда же распорядился касательно Іудеевъ (ибо „время“, говоритъ, „начати судъ отъ дому Божія“, 1 Петр. 4, 17); тогда и враговъ, отрекшихся отъ Его царства,

приказалъ привести на среду „и изсѣчь“ (Лук. 19, 15—27). Конечно, много такихъ, которые въ жизни сей не хотятъ, чтобы царствовалъ надъ ними Христосъ. Ибо покорившіеся блуду, обладаемые гнѣвомъ, поработившіеся любостяжательности, не хотятъ, чтобы царствовалъ надъ ними Господь, и, сколько зависитъ отъ ихъ произволенія, отказываются отъ Его царства. О нихъ-то говоритъ Исаія, что „смятутся“; ибо, когда во второе пришествіе увидятъ Господа жившіе во грѣхахъ и уничижавшіе Евангельскій уставъ царствія, очевидно, „смятутся, и болѣзни пріимутъ я, яко жены раждающія“. Жестокость же страданія, терзающаго и уязвляющаго ихъ сердце при сознаніи грѣховъ Пророкъ выразилъ, примѣнивъ къ болѣзнямъ рожденія. Ибо болѣзнь рожденія есть ощущеніе какой-то острой боли въ главнѣйшихъ частяхъ тѣла у раждающей во время чревоношенія.

„И лице свое, яко пламень измѣнятъ“. Смятеннымъ и ввергнувшимся въ неожиданное бѣдствіе свойственно измѣнять цвѣтъ лица, наружно краснѣя, и видимою перемѣною показывая состояніе своей души.

(9) „Се бо день Господень грядетъ неисцѣльный ярости и гнѣва, положити вселенную пусту, и грѣшники погубити отъ нея“. Выше сказалъ: „близъ день Господень“: а здѣсь говоритъ: „день Господень грядетъ положити вселенную пусту“. Тщательно вникающій въ сказанное Пророкомъ найдетъ, что въ двухъ стихахъ пророчества разсуждается не объ одномъ и томъ же днѣ. Въ первомъ говорится о частномъ скончаніи каждаго, которое „близъ есть“, а въ настоящемъ стихѣ говорится о всеобщемъ скончаніи. Ибо оно „положитъ вселенную пусту“; почему присовокуплено: (10) „звѣзды бо небесныя и Оріонъ не дадятъ свѣта“. А можетъ быть, день оный называется въ собственномъ смыслѣ днемъ, по однообразности состоянія; потому что не пресѣкается ночью, и не ограничиваетъ его вечеръ. И еще день оный называется собственно днемъ, потому что въ оный объявлена будутъ „тайная тмы“. А ночь есть жизнь сія, въ которой прикрываются дѣла срама. Посему и сказано: „ночь прейде, а день приближися“ (Рим. 13, 12). Но оный день называется и „неисцѣльнымъ“, какъ день „ярости и гнѣва“, въ которой нѣтъ мѣста умилостивленію, невозможно отвратить налагаемыхъ въ оный наказаній. Посему не будемъ до онаго дня отлагать исповѣданія, но подумаемъ о предусмотрительномъ совѣтѣ Писанія, которое хочетъ породить въ насъ страхъ Божій и читающихъ его научить дѣлать, „дондеже день есть. Пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати“ (Іоан. 9, 4). Кто ходитъ во свѣтѣ заповѣдей Христовыхъ, тотъ во дни. Преданный вѣчной тмѣ—въ ночи будетъ. Въ оную ночь нѣтъ мѣста ни дѣламъ, ни исповѣди, но руки и ноги связаны узами собственныхъ грѣховъ. „Связавше ему руцѣ и ноздѣ, вверзите во тму кромѣшную“ (Матѳ. 22, 13).

И языкъ не изречетъ ни исповѣданія, ни хвалы Богу; потому что будетъ занятъ сѣтованіемъ о постигшемъ наказаніи. Посему-то „грядетъ день“ оный „неисцѣльный“.

10) „Звѣзды бо небесныя и Оріонъ и все украшеніе небесное, свѣта не дадятъ: и помрачится солнце возсіявающее, и луна не дасть свѣта своего. (11) И заповѣмъ всей вселеннѣй злая, и нечестивымъ грѣхи ихъ“. Пророкъ ясно описываетъ скончаніе и измѣненіе вселенной. Ибо тогда оскудѣетъ свѣтъ солнечный, луна будетъ тѣломъ не свѣтлымъ, и Оріонъ, самая блистательная изъ звѣздъ, не дастъ свѣта. „Звѣзды небесныя и Оріонъ свѣта не дадятъ“, не потому что омрачены сіяніемъ восходящаго солнца. Ибо сіе бываетъ днемъ и нынѣ; и всѣми, кто изслѣдывалъ небесныя явленія, признано, что звѣзды, находящіяся въ полушаріи надъ землею, не угасаютъ, но меркнутъ отъ преизбыточествующаго сіянія солнечныхъ лучей. То же случается и въ полнолунныя ночи, когда свѣтлость луны превышаетъ свѣтлость звѣздъ, и не позволяетъ сіянію ихъ быть видимымъ. Итакъ пророческое слово изображаетъ здѣсь не какое либо одно изъ сихъ естественныхъ явленій, но совершенное омраченіе звѣздъ и преобразованіе вселенной. Извѣстно же, что Оріономъ Писаніе называетъ сочетаніе двадцати двухъ звѣздъ, которое иные именуютъ Воотесомъ. Опытные звѣздословы раздѣляютъ сіи звѣзды, и говорятъ, что четыре изъ нихъ принадлежатъ къ третьей величинѣ, девять—къ четвертой, а прочія девять—къ пятой. Это собраніе звѣздъ находится въ сѣверной части неба, и оно-то въ Писаніи, какъ одно тѣло, наименовано Оріономъ. Сіи же собранія звѣздъ называютъ созвѣздіями, а не звѣздами; такъ что словомъ „созвѣздіе“ означается собраніе множества звѣздъ, а звѣздою называется каждая въ отдѣльности. Писаніе упоминаетъ и объ Арктурѣ; это—звѣзда желтоватая, которую видимъ между частями Оріона. Подобно и Плеяды именуются въ Писаніи, какъ и у писателей языческихъ, которые, очевидно, у Евреевъ вывѣдали сіи тайны. Въ Плеядахъ же видны седмь, а не шесть, какъ думаютъ нѣкоторые, сближенныхъ между собою и скученныхъ звѣздъ. Онѣ расположены въ видѣ треугольника. Посему, какъ здѣсь находимъ имя Оріона, такъ имена Арктура, Эспера, Плеядъ видимъ у Іова, который говоритъ: „Творяй Пліяды, и Еспера и Арктура и сокровища южная“ (Іов. 9, 3). Поэтому „Исчитаяй множество звѣздъ и всѣмъ имъ имена Нарицаяй“ (Пс. 146, 4) знаетъ и число и наименованія всѣхъ ихъ. Но не многія изъ вошедшихъ въ употребленіе у Еллиновъ поименованы въ Писаніи, прочія же названія составили они сами, и различными именами называютъ какъ неподвижныя звѣзды, такъ и планеты. И однѣ изъ звѣздъ дѣлятъ они на двѣнадцать частей, именно же, находящіяся на зодіакальномъ кругѣ, по которому солнце совершаетъ свое теченіе; а

*

другія изъ звѣздъ, неподвижно находящіяся въ сѣверной и южной частяхъ неба, наименовали какъ имъ было угодно.

„И погублю“, говоритъ Пророкъ, „укоризну беззаконныхъ, и укоризну гордыхъ смирю“. Дѣло благаго Бога—истреблять негодное, чтобы возстановить Свое созданіе чистымъ отъ всякаго порока, и освободивъ отъ всякой немощи, возвести въ естественное состояніе. Ибо въ другомъ мѣстѣ говорится: „погублю премудрость премудрыхъ, и разумъ разумныхъ отвергу“ (Иса. 29, 14. и: 1 Кор. 1, 19); потому что мудрость міра сего, введя въ обманъ принявшихъ ее и будучи признана истинною, производитъ невѣдѣніе спасительныхъ догматовъ. Посему мудрость, удаляющая отъ истины, обращается въ ничто, чрезъ разрушеніе ея хитросплетеній и правдоподобій, чтобы предубѣжденный въ ея пользу освободился отъ обмана и ложнаго мнѣнія. Какъ болѣзнь истребляется врачемъ, и тма—солнцемъ: такъ благій Богъ истребляетъ укоризну беззаконныхъ, и смиряетъ укоризну гордыхъ. Посему-то и Іаковъ, благословляя сыновъ—Симеона и Левію, говоритъ: „проклята ярость ихъ, яко упорна, и гнѣвъ ихъ, яко ожесточися“ (Быт. 49, 7), и симъ проклятіемъ истребляетъ лукавую склонность, чтобы оставшееся въ нихъ содѣлалось достойнымъ Патріархова благословенія. Такъ и Ной, узнавъ, что сдѣлалъ ему младшій сынъ его, сказалъ: „проклятъ Ханаанъ“ (Быт. 9, 25); и хотя огорчителемъ былъ Хамъ, однако же проклинаетъ не его, а порожденіе его и дѣло его, которое символически именуется Ханаанъ: ибо Ханаанъ толкуется: какъ волненіе. Итакъ, поелику склонность, приведенная въ движеніе, производитъ страсть; то проклинаетъ не расположеніе, а дѣло, имъ произведенное. Ибо трудно въ естествѣ человѣческомъ сохраниться чистотѣ сердечной. Явно же, что Истребляющій укоризны гордыхъ истребляетъ не этотъ одинъ порокъ; но слово: „укоризна“, надобно понимать, одинъ грѣхъ распространяя на всѣ роды порока. Ибо беззаконные издѣваются надъ храмомъ, издѣваются надъ ближнимъ, издѣваются надъ сотвореннымъ по образу Сотворшаго, а чрезъ образъ укоризна восходитъ на Сотворшаго. Ибо какъ поругавшій царское изображеніе судится наравнѣ съ погрѣшившимъ противъ самаго царя; такъ, очевидно, повиненъ грѣху поругавшій созданнаго по образу. Но прежде всего дѣлаетъ онъ укоризну себѣ самому: любодѣй—растлѣніемъ, прелюбодѣй—срамотою дѣла; тать—низостію, гнусностію и подлостію поступка; лжецъ—отрицаніемъ истины; клянущійся во лжу—отчужденіемъ отъ Бога. Поэтому всякой грѣхъ есть укоризна и прозябеніе укоризны, и прежде всего касается самого укорителя. Но смиритъ и укоризну гордыхъ; потому что гордость есть сестра беззаконія. Ибо неправдивый презираетъ правду и превозносится надъ нею, невоздержный говоритъ противъ цѣломудрія, когда презираетъ того, кто тщательно соблюдаетъ себя во всемъ, и умѣряетъ даже движеніе

очей; сластолюбецъ укоряетъ умѣреннаго въ образѣ жизни; безумный осмѣиваетъ изобилующихъ мудростію и трудолюбиво собирающихъ себѣ отовсюду познанія. Посему Господь, Который „гордымъ противится“ (Іак. 4, 6) и „смиряетъ грѣшники до земли“ (Пс. 146, 6),—Онъ обѣщаетъ смирить укоризну гордыхъ. А смиряющій гордыхъ, какъ избавляетъ ихъ отъ уподобленія діаволу, который есть отецъ гордости, такъ убѣждаетъ научиться у Сказавшаго: „научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“ (Матѳ. 11, 20).

(12) „И будутъ оставшіи честніи паче, нежели злато нежженое: и человѣкъ честенъ будетъ паче, нежели камень, иже отъ Суфира“. По наведеніи великихъ искушеній, по нашествіи оружеборцевъ, опустошающихъ вселенную, и по смиреніи всякой гордыни, изъ многихъ найдутся люди, не повредившіе души въ сообщеніи съ беззаконными, но дознанные тысячами искушеній и испытаній, показавшіе точный опытъ своего произволенія; и они будутъ честнѣе всякаго нежженаго золота и всякаго драгоцѣннаго камня, который, какъ думаютъ, отыскивается въ Суфирѣ. А Суфиромъ, кажется, именована нѣкоторая страна у Индійскаго народа, въ которой обыкновенно родятся драгоцѣнные камни. Нежженое же золото—не содержащее въ себѣ никакой примѣси посторонняго вещества, но съ перваго взгляда удостовѣряющее о себѣ, что оно доброкачественно и не смѣшано съ мѣдью и другимъ какимъ сплавкомъ.

(13) „Разъярится бо небо, и земля потрясется отъ основаній своихъ за ярость гнѣва Господа Саваоѳа, въ день, въ оньже пріидетъ ярость Его“. Вся тварь приходитъ въ движеніе съ Владыкою на отмщеніе тѣмъ, которые согрѣшили противъ Него. Ибо какъ небо ужасается и трепещетъ отъ неожиданныхъ беззаконій народныхъ, когда оставляютъ Господа (Іер. 2, 12), такъ говорится, что когда исполнятся грѣхи отступниковъ, и наступитъ время воздаянія, тогда небо „разъярится“ и подвигнется на гнѣвъ вмѣстѣ съ Богомъ. Подъ яростію же неба должно разумѣть страшныя небесныя явленія, поражающія наказываемыхъ; когда помрачатся звѣзды, померкнетъ солнце, луна не будетъ уже освѣщаема, когда полетятъ молніи, страшно разразятся громы, когда воздухъ надъ головою омрачится, такъ что отвсюду неумолимое мученіе будетъ грозить отданнымъ подъ гнѣвъ. Ибо тварь, служа Творцу, приходитъ въ напряженіе при наказаніи неправедныхъ; ослабляетъ же свои силы при благодѣяніяхъ уповавшимъ на Него. Но сіе бываетъ за „ярость гнѣва“ Господня. „Яростію“ же „гнѣва“ Писаніе, обыкновенно, называетъ воскуреніе и какъ бы воспламененіе наказанія, налагаемаго въ воздаяніе за худыя дѣла.

„И земля потрясется отъ основаній своихъ“. Пророкъ показываетъ, что землятрясеніе будетъ не легкое и не обыкновенное, какое бываетъ

при колебаніи одной земной поверхности, но что оно превратитъ основаніе земли, и сотрясеніе коснется всего ея состава. Основанія же земли неизвѣстны человѣческой природѣ, какъ научаетъ насъ говорящій у Іова Господь: „гдѣ былъ еси, егда основахъ землю? Возвѣсти ми, аще вѣси разумъ? Кто положи мѣры ея, аще вѣси? Или кто наведый вервь на ню? На чемже столпи ея утверждени суть? Кто же есть положивый камень краеугольный на ней“ (Іов. 38, 4—6)? Не согласно ли съ понятіемъ мудрецовъ внѣшнихъ, Господь положилъ основанія земли въ средоточіи шара, обнимающаго собою міръ, такъ что земля, во всѣ стороны равно отстоя отъ неба, равновѣсіемъ своимъ надежно укрѣплена и неуклонно утверждена? А если такъ крѣпко утверждена земля; то, подвигнутая съ своихъ основаній, очевидно, снимется она съ поддерживающей ее опоры. Поелику же приходитъ въ ярость свойственно существамъ разумнымъ и одушевленнымъ; то нѣкоторые вообразили уже, что небо одушевлено и владѣетъ словомъ, такъ что вмѣстѣ съ Владыкою можетъ приходить въ негодованіе. Но это—вымыслъ и баснь. Ибо Писаніе неоднократно, перемѣняя имена, называетъ небомъ небесныя живыя существа, какъ и у насъ въ обычаѣ говорить. Напримѣръ говоримъ: весь городъ вышелъ; и: городъ просилъ князя о томъ,—когда надлежитъ сказать сіе о живущихъ въ городѣ. Такъ и небо приходитъ въ ярость, когда небесныя Силы сознаютъ правдивость Божія гнѣва. Ибо какъ „радость бываетъ“ на небесахъ о „единомъ грѣшницѣ кающемся“ (Лук. 15, 10); такъ бываетъ огорченіе и печаль о тѣхъ, которые чрезъ грѣхъ дѣлаются отступниками отъ Творца.

(14) „И будутъ оставшіи яко серна бѣжащая, и яко овца заблудившая, и не будетъ собираяй, яко человѣку въ люди своя возвратитися, и человѣку въ страну свою побѣгнути. (15) Иже бо аще плѣнится, поразится; и иже собрани суть, мечемъ падутъ. (16) И чада ихъ предъ ними разбіютъ, и домы ихъ плѣнятъ, и жены ихъ поймутъ“. Въ нашествіе враговъ вступившіе въ битву падаютъ въ самыхъ рядахъ, а предавшіеся бѣгству бѣгутъ, какъ серна. Но это—животное, робкое и боязливое, по скорости ногъ далеко убѣгающее и не останавливающееся. Посему будутъ „яко серна, и яко овца заблудившая“; потому что овца не имѣетъ ни малаго собственнаго смысла, чтобы устремиться на питательныя пажити, остановиться въ мѣстахъ болѣе безопасныхъ, или сыскать себѣ питье, если не будетъ пасущаго, который бы водилъ ее. Посему люди того времени будутъ бѣгать, какъ серны, и останутся безпомощны, какъ заблудившія овцы, потому что нѣтъ у нихъ князя. „И не будетъ собираяй“. Но боязливые будутъ разсѣяны преслѣдующими, а оставшіеся побѣждены врагами; и если найдутся въ состояніи противостать и совокупиться для вспомоществованія другъ другу, то „мечемъ падутъ“. По-

томъ Пророкъ описываетъ жалкія страданія порабощенныхъ. Дѣтей ихъ разбіютъ въ глазахъ родителей, домы ихъ расхитятъ, и женъ ихъ увлекутъ къ себѣ на поруганіе.

(17) „Се Азъ возбужду на вы Мидовъ, иже сребра не вмѣняютъ, ниже злата требуютъ. (18) Стрѣлянія юношеская сокрушатъ, и чадъ вашихъ не помилуютъ, ниже пощадятъ чадъ твоихъ очи ихъ“. По прошествіи многаго времени, какъ передала Исторія, Мидяне возобладали Ассиріянами и разрушили Вавилонъ. И какъ пророчество Исаіи многими родами предшествуетъ плѣненію народа Израильскаго; такъ опять по прошествіи многихъ лѣтъ послѣ сего плѣненія являются Мидяне, ополчившіеся на Ассиріянъ. Посему утѣшеніемъ для плѣненныхъ послужитъ ожиданіе отмщенія, которое не въ продолжительномъ времени постигнетъ народъ, дѣлавшій зло Израилю. „Возбужду“, сказано у Пророка, „на вы Мидовъ“, которые не обольстятся ни серебромъ, ни золотомъ. И вы, Вавилоняне, не возможете множествомъ богатства откупиться отъ нихъ, чтобъ не страдать. Мидяне не удивляются деньгамъ, которыми сами очень богаты. Поэтому во время сраженій не развлекаются собираніемъ корыстей съ мертвыхъ, не тратятъ времени на добычу, почитаютъ низкимъ взять что нибудь у плѣненныхъ. Но сокрушатъ полки стрѣлковъ изъ вашихъ юношей, не окажутъ ни жалости, ни пощады младенцамъ. А имя Мидянъ въ переводѣ значитъ: „отъ достаточнаго“. Посему, кто всѣмъ достаточенъ, и можетъ воздать по заслугѣ, тотъ возбудитъ Мидянъ. Или, можетъ быть, поелику основатель Мидіи есть Мадай, а имя сіе толкуется: „измѣреніе“; то говорится, что Мидяне будутъ насланы для наказанія живши хъ безмѣрно худо. Посему какою мѣрою мѣрилъ каждый изъ насъ, или дѣлая добро, или грѣша, такою же мѣрою пріймет ъ или награду, или наказаніе.

Но таковые Мидяне не помилуютъ дѣтей Вавилонскихъ, и не согласятся присвоить ихъ себѣ. А можетъ быть, чадами Писаніе называетъ теперь плоды или порожденія души Вавилонянъ. Такими же разумѣю чадъ ублажаемаго въ Псалмѣ (127), въ которомъ жена есть премудрость; и ее-то, взыскавъ и содѣлавшись любителемъ доблести ея, поялъ въ жену и сожительницу Себѣ Господь. А сыны—сошедшіяся вкупѣ порожденія ума и премудрости. О сихъ, думаю, чадахъ въ псалмѣ сто тридцать шестомъ сказано: „дщи Вавилоня, окаянная! блаженъ, иже воздастъ тебѣ воздаяніе твое, еже воздала еси намъ. Блаженъ, иже имѣетъ и разбіетъ младенцы твоя о камень“ (8. 9). Ибо Пророкъ провидитъ тотъ день воздаянія, въ который Мидяне, овладѣвъ Вавилонянами, не помилуютъ ихъ, и чадъ ихъ „не пощадятъ очи ихъ“. Но замѣть, что Псаломъ ублажаетъ не какъ ни есть убивающаго дѣтей Вавилонскихъ, но того кто хочетъ, во-первыхъ, истребить новорожденныхъ младенцевъ ихъ,

не дозволяя приходить имъ въ возрастъ, чтобы они не преуспѣли въ лукавствѣ; а во-вторыхъ, намѣренъ, не какъ ни есть убивать ихъ. Ибо ублажаетъ того, кто „имѣетъ“ и переможетъ своею мудростію чадородіе слитнаго ума, который называется Вавилонянином, и потомъ разбіетъ сіе о камень. А камень и въ этомъ мѣстѣ есть Христосъ. Ибо, кто негодныя ученія сокрушаетъ словомъ истины, тотъ разбиваетъ о камень Вавилонскихъ младенцевъ. Посему, если чада Вавилонскія суть ученіе неправославныхъ, смущающія душу пріемлющаго ихъ; то прекрасно преобѣжденное чадо Вавилона да разбіется о камень.

(19) „И будетъ Вавилонъ, иже нарицается славный отъ царя Халдейска, якоже разсыпа Богъ Содому и Гоморру, (20) не населится въ вѣчное время, и не внидутъ въ онь чрезъ многія роды, ниже пройдутъ его Аравляне, ниже пастуси почіютъ въ немъ. (21) И почіютъ тамо звѣріе, и наполнятся домове шума, и почіютъ ту сирини, и бѣси тамо воспляшутъ, (22) и онокентавры тамо вселятся, и вогнѣздятся ежеве въ домѣхъ ихъ. Скоро идетъ, и не умедлитъ“ [1]), и дни его не продлятся.

Въ сихъ словахъ Пророкъ описываетъ уничиженіе Вавилона. И поелику сильнѣйшее дѣйствіе производитъ воспоминаніе о прежней славѣ; то показываетъ, отъ какого состоянія и до какого превращенія дошелъ онъ. „И будетъ“, говоритъ Пророкъ, „Вавилонъ, иже нарицается славный“. Это сдѣлалось какъ бы собственнымъ его прозваніемъ, и всѣ именовали его, прибавляя: Вавилонъ славный. Пресловутымъ же сдѣлалъ его царь Халдейскій, когда, низложивъ многихъ, перевелъ въ него силы плѣненныхъ, обнесъ его огромными стѣнами, снабдилъ многочисленною воинскою силою, распространилъ великолѣпными зданіями. Сей-то городъ будетъ разсыпанъ, „якоже разсыпа Богъ Содому и Гоморру“, и „не населится въ вѣчное время“. А можетъ быть, разрушеніе и опустѣніе его опредѣляетъ нѣкоторымъ извѣстнымъ временемъ, потому и не сказалъ положительно: и ниспровергнется на вѣкъ, но присовокупилъ: „въ вѣчное время“. Изъ послѣдующаго же видно, что предвѣщаетъ не совершенное его опустѣніе. Ибо „не внидутъ въ онь чрезъ многія роды“, то есть, опустѣніе продолжится многіе роды, а потомъ снова Вавилонъ населится.

„Ниже пройдутъ его Аравляне, ниже пастуси почіютъ въ немъ“. Горестное опустѣніе изображаетъ слово. Вавилонъ такъ запустѣетъ, что въ немъ не найдется крова для пастуховъ, не будетъ и Аравитянъ, населяющихъ пустыню. И тѣ, которые, все опустошая и расхищая, ходятъ рыться по городамъ и селеніямъ, не взойдутъ въ него, не надѣясь, чтобы въ немъ были жители, и нашлось что нибудь изъ жизненныхъ потребностей. Но онъ будетъ, говоритъ Пророкъ, пристанищемъ звѣрей, „наполнятся“ же „домове шума“. Шумъ означаетъ чрезмѣрность запустѣнія.

[1]) Слова: „скоро идетъ, и не умедлитъ“, читаются въ началѣ 14-й главы.

Ибо этотъ шумъ [1]) есть звукъ, отраженный отъ тѣлъ твердыхъ и упорныхъ, возвращающійся опять къ тому, кто издалъ звукъ. Въ мѣстахъ пустыхъ звукъ сей отдается громко; а въ обитаемыхъ городахъ и селеніяхъ онъ не можетъ быть совершеннымъ, потому что воздухъ разсѣкается переносимыми съ одного мѣста на другое утварями, перерывается звуками несущимися въ поперечномъ направленіи. Посему тамъ „домове наполнятся шума“, и шумъ есть символъ опустѣнія.

„Почіютъ же ту сирини, и бѣси тамо воспляшутъ, и онокентавры тамо вселятся, и вогнѣздятся ежеве въ домѣхъ ихъ. Сирины [2]), по языческому преданію, суть пріятно поющія женщины; но здѣсь, кажется, означено сіе словомъ: „бѣси“; почему Аквила сириновъ назвалъ строфокамилами [3]). А названныхъ у Седмидесяти онокентаврами Аквила именовалъ косматыми (τριχιῶντας). Кажется, что симъ означается нѣкоторый родъ бѣсовъ огрубѣлыхъ и по наружности омраченныхъ, которыхъ дѣло—быть непостоянными, и никогда не останавливаться ни ногами, ни мыслію. „И онокентавры тамо вселятся“. И симъ Писаніе, кажется, представляетъ другой родъ бѣсовъ, которые прочіе толковники назвали „сіинъ“, перенеся самое Еврейское слово. Тамъ же, говоритъ Пророкъ, и ежи сдѣлаютъ себѣ жилища. Въ семъ мѣстѣ описывается, что всѣ пустыннолюбивыя животныя соберутся въ Вавилонъ по опустѣніи его.

„Скоро идетъ, и не умедлитъ“: и дни его не продлятся. Пророкъ говоритъ, что разрушеніе Вавилона близко, и что исполненіе угрозъ не замедлитъ. Поелику же въ угрозѣ сказано, что Вавилонъ будетъ разсыпанъ, какъ Содомъ, то надобно намъ знать, что слово „Содомъ“ имѣетъ многія толкованія. Ибо одно и тоже имя толкуется и слѣпота, и неплодіе, и наставшее молчаніе, и подобіе, и воззваніе, и основаніе ихъ. А Гоморра берется въ значеніи мѣры и мятежа. Но думаю, что не всѣми значеніями должно пользоваться желающему объяснить, какимъ образомъ Вавилонъ разрушится подобно Содому. Ибо кажется, что Богъ сокрушаетъ, благодѣтельствуя сокрушаемымъ; какъ врачъ, прекращаетъ Онъ слѣпоту; а прекращеніе слѣпоты есть начало прозрѣнія. Богъ сокрушаетъ и неплодіе, чтобы, изгнавъ неплодоносіе, даровать имъ плоды дѣлъ правды. Сокрушаетъ и наставшее молчаніе, чтобы вложить въ сердце слово для Божія православія. Посему и Сокрушающій Гоморру (поелику Гоморра означаетъ то и другое—и мѣру, и мятежъ) истребляетъ въ ней мятежъ и волненіе, чтобы мятежники, и находящіеся въ состояніи противоположномъ миру, сдѣлались лучшими.

Но всякій, кто допускаетъ вліяніе дня рожденія, чтитъ необходи-

---

[1]) У Семидесяти ὁ ἦχος, эхо.

[2]) Или сирены.

[3]) Или страусами.

мость, судьбу и рокъ, и, утверждая это, сколько можетъ, отвлекаетъ людей отъ вѣры въ Бога и отъ благочестія, тотъ дѣла Вавилонянъ именуетъ славными. Ибо Астрологія есть изобрѣтеніе Халдеевъ, которые говорятъ, что существующее зависитъ само отъ себя, а не отъ Бога, и, подчиняя событія теченію звѣздъ, изгоняютъ Промыслъ, управляющій дѣлами человѣческими; такъ что молитва и благочестіе не имѣютъ никакой силы, но хотя, повидимому, производятъ нѣчто, впрочемъ сами подлежатъ закону судьбы. Нарицаетъ также какой-то славный Вавилонъ и прославляющій мірское богатство и славу, плотское благородство и все тому подобное. Ибо все это приводитъ въ смѣшеніе мысль, и достойно того, чтобы носить одно имя съ Вавилономъ.

Господь сокрушаетъ сей Вавилонъ, будешь ли разумѣть подъ нимъ городъ, или приведенную въ смѣшеніе душу; и онъ дѣлается жилищемъ разсвирѣпѣвшихъ бѣсовъ. Ибо, переставъ быть обителію Божіею, необходимо дѣлается жилищемъ лукавыхъ духовъ. Тамъ не останавливается и пастырь; потому что доброму пастырю не свойственно останавливаться на отдыхъ, когда ввѣренное ему стадо разсыпано. Но тамъ, говоритъ Пророкъ, „сирины, бѣсы, онокентавры“ и „ежи“. Посему, когда видишь душу, приведенную въ смятеніе, то знай, что она исполнена шума; потому что въ ней нѣтъ ни одного яснаго раздѣльнаго слова, но неопредѣленные крики страстей раздаются во владычественномъ этой души. Посему кажется, что какія-то лукавыя силы, взываніемъ, подобнымъ голосу, производя удовольствіе въ душахъ, услаждаемыхъ ихъ пѣніемъ на пагубу, уловляютъ мимоходящихъ. Не извѣстно, услажденіе ли голосомъ, или другаго какого рода раздраженія и вызовы на грѣхъ, происходятъ отъ сихъ демоновъ; по крайней мѣрѣ, очарованные наслажденіемъ забываютъ о возвращеніи въ истинное отечество. А если видишь, что иной, „чешемъ слухомъ“ (2 Тим. 4, 3), отвращаетъ его отъ истины, внимаетъ же баснямъ, и не принимаетъ слова сильнаго, не терпитъ ни обличенія, ни строгаго выговора, которымъ слушатель приводится къ внимательности, но любитъ слово произносимое для пріятности и услажденія; то разумѣй, что такой человѣкъ, прельщаемый „благими словесы и благословеніемъ“ (Рим. 16, 18), во власти сиринъ.

И о бѣсахъ, которые внушаютъ намъ различные грѣхи, говорится, что они „воспляшутъ“; потому что пляска есть разнообразное движеніе членовъ. И поелику пляшущіе являются на позорище, или въ той, или въ другой личинѣ, то подобно сему и бѣсы вмѣсто личинъ употребляютъ насъ, и пляша, представляютъ то гнѣвливаго, то похотливаго, то преданнаго плотскимъ удовольствіямъ, то лжеца. Такъ даемъ въ себѣ мѣсто различнымъ дѣйствіямъ бѣсовъ, и по ихъ волѣ измѣняемъ сердце свое и тѣлесные члены. Посему, когда видишь, что человѣкъ, то преданъ неумѣ-

ренному смѣху, то сокрушенъ печалію, самъ себя терзаетъ въ слезахъ, стенаніяхъ и вопляхъ; то заключай, что въ немъ пляшетъ кто-то, принимающій на себя то одинъ, то другой видъ. И вводится ли въ лицедѣйствіе то сребролюбіе, то тщеславіе, то гордыня; во всякомъ случаѣ издѣвается надъ родомъ человѣческимъ тотъ, кто ликуетъ и пляшетъ въ душахъ удобоподвижныхъ и удобопреклонныхъ ко грѣху. А имя онокентавровъ означаетъ какой-то сложный и чудовищный составъ животнаго, если только и это не бѣсъ, который то производитъ, что обращаемъ взоръ на дѣла человѣческія, то увлекаетъ насъ въ скотскія страсти. А ежъ есть животное, вмѣсто волосъ одѣтое иглами, неудоболовимое и хитрое. Все же сіе скоро прійдетъ на душу смятенную, и дни сіи не умедлятъ.

Глава 14.

„И помилуетъ Господь Іакова, и изберетъ Израиля“ (1). Не безъ основанія, думаю, слово „помилуетъ“ поставлено вмѣстѣ съ именемъ Іакова, которымъ назывался Патріархъ до борьбы своей; а „изберетъ“— съ именемъ Израиля, которое дано ему въ награду послѣ борьбы. Милуемый означаетъ что-то унизительное, а избираемый что-то превосходное. Посему слово: „Господь помилуетъ Іакова, и изберетъ Израиля“ подобны слѣдующимъ: „Іаковъ, отрокъ Мой, воспріиму и: Израиль избранный Мой, пріятъ его душа Моя“ (Исх. 42, 1). Ибо слово „Іаковъ“ принимается въ значеніи еще начинательнаго и тѣлеснаго, а „Израиль“— въ значеніи лучшаго и духовнаго. Вообще же и Іаковъ и Израиль почіютъ „на земли своей“,—на той землѣ, о которой сказано: „блажени кротціи, яко тіи наслѣдятъ землю“ (Матѳ. 5, 4). Она—не часть сей, подпадшей проклятію, земли, воздѣлывающій которую „въ печалѣхъ“ вкушаетъ пищу „вся дни живота своего“ (Быт. 3, 17). А къ Іакову и къ Израилю, „почіющему на земли своей, приложится“ и „пришлецъ“. Пришлецъ же есть переселенецъ, обработывающій землю. Можетъ быть, это народъ изъ язычниковъ, приложившійся къ Іакову, и его Писаніе называетъ пришельцемъ, какъ чужеземца и переселенца. А для недостаточныхъ и не умѣющихъ управлять собою благодѣтельно—поработиться управляющимъ искусно. Почему въ числѣ благословеній сказано Исаву: „и брату твоему поработаеши“ (Быт. 27, 40).

Сіе-то значатъ слова: „и умножатся на земли Божіи въ рабы и рабыни“. Рабство назначается имъ вмѣсто благодѣянія. „И будутъ плѣнени плѣнившія я“. Одни мучительски уводили въ плѣнъ, ввергая побѣжденныхъ въ рабство діаволу; другіе человѣколюбиво отводятся въ плѣнъ, изъ-подъ мучительной власти діавола приводимые въ рабство Христу. Израилю же дается обѣтованіе объ освобожденіи отъ жестокаго

рабства, въ какомъ находился онъ у Вавилонянъ, и вмѣстѣ совѣтъ быть человѣколюбивымъ, пролить слезы о царѣ Вавилонскомъ, и не радоваться его паденію, а плакать о немъ, какъ о потерпѣвшемъ достойное сожалѣнія и милосердія.

(20) „Яко же риза въ крови намочена не будетъ чиста, такожде и ты не будеши чистъ: зане землю Мою погубилъ еси, и люди Моя избилъ еси. Не пребудеши въ вѣчное время“.—Вотъ еще часть плача о князѣ Вавилонскомъ и о дѣлахъ его. Послѣ того, какъ (12) спадшій „съ неба денница“ сказалъ въ сердцѣ своемъ: (13) „на небо взыду, (14) буду подобенъ Вышнему“; въ доказательство того, сколько далекъ отъ уподобленія Святому осквернившій себя всякою нечистотою и убійствами, уподобляется онъ одеждѣ, которая по природѣ своей, сдѣлана на украшеніе человѣку, но поелику омочена въ крови, не можетъ быть взята человѣкомъ въ употребленіе. Изъ сего видно, что лукавый не по устройству своему имѣетъ въ себѣ нечистоту, но потому что обагрилъ себя кровію, погубивъ землю Господню и чрезъ грѣхъ убивъ людей. И въ другомъ еще мѣстѣ находимъ, что одеждѣ уподобляетъ человѣческую природу тотъ же Пророкъ, говоря къ обветшавшимъ въ порокѣ: „се вси вы, яко риза обетшаете, и моліе изъястъ вы“ (Иса. 50, 9). Страшная угроза—и впослѣдствіи не стать чистымъ! Ибо оскверненный какимъ нибудь грѣхомъ, хотя въ настоящее время теряетъ чистоту, но въ будущемъ не лишается надежды очищенія чрезъ покаяніе. Но здѣсь рѣшительный приговоръ, что не будетъ и впослѣдствіи чистъ; потому что намоченъ въ крови людей Божіихъ, которыхъ умертвилъ преслушаніемъ, вовлекши ихъ въ грѣхъ.

Можетъ быть, что до сотворенія человѣка и для діавола оставалось еще какое нибудь мѣсто покаянію. И эта гордыня, какъ ни застарѣла была болѣзнь, могла однако жъ возстановить себя въ первобытное состояніе, позаботившись уврачевать въ себѣ болѣзнь покаяніемъ. Но какъ скоро явились и устроеніе міра, и насажденіе рая, и человѣкъ въ раю, и заповѣдь Божія, и зависть діавола, и убіеніе возвеличеннаго, съ тѣхъ поръ заключено для діавола и мѣсто покаянію. Ибо, если Исавъ, продавъ первородство, не нашелъ мѣсто покаянію; то остается ли какое мѣсто покаянію для того, кто умертвилъ первозданнаго человѣка и чрезъ него внесъ смерть? Говорятъ же, что пятно, сдѣланное на одеждѣ человѣческою кровію изъ раны, никакъ не можетъ быть омыто, но вмѣстѣ съ одеждою состарѣвается измѣненіе цвѣта, произведенное кровію. Посему и діаволу невозможно изгладить съ себя кровавое пятно и стать чистымъ. Но замѣть, съ какою выразительностію изображается въ семъ реченіи оскверненіе убійствомъ. Пророкъ не сказалъ: „погружена“ въ крови, но „намочена“, желая показать, что діаволъ постоянно занимался

убійствомъ истребляемыхъ. Онъ погубилъ землю Божію и истребилъ людей Божіихъ. Правда, что и Навуходоносоръ опустошилъ землю, посѣкши въ ней плодовитыя дерева, предавъ огненному истребленію селенія; правда, что и онъ людей Израильскихъ частію побилъ мечемъ, а частію отвелъ плѣнниками въ Вавилонъ: но здѣсь разумѣется и, таинственно именуемый царемъ Вавилонскимъ, міродержитель міра сего. Ибо и слитность міра сего весьма прилично назвать можно Вавилономъ; потому что князь міра людей Божіихъ содѣлалъ плѣнниками, переселя изъ жизни въ смерть, а землю опустошилъ, растливъ грѣхомъ плоть каждаго по написанному: „яко растли всяка плоть путь свой“ (Быт. 6, 12).

„Сѣмя злое. (21) Уготови чада твоя на убіеніе грѣхами отца твоего да не востанутъ, и наполнятъ землю градами [1]).—(22) И востану на ня, глаголетъ Господь Саваоѳъ, и погублю имя ихъ, и останокъ, и сѣмя“. Не только не будетъ онъ чистъ, но и преемники лукаваго истребятся съ нимъ, по благости человѣколюбиваго Бога, Который попускаетъ истребленіе чадъ не столько плотскаго чадородія, сколько чадородія дѣлъ, совершаемыхъ по злому навыку. „Сѣмя злое“. Поелику не самъ былъ отцемъ злобы, но получилъ бытіе отъ другаго, предварившаго въ злобѣ, и поступилъ по лукавству того, кто посѣялъ его, то называется сѣменемъ злымъ.

„Уготови чада твоя на убіеніе грѣхами отца твоего“. Но злымъ сѣменемъ чего либо называется иногда не то, что непремѣнно произошло отъ предшествовавшаго сѣянія; а напротивъ того, что и само служитъ къ прохожденію другаго, именуется сѣменемъ. Какъ при міротвореніи, первыя растенія были сѣменемъ для другихъ, а сами не отъ другихъ произошли, потому что были первоначальнѣе образовавшихся изъ сѣмени: такъ, можетъ быть, и теперь пророческое слово того, кто въ примѣръ другимъ предначалъ зло и какъ бы сдѣлался сѣменемъ подражанія, именуетъ злымъ сѣменемъ, не потому что получилъ бытіе отъ предшественниковъ, но потому что положилъ начало преемникамъ. А иной самъ отъ себя можетъ быть сѣменемъ злымъ, будучи началовождемъ злобы, и опять, обучившійся у лукавыхъ учителей именуется подобнымъ именемъ. „Племя Ханаане, а не Іудино“ (Дан. 13, 56), названъ оный грѣшникъ не потому, что плотское его происхожденіе нечисто и имѣетъ примѣсь отъ Ханаана, напротивъ того, за подражаніе Ханаану называется сѣменемъ Ханаанскимъ. Посему каждый, по своему произволенію, можетъ быть или сѣменемъ святымъ, или противоположнымъ тому. Ибо послушай, что говоритъ Павелъ: „о Христѣ бо Іисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ“ (1 Кор. 4, 15). И еще сказано: „елицы пріяша Его,

---

[1]) Πόλεων; у Седмидесяти читается πολέμων, по Слав. пер. „ратьми“.

даде имъ область чадомъ Божіимъ быти“ (Іоан. 1, 12); и всякъ „творяй грѣхъ отъ діавола“ рожденъ „есть“ (1 Іоан. 3, 8).

Съ какимъ же намѣреніемъ пророческое слово повелѣваетъ „злому сѣмени“ уготовить чада своя на „убіеніе грѣхами отца“? Многократно замѣчали мы, что дѣла каждаго и плоды душевные именуются чадами. Ибо сказано: „спасется чадородія ради, аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыни съ цѣломудріемъ“ (1 Тим. 2, 15). Ибо и душа спасется, какъ жена не вдавшаяся въ обманъ Жениха, когда съ помощію слова плодопринесетъ чада—добрыя дѣла, если только пребудетъ въ благомъ навыкѣ, и не омрачится какими либо послѣдующими грѣхами. Такъ и мы, сообразно съ духовнымъ и Божественнымъ закономъ, понимая благословеніе, въ которомъ сказано: „благословена исчадія чрева твоего“ (Втор. 28, 4), разумѣемъ не иное что, какъ душевные плоды. „Страха бо ради Твоего, Господи, во чревѣ пріяхомъ, и поболѣхомъ, и родихомъ духъ спасенія, егоже сотворихомъ на земли“ (Ис. 26, 18). Посему истребленіе лукавыхъ дѣлъ называется убіеніемъ чадъ, и оно служитъ въ пользу породившаго отца. Посему, въ настоящемъ мѣстѣ, сокровенное человѣколюбіе выражаетъ сей иносказательный образъ рѣчи, повелѣвающій злому сѣмени облегчить тебя, по возможности, отъ бремени своихъ грѣховъ. Ибо пріявшіе на себя образъ лукаваго, и содѣлавшіеся чадами грѣха, всѣ исчадія души своей должны убить для истребленія грѣховъ. А если не умремъ грѣху, то какъ „правдою поживемъ“ (1 Петр. 2, 24)? Ибо Пророкъ говоритъ: „да не востанутъ, и наполнятъ землю градами“. Лукавство есть мятежное возстаніе грѣха; посему грѣху должно пребывать мертвымъ, и не надобно дозволять, чтобы онъ составлялся и умножался. Ибо таково значеніе города.

А Господу Савао̀у прилично погубить „и имя, и останокъ, и сѣмя“ грѣха. Блаженно состояніе души и общества человѣческаго, въ которыхъ имя грѣха не именуется, по слову Апостола: „блудъ же, и нечистота“, и студодѣяніе, „ниже да именуется въ васъ, якоже подобаетъ святымъ“ (Ефес. 5, 3). А вторая степень—чтобы не было по крайней мѣрѣ „останка“. Ибо многіе, обратившись отъ лукавыхъ дѣлъ, какъ бы удерживая въ себѣ памятованіе прежнихъ дѣлъ, посредствомъ него нерѣдко обновляютъ умолкнувшій грѣхъ.

Посему, чтобы не было и „останка“, то есть, чтобы остальное сѣмя лукаваго ученія не могло сохраняться въ преемникахъ чрезъ подражаніе предшественникамъ, „сія глаголетъ Господь: (23) и положу Вавилонію пусту [1]), яко возгнѣздитися ежемъ, и будетъ нивочтоже: и положу и бренія пропасть въ пагубу“. Человѣколюбивый Господь угрожаетъ, что по-

[1]) Въ Славянскомъ: „Вавилона пуста“.

ложитъ „Вавилонію пусту“. И опустѣніе лукаваго жилища и истребленіе жизни смутной для способныхъ понимать есть вожделѣнное благо. Угрожаетъ же такимъ опустѣніемъ Вавилонiи, что въ ней не будетъ обитать человѣкъ Вавилонянинъ, но его мѣсто заступятъ ежи. А это животное ограждено жесткими и острыми иглами, когда захочетъ, свертываетъ голову и ноги, образуетъ изъ себя видъ совершеннаго шара, такъ что его трудно взять въ руки, потому что голова и ноги завернуты, а наружность покрыта отовсюду иглами. И это одно животное спокойно отмщаетъ тѣмъ, которые мышляютъ противъ него. Ибо кто налагаетъ на него руки, тотъ сильно ихъ укалываетъ, и чѣмъ крѣпче захочетъ его сжать, тѣмъ глубже вонзаются иглы.

А можетъ быть, подразумѣваются нравы людей, которые вмѣсто Вавилонянъ поселились въ городѣ, нравы необщительные, своеобычливые, любящіе обхожденіе суровое. А что роды животныхъ берутся въ означеніе человѣческихъ нравовъ, сіе знаемъ изъ Петрова видѣнія (Дѣян. 10, 12 и сл.), когда въ сосудѣ, опущенномъ съ небесъ, были всякаго рода животныя, гады, птицы, четвероногія. Ибо Слово давало разумѣть, что люди отъ различныхъ грѣховъ должны быть приводимы къ вѣрѣ; и что они-то уподобляются или четвероногимъ, по своей скотоподобности, или гадамъ, по своей ядовитости, или птицамъ, по своему легкомыслію и непостоянству. Поэтому, можетъ быть, и ежъ въ Писаніи, иносказательно, означаетъ какихъ ни есть людей, подобно какъ змѣи означаютъ Саддукеевъ и Фарисеевъ (Матѳ. 23. 33), лисица—Ирода (Лук. 13, 32), „кони женонеистовни“—сластолюбивыхъ (Іер. 5, 8), овцы—людей самыхъ незлобивыхъ (Матѳ. 10, 16), козлища—необщительныхъ и скупыхъ (Матѳ. 25, 33). Почему и къ ежамъ, такъ какъ сіе животное надѣется собственными иглами защититься отъ вреда, не безъ основанія можно примѣнить богатыхъ вѣка сего, о которыхъ говоритъ Господь, что они собственнымъ своимъ „терніемъ подавляютъ“ въ себѣ „слово“, и дѣлаютъ его безплоднымъ (Матѳ. 13, 22).

„Будетъ“ же Вавилонъ „нивочтоже“ и „бренія пропасть“. Если взять сіе въ смыслѣ чувственномъ, то слово симъ показываетъ, что рѣка Евфратъ, протекающая по срединѣ города, не находя свободнаго стока по руслу рѣки и разлившись въ Вавилонѣ, совершенно истребитъ его и обратитъ въ пропасть не воды чистой, но тины. Ибо таково конечное сокрушеніе раздражающихъ Господа.

(24) „Сія глаголетъ Господь Саваоѳъ: якоже глаголахъ, тако будетъ, и якоже совѣщахъ, тако пребудетъ. (25) еже погубити Ассиріанъ на земли Моей, и на горахъ Моихъ: и будутъ въ попраніе, и отъимется отъ нихъ яремъ ихъ, и слава ихъ отъ раменъ ихъ“. Плотскій Израиль толкуетъ, что у Пророка говорится о землѣ, которая, по ихъ мнѣнію,

есть Божія, и объ этихъ земныхъ горахъ чувственной Іудей, и что народъ Израильскій отведетъ въ плѣнъ Ассиріянъ, возложивъ на нихъ иго рабства. А мы, „воскресшіе со Христомъ“ и давшіе обѣтъ „вышнихъ искать“ (Кол. 3, 1), землею называемъ благое сердце, какъ научены самимъ Господомъ, сказавшимъ: „а сѣянное на добрѣй земли, се есть, слышай слово и разумѣвъ плодъ приноситъ, и творитъ ово сто, ово же шестьдесятъ, ово тридесять“ (Матѳ. 13, 23). Такъ и горою Божіей, на которой Ассиріяне „будутъ въ попраніе“, можетъ быть названъ возрастшій въ добрыхъ дѣлахъ и ставшій выше другихъ словомъ и познаніемъ; въ немъ враги будутъ въ попраніе. И всякое иго Ассиріянъ отнимется Богомъ. Ибо они высоко о себѣ думали, потому что налегли на плеча людямъ, составлявшимъ часть Божію, и дѣлали своими подъяремниками отвлеченныхъ грѣхами отъ рабства Богу. Итакъ, по сказанному, имѣя надежду, что враги наши погибнутъ на землѣ Божіей и попраны будутъ на горахъ Божіихъ, что яремъ ихъ отнимется и сокрушится слава ихъ, которою они величались, какъ наши обладатели и покорители, сдѣлаемъ все возможное, чтобы совершенно свергнуть съ себя владычество ихъ! Ибо, если сдѣлаемся горами Божіими, то „основанія“ Божіи (Псал. 86, 1) въ насъ будутъ; потому что слово истины положится въ основаніе въ сердцахъ нашихъ, и добрыя дѣла будутъ назидаемы на вѣрѣ. Но должно быть намъ начисто отдѣлиться отъ грѣха, чтобы выя наша освободилась отъ ига Ассиріянъ, и мы могли стать подъяремными Христу. Ибо на выѣ нашей не могутъ лежать два ига, иго Господне, и иго Ассирійское; „кое бо причастіе правдѣ къ беззаконію“; или „кое общеніе свѣту ко тмѣ“ (2 Кор. 6, 14)?

(26) „Сей совѣтъ, егоже совѣща Господь на всю вселенную, и сія рука высокая [1]) на вся языки вселенныя. (27) Яже Богъ святый совѣща, кто разоритъ? и руку Его высокую кто отвратитъ?“ Пророкъ ясно показываетъ, что сіе говорится о людяхъ въ цѣлой вселенной и во всѣхъ народахъ; потому что никто не можетъ разорить, что совѣщалъ святый Богъ, и никто, каковъ бы ни былъ, не отвратитъ руки Божіей, защищающей землю и горы Божіи. Но вмѣстѣ замѣть, что реченіе сіе, какъ неоднократно уже показали мы, означаетъ не одно что нибудь рѣдкое. Напримѣръ въ словахъ: „кто премудръ и уразумѣетъ сія“ (Осіи 14, 10)? и еще: „кто вѣрный и мудрый строитель“ (Лук. 12, 41)? и теперь:—„кто разоритъ?“ означается то же, что и „никто“. Ибо непозволительно думать, чтобы кто нибудь былъ въ состояніи разорить совѣтъ Господень.

(28) „Въ лѣто, въ неже умре Ахазъ царь, бысть глаголъ сей: (29)

[1]) Слова: высокая, въ Славянскомъ переводѣ нѣтъ, а въ Греческомъ текстѣ Седмидесяти оно есть.

Не радуйтеся вси иноплеменницы; сокрушися бо яремъ біющаго вы: отъ сѣмене бо зміина изъидутъ исчадія аспидовъ, и исчадія ихъ изыдутъ зміи парящіи. (30) И упасутся убозіи имъ: нищіи же человѣцы въ мирѣ почіютъ: и потребитъ гладомъ сѣмя твое, и останокъ твой избіетъ".

Если все, написанное у Пророковъ, сказано Духомъ Святымъ, то явно, что и надписаніе времени сего пророчества не напрасно вставлено. Какая же польза узнать, что сіе слово къ иноплеменникамъ было въ лѣто, „въ неже умре Ахазъ", царь Іудейскій? Разсуждаемъ о семъ такъ. Въ книгѣ Исхода написано: „умре царь Египетскій, и возстенаша сынове Израилевы отъ дѣлъ" ихъ, „и взыде вопль, и услыша Богъ стенаніе ихъ" (2, 23). Хотя при жизни лукаваго царя не могли не стенать къ Богу; потому что царь неволилъ ихъ „въ дѣлахъ жестокихъ" (Исх. 1, 14), не давая времени обратить взоры къ Богу; а когда не стало лукаваго, тогда надлежало рукоплескать и радоваться паденію врага: однако же, къ удивленію, написано, что тогда начали „стенать"; чѣмъ показываетъ слово, что пока владѣлъ плотолюбивый умъ, по безчувствію, не умѣли и оплакивать зло, причиняемое грѣхомъ; а какъ скоро получили свободу отъ страстей, обременяемые дѣлами вещественными и тѣлесными начинаютъ свое уврачеваніе стенаніемъ. Потому и услышалъ ихъ человѣколюбивый Богъ. Подобное нѣчто сему повѣствованію открывается и въ предъидущей части пророчества Исаіи: „И бысть", говоритъ онъ, „въ лѣто, въ неже умре Озія царь, видѣхъ Господа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ" (6, 1). По сказанію Исторіи, Озія былъ царь лукавый; потому что „вознесеся сердце его на пагубу, и обидѣ Господа Бога своего и вниде въ церковь Господню покадити надъ олтаремъ" (2 Пар. 26, 16), и сталъ прокаженъ. И тогда-то, по низложеніи лукаваго князя, по очищеніи законнаго служенія отъ нечистотъ, открываются Пророку тайны богословія. Посему и здѣсь пророческое слово надписываетъ, что умеръ Ахазъ, государь недобрый, дабы извѣстно было, что при удаленіи худшаго бываетъ глаголъ къ иноплеменникамъ отъ благодѣющаго Бога. Ибо въ четвертой книгѣ Царствъ находимъ, что сей Ахазъ „не сотвори правое предъ очима Господа, и сына своего преведе чрезъ огнь по мерзостямъ языческимъ, и жряше и кадяше на высокихъ" (4 Цар. 16, 2—4). Онъ и изъ сокровищъ дому Господня золото и серебро посылалъ Царю Ассирійскому, за что и осуждается немалое его нечестіе въ разсужденіи священныхъ имуществъ. Итакъ, по паденіи лукаваго владычества, бываетъ глаголъ на иноплеменниковъ. Иноплеменниками же собственно называются Филистеи, которыхъ Еллины именуютъ Палестинами (Παλαιστινες).

Но надобно знать, что и въ жизни каждаго изъ насъ, какъ скоро умираетъ грѣхъ, царствующій въ мертвенномъ тѣлѣ нашемъ, бываетъ въ насъ слово Господне. Ибо, можетъ быть, всякій грѣхъ имѣетъ нѣко-

торое примѣненіе къ каждому изъ осуждаемыхъ въ Писаніи и вполнѣ достойныхъ порицанія царей, имена которыхъ неоднократно указываются въ цѣломъ Писаніи, какъ и теперь имя—„Ахазъ“, толкуется „одержаніе“, будучи символомъ лукаваго ученія, которое вводитъ въ предубѣжденіе и держитъ въ ономъ душу нашу; съ умертвіемъ его, душа наша, освободившаяся отъ одержащаго, дѣлается способною уразумѣвать глаголъ на иноплеменниковъ. Посему первый представляющійся смыслъ таковъ: „не радуйтеся вси иноплеменницы: сокрушися бо яремъ біющаго вы“. Не думайте, Филистимляне, что съ смертію Ахаза вы стали свободны отъ страха, въ какомъ держитъ васъ Израиль; поэтому не радуйтесь паденію царя, хотя и „сокрушися яремъ“, то есть порабощеніе, какое наложено на васъ попирающими и бичующими васъ по праву властительства; однако же „отъ сѣмени зміина изъидутъ исчадія аспидовъ“. Симъ Пророкъ означаетъ преемниковъ Ахазовыхъ. И если Ахазъ имѣлъ лютость змія, и потому радуетесь его смерти, то отъ сѣмени этого змія возстанутъ на васъ исчадія аспидовъ, и отъ нихъ опять изъидутъ исчадія. Симъ слово изображаетъ злонравіе послѣдующихъ, по преемству, царей. Аспиды, сказано, будутъ „парящіи“ и съ ядовитостію пресмыкающихся и съ быстротою пернатыхъ.

Потомъ, поелику порядокъ родословія ведетъ къ самому Господу; пророческое слово, прервавъ непрерывность рѣчи, переходитъ къ благому обѣтованію. Ибо говоритъ: „упасутся убогіи имъ“. Кто же сей пасущій убогихъ, какъ не „Пастырь“ овцамъ (Іоан. 10, 14)? Убогими же слово называетъ не имуществомъ недостаточныхъ; но смиренныхъ мыслію. Это нищіе, ублажаемые самимъ Господомъ; ибо говоритъ Онъ: „блажени нищіи духомъ (Матѳ. 5, 3). Они въ мирѣ почіютъ“.

„Потребитъ же гладомъ сѣмя твое“. Сѣмя иноплеменниковъ погибнетъ отъ голода, и останокъ ихъ будетъ истребленъ. Питаемые лукавыми рѣчами предаются голоду къ пользѣ душевной. Ибо скудость учителя, напутствующаго ихъ на злое, дѣлается поводомъ къ душевному здравію и спасенію.

Посему изъ ученія сего можно извлечь такой смыслъ. Не радуйся никто, сокрушая лежащій на немъ яремъ, и возложенный біющимъ его. Ибо иному, уже званному ко спасенію во Христѣ, не рѣдко бываетъ поводомъ къ сокрушенію ига Христова пораженіе и обличеніе словомъ, бичующее и наказующее за грѣхи совѣсть падшаго. Ибо иной, не терпящій трудности обличенія и выговора, дѣлаясь упорнымъ, подобно коню и мску, освобождая себя отъ служенія Богу, порабощаясь же грѣху, недостоинъ веселія въ Богѣ. Потому гораздо лучше было ему перенести вразумительное слово, нежели съ негодованіемъ сокрушать яремъ біющаго его. А не сокрушившіе ярма, но выдержавшіе вразумительное посѣщеніе,

и за смиреніе сердца называемые нищими, „упасутся имъ“. Ибо конецъ добраго вразумленія есть та обѣтованная пажить, о которой говоритъ Спаситель: „и внидетъ, и изъидетъ, и пажить обрящетъ“ (Іоан. 10, 9). Но и Пророкъ говоритъ: „на пажити тучнѣ упасу я“ (Іезек. 34, 14). Такимъ образомъ, „нищіи человѣцы въ мірѣ почіютъ“, если не пренебрегутъ вразумленіемъ Господнимъ и не разслабѣютъ духомъ при обличеніи Господемъ. „Сѣмя же“ иноплеменниковъ потреблено будетъ гладомъ, терпя недостатокъ въ пищѣ, въ наказаніе за сокрушеніе ярма.

(31) „Восплачитеся врата градовъ, и да возопіютъ грады смятенніи, иноплеменницы вси, зане отъ сѣвера дымъ идетъ, и нѣсть, иже пребудетъ. (32) И что отвѣщаютъ царіе языковъ? Яко Господь основа Сіона, и тѣмъ спасутся смиренніи людей.—Врата градовъ“, говоритъ Пророкъ, „восплачитеся“. Еще угроза иноплеменникамъ! „И да возопіютъ грады смятенніи“. Да наполнятся, говоритъ, воплемъ отъ смятенія, произведеннаго въ жителяхъ страхомъ. „Врата да восплачутъ“, по причинѣ приближающейся осады; и „грады“, то есть, обитающіе въ городахъ, „да возопіютъ“. Впрочемъ, и всѣ живущіе въ этой странѣ иноплеменники не останутся въ покоѣ; потому что дымъ отъ сѣвера коснется всѣхъ равно—и городскихъ и сельскихъ. Ибо „дымъ идетъ отъ сѣвера“. Пророкъ изображаетъ безсиліе иноплеменниковъ тѣмъ, что не выносятъ приближенія дыма, а тѣмъ паче не въ состояніи стерпѣть огня, возжигаемаго иноплеменниками. „Дымъ отъ сѣвера идетъ, и нѣсть, иже пребудетъ“; то есть, дымъ не имѣетъ собственной самостоятельности; естество дыма не есть что либо существенное и плотное, но это—ѣдкій паръ, возгоняемый изъ дымящагося вещества поднимающимся вверхъ огнемъ. Когда иноплеменники приводятся въ смятеніе дымомъ, который въ естествѣ своемъ не есть что либо самостоятельное; что скажутъ цари языческіе, видя страну Израильскую въ мирѣ? что, кромѣ сего: яко „Господь основа Сіона, и тѣмъ спасутся смиренніи людей?“ Самъ Онъ утвердилъ незыблемыя основанія Сіона; ибо Самъ Богъ—„художникъ и содѣтель“ горняго града (Евр. 11, 10). Спасутся же въ немъ не сильные по имуществу, не крѣпкіе по тѣлу, не опытные въ военномъ дѣлѣ, но „смиренніи людей“, говоритъ Пророкъ. Для того „немощная міра избра Богъ“ (1 Кор. 1, 27), чтобы въ нихъ доказать преизбытокъ Своей силы.

Но чтобы вовсе не оставаться намъ безъ созерцательнаго изслѣдованія, попытаемся, если можно, найдти какое либо руководство къ уразумѣнію сказаннаго въ толкованіи именъ. Находимъ, что имя „Филистей“ на Еллинскомъ языкѣ переводится: „падающіе отъ питія“. Смотри же, нельзя ли піяницъ и развратныхъ, которые „на чаши и сткляницы“ вдаютъ душу свою, „и послѣди“, по слову притчи, ходятъ „нажайшіи

бѣлилнаго древа“ (Притч. 23, 31), назвать, иносказательно, падающими отъ питія, то есть отъ неумѣреннаго питія. Падаютъ же они отъ питія потому, что не могутъ восходить въ высоту царствія Божія, какъ ясно говоритъ Павелъ: „піяницы царствія Божія не наслѣдятъ“ (1 Кор. 6, 10). Ибо много паденій, и различны причины, по которымъ падаемъ съ высоты, и не достигаемъ „почести вышняго званія“ (Фил. 3, 14): одною же изъ сихъ причинъ, и притомъ не маловажною, бываетъ пожеланіе и усердіе пить. Посему повелѣно восплакаться вратамъ сихъ упивающихся,—вратамъ, чрезъ которыя входитъ вино и влечетъ за собою рой золъ. Поэтому и путямъ, гдѣ совершается грѣхъ, слово повелѣваетъ обратиться къ рыданію; и кто устами содѣваетъ грѣхъ піянства, тому велитъ устами и стенать. А грады сихъ вратъ суть самыя чувствилища души, въ которыхъ имѣютъ свое пребываніе сборища лукавыхъ помысловъ, множество пожеланій, козлогласованія и піянства; они-то, приводимые въ смятеніе и тревогу представленіемъ, составившимся подъ вліяніемъ вина, не имѣютъ въ себѣ „мира, превосходящаго всякъ умъ“ (Фил. 4, 7), но пребываютъ въ непрестанномъ колебаніи и волненіи; поэтому они вопіютъ. Къ нимъ-то теперь приносится дымъ сѣверомъ, о которомъ сказалъ Соломонъ: „Сѣверъ жестокъ вѣтръ, именемъ же пріятенъ нарицается“ (Притч. 26, 16), то есть, приносится жестокимъ духомъ. Кто сталъ жестоковыенъ предъ Вседержителемъ и ожесточилъ сердце твое, тотъ приноситъ къ нимъ дымъ,—поводъ къ слезамъ, дымъ, который иные называютъ пріятнымъ. Кто же сіи иные, какъ не тѣ, у которыхъ судилище ума повреждено, которые обнаруживаютъ въ себѣ превратныя мнѣнія о вещахъ, „глаголютъ горькое сладкое, и сладкое горькое, полагаютъ свѣтъ тму, и тму свѣтъ“ (Иса. 5, 20? Они, обольщаемые преобразующимся въ ангела свѣтла, его зловѣщаго и проклятаго нарицаютъ пріятнымъ. А что сѣверомъ называется сопротивная сила, видно изъ словъ: „отъ лица сѣвера возгорятся злая“, сказанныхъ въ видѣніи „коноба поджигаемаго“ (Іер. 1, 13. 14). Но таковые лишены пребыванія. Поелику съ ними нѣтъ истинно сущаго, то сказано: „и нѣсть, иже пребудетъ“.

„И что отвѣщаютъ царіе языковъ? Яко Господь основа Сіона, и тѣмъ спасутся смиренніи людей“. Итакъ, поелику изъ иноплеменниковъ нѣтъ ни одного пребывающаго, но, по причинѣ злобы своей, стали они какъ бы не существующими; ибо сказано: „да исчезнутъ грѣшницы отъ земли, и беззаконницы, якоже не быти имъ“ (Пс. 103, 35), не въ томъ смыслѣ, что перейдутъ они въ ничтожество, но въ томъ, что будутъ удалены отъ посѣщенія Богомъ, Который единъ есть истинно сущій: что скажутъ цари ихъ, видя такое различіе между язычниками и Сіономъ? Не прійдутъ ли, конечно, въ сознаніе, что живущіе по-язычески, по причинѣ зло-

нравія своего, находятся въ волненіи, а имѣющіе умъ свой очищеннымъ именуются Сіономъ, потому что тамъ стражбище всякаго естества?

Какъ бы съ вершины горы, съ высоты ума созерцаются міръ и благоустройство міра, а чрезъ нихъ и самый Богъ; а также созерцаются дѣла житейскія, и ихъ малоцѣнность. Посему, какъ умъ, погруженный въ вино и прочія страсти, падаетъ отъ опьяненія; такъ умъ чистый имѣетъ своимъ основоположникомъ Бога. „И тѣмъ смиренніи людей спасутся“. Ибо „блажени нищіи“ (Матѳ. 5, 3); и „горе богатымъ, яко отостоятъ утѣшенія своего“ (Лук. 6, 24).

Глава 15.

„Слово на Моавитскую землю“. Собери все, что писано о Моавѣ, чтобы можно тебѣ было выразумѣть смыслъ всего этого пророчества на Моава: изъ книги Бытія—исторію Лота, который отъ старшей дочери родилъ Моава, отца Моавитянъ (Быт. 19, 37); изъ книги Числъ—происшествія послѣ мѣднаго змія; ибо „воздвигошася сынове Израилевы, и ополчишася въ Овоѳѣ. И воздвигшеся отъ Овоѳа, ополчишася въ пустыни, яже есть предъ лицемъ Моавитскимъ“ (Числ. 21, 10. 11).—И еще повѣствуемое о Валакѣ, который былъ сынъ Сепфоровъ, царь Моавскій. Желая съ помощію проклятія истребить Израиля, послалъ онъ въ Ѳавуру къ Валааму, сыну Веорову (Кисл. 22, 5), птицегадателю (Числ. 24, 1) [1]), совѣтнику блуда и идолослуженія (Втор. 31, 16), чрезъ котораго, какъ сказано, „осквернишася людіе со дщерьми Моавли. И призваша я въ требы кумиръ своихъ“ (Числ. 25, 1. 2). Изслѣдуй и повѣствуемое о Руѳи, которая отъ сѣмени Моавскаго присоединилась къ Израилю, и столько облагородилась, что отъ нея произошелъ не только Давидъ, но и Господь нашъ (Матѳ. 1, 5). И попытайся вездѣ отыскать слово на Моавитскую землю, въ которомъ прикровенно изображены частію угрозы, а частію обѣтованія. Все же сказано съ прикровеніемъ, чтобы покрывало, лежащее „во чтеніи ветхаго завѣта“, было снято съ насъ, если возскорбимъ, истинно обратившись ко Господу (2 Кор. 3, 14—16).

(1) „Нощію погибнетъ Моавитска земля, нощію бо погибнетъ стѣна Моавитская“. Мучительнѣе наказаніе, исполняемое ночью. Кто днемъ терпитъ что нибудь бѣдственное, тотъ въ самомъ свѣтѣ находитъ облегченіе постигающей горести. А ночь сама по себѣ есть нѣчто грустное; если же присоединитъ къ себѣ страданія и бѣдствія, то производитъ великое приращеніе скорбей. Итакъ представь себѣ ночное нападеніе непріятелей, неожиданное вторженіе, порабощеніе женъ и дѣтей, расхищеніе имущества, умерщвленіе доставшихся въ руки врагамъ, разру-

[1]) „Иде по обычаю своему въ срѣтеніе волхвованіемъ“ (Εἰς συνάντησιν τῆς οἰωνοῦς).

шеніе стѣны, запаленіе города. „Нощію погибнетъ стѣна Моавитская“. а лишившись огражденія стѣнъ по необходимости погибнутъ и обѣщавшіе себѣ найдти въ нихъ безопасность.

Посему (2) „плачитеся о себѣ“, говоритъ Пророкъ; „погибнетъ бо и Деивонъ, идѣже требище ваше: тамо взыдете плакатися. — Плачитеся о себѣ“ Блаженъ, кто имѣетъ у себя чистую душу; у него нѣтъ собственнаго предлога къ скорби. Но поелику любовь „не ищетъ своихъ си“ (1 Кор. 13, 5); блаженъ, кто, видя страждущій членъ, и самъ состраждетъ, вмѣстѣ скорбитъ и „плачетъ съ плачущими“, по слову Апостола (Рим. 12, 15), который оплакиваетъ многихъ прежде согрѣшившихъ и не покаявшихся. Апостолъ говоритъ еще: „яко скорбь ми есть велія, и не престающая болѣзнь сердцу моему по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти“ (Рим. 9, 2. 3). А если кто не таковъ, но погрязъ въ собственныхъ своихъ грѣхахъ; то да плачется онъ о себѣ самомъ, какъ побѣжденный врагомъ, съ которымъ брань. Его скорбь веселитъ того, кто поучительными словами приводитъ его въ сознаніе. Ибо какъ жгучія и мучительныя врачевства очищаютъ язвы, и зловоніе отъ гноя, и разболѣвшіяся раны, и дѣлаютъ тѣло болѣе способнымъ къ мѣстному заживленію: такъ, думаю, подобный смыслъ имѣютъ слова: „плачитеся о себѣ“, сказанныя людямъ, которые высоко думаютъ о какой нибудь мудрости. А таковы начальники ересей, погибающіе въ ночи, потому что „всякъ дѣлаяй злая ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту“ (Іоан. 3, 20). И поелику пребывающіе въ нощи погибаютъ ночью, то ночью же падаетъ и стѣна ихъ, то есть бойницы лжемудрія, скрываясь за которыми думали они найдти себѣ въ нихъ достаточную безопасность. Ибо діалектика, какъ стѣна, защищаетъ еретическія ученія лжеименнаго вѣдѣнія. А когда стѣна упала, необходимо должно рыдать симъ плѣпникамъ. И такъ да „плачутся о себѣ самихъ“, потому что погибли.

Но достоинъ погибели и Деивонъ, гдѣ построенъ храмъ вашъ. Разумѣемъ же Деивонъ, соображаясь съ толкованіемъ сего слова. А Деивонъ толкуется: „теченіе ихъ“. Посему, какъ слово истины твердо и постоянно, утверждено на прочномъ основаніи и неподвижно; и укоренившійся въ вѣрѣ уподобляется въ притчѣ человѣку, полагающему основаніе „на камени“ (Матѳ. 7, 24), и о маннѣ говорится, что она была „аки ледъ земли“ (Исх. 16, 14), при чемъ слово Божіе оледенѣніемъ выражаетъ твердость и силу: такъ противныя ученія и въ пользу ихъ говорящія правдоподобія—текучи, не тверды и не могутъ установиться, и „отецъ лжи во истинѣ не стоитъ“ (Іоан. 8, 44). Посему непостоянство лжи наименовано теченіемъ. Да плачутся же созидающіе что либо подобное, имѣющіе у себя ученіе о Богѣ непостоянное и не утвержденное. Ибо это есть тотъ жертвенникъ, который осужденъ къ погибели Деивона,

гдѣ построено требище. Посему „взыдете“, плача, не жертву приносить, но раскаяться въ томъ, о чемъ нѣкогда ко вреду своему вы молились; потому что молитва обратилась вамъ въ грѣхъ. Ибо, кто служитъ твари вмѣсто Творца, кто не поклоняется Сыну, и Отцу чрезъ Сына, но слагаетъ свои ученія, и на чуждыхъ жертвенникахъ приноситъ свою жертву хвалы, тотъ да плачется „печалію по Бозѣ“, доставляющею ему спасеніе „нераскаянно“ (2 Кор. 7, 10)! Сіе сказано не о тѣхъ только, которые заняли мнѣніе о Богѣ изъ еретическихъ ученій, но и о всѣхъ, которые одобряютъ что либо скоротечное, и въ этомъ полагаютъ надежду, не повинуясь тому, который говоритъ: „богатство аще течетъ, не прилагайте сердца“ (Псал. 61, 11), но домогаясь славы плотской, тогда какъ плоть есть „сѣно, и слава человѣка яко цвѣтъ травный“ (Исаіи 40, 6). Такова же красота плоти и крови, о которой высоко думаетъ злоумная жена, уподобляемая въ притчѣ „усерязи въ ноздрѣхъ свиніи“ (Притч. 11, 22). И вообще, всѣмъ заблудшимъ прилично наименованіе Деивона, такъ что о погрѣшающихъ въ жизни или въ словѣ безошибочно можно сказать, что они имѣютъ требище въ Деивонѣ. Посему, плача, да взыдутъ думавшіе о немъ нѣкогда высоко.

„Надъ Нававомъ Моавитскимъ плачитеся, на всякой главѣ плѣшь, вся мышцы обсѣчены. (3) На стогнахъ его препояшитеся во вретища, и восплачитеся на храминахъ его, и на стогнахъ его, вси возрыдайте съ плачемъ. (4) Яко возони Есевонъ и Елеала, даже до Іассы услышася гласъ ея: сего ради чресла Моавитиды вопіютъ, душа ея увѣсть. (5) Сердце Моавитиды вопіетъ въ ней даже до Сигора: юница бо есть трилѣтна въ восшествіи Луиѳа. Къ тебѣ плачущеся взыдутъ путемъ Ароніимлимъ: вопіетъ сотреніе и трусъ. (6) Вода Невримля пуста будетъ: травы бо зелены не будетъ. (7) Еда и сице спасется? Наведу бо на дебрь Аравлянъ, и возмутъ ю. (8) Прейде бо вопль предѣлъ земли Моавитскія до Голлима и плачъ ея. (9) Вода бо Деивоня наполнится крове: наведу бо на Деивона Аравляны: и возму сѣмя Моавле, и Аріилево, и останокъ Адаминь. (16, 1) Послю аки гады на землю“.

Пророкъ увѣщаваетъ къ „печали по Бозѣ“ тѣхъ, которые введены въ заблужденіе вымыслами ума человѣческаго, и не предали себя вспомоществованію Духа, увѣщаваетъ плакаться надъ землею вредоносныхъ учителей. Ибо ихъ, какъ думаю, разумѣетъ слово подъ именемъ „Нававъ“, потому что Нававъ толкуется: сѣденіе. Есть люди, которые засѣдаютъ съ своими коварными лжеумствованіями, и злыми своими бесѣдами иногда „тлятъ обычаи благи“ (1 Кор. 15, 33). Посему научившіеся лукавымъ ихъ догматамъ должны покаяться, и плакаться объ ученіи, о которомъ они высоко думали. Ибо сіе значатъ слова: „на всякой главѣ плѣшь“; отриньте учителей, обнажите себя отъ ихъ украшенія, и бла-

гими уставами жизни уничижите ихъ основанія уроковъ дѣятельности и какъ бы обсѣките здравымъ словомъ, что-бы „вся мышцы“ были „обсѣчены“, то есть дѣятельныя правила были обличены здравымъ словомъ чрезъ разложеніе и постепенное изслѣдованіе негодныхъ уроковъ. Поелику же лукавые вели ихъ широкимъ путемъ; то Пророкъ симъ, избравшимъ извѣданную жизнь, повелѣваетъ плакать на стогнахъ, раскаиваясь въ наслажденіи, влекущемъ къ удовольствію, и какъ восплакаться о пути широкомъ, такъ взыскать пути узкаго и тѣснаго, чтобы, истинно покаявшись, опоясаться имъ вретищемъ и воспріять на себя плачевный видъ, сдѣлать, чтобы чресла тѣмъ, что видимо, какъ бы вопіяли, оставляя слѣды своего покаянія на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они блуждали. И имъ повелѣно на всякой храминѣ и на всѣхъ мѣстахъ возрыдать съ плачемъ. Ибо возвышенное и пустое въ наукахъ Пророкъ наименовалъ храминами, а разложенія понятій какъ бы стогнами Моавитскими.

Итакъ былъ ли кто на высотахъ людей, взимающихся на „разумъ Божій“, или занимался какимъ нибудь діалектическимъ разложеніемъ словъ и задачъ, повидимому, въ ясность приводящихъ каждый предметъ, да возрыдаетъ въ покаяніи во исполненіе написаннаго; потому что пророческое слово повелѣваетъ вопіять на дорогахъ, на храминахъ, и на всѣхъ стогнахъ. А сіе должно быть потому, что „возопи Есевонъ“: ибо Есевонъ толкуется „помыслъ“, а Елеала—„Божіе восхожденіе“; Іасса же—„бывшая заповѣдь“. Итакъ, возопи Есевонъ, то есть, явно свидѣтельствуетъ, что уроки Моавитянъ суть человѣческіе помыслы, а не откровенія Божественныхъ таинъ. „И Елеала“, и она самымъ дѣломъ „возопи“, что посвящающіе себя тѣмъ наукамъ презрительно ведутъ себя и возстаютъ противъ Бога. Ибо сіе значитъ восхожденіе Божіе—возношеніе на высоту гордыни. „И Іасса“. Хотя кажется бывшею заповѣдію, но въ дѣйствительности не заповѣдь, а какая-то личина рачительности о жизни, служащая къ правдоподобію лукавыхъ уроковъ, преподанныхъ лукавымъ мудрованіемъ, и къ склоненію на оные. Посему выше сказано: „всѣ мышцы обсѣчены“, чтобы, если какой лукавый учитель ложными мнѣніями обольщаетъ души послѣдователей, но, по видимому, старается о жизни исправной, раскаявшіеся въ томъ, что предались такому учителю, обсѣкли себѣ мышцы, то есть, дѣятельный образъ жизни. И да обстригутъ его, какъ волосы, и да отдѣлятъ отъ своего тѣла; потому что предстоятели тѣла Церкви служатъ вмѣсто главы. Посему и нынѣ „возопи“ Іасса, что выказываемая исправность въ образѣ жизни есть примапка къ убѣжденію какъ бы въ истинѣ. А это и служитъ причиною возрыдать съ плачемъ, „яко возопи Есевонъ и Елеала, даже до Іассы“.

„Сего ради чресла Моавитиды вопіютъ“. Чресла нерѣдко берутся въ

значеніи силы дѣторожденія. „Еще бы во чреслѣхъ отца своего бяше“ (именно: Левій сынъ Авраамовъ), „егда срѣте его Мелхиседекъ“ (Евр. 7, 10). И: „да будутъ чресла ваша препоясана“ (Лук. 12, 35). Разумѣемъ, что симъ внушается усмирять вожделѣнія, содѣйствующія къ чадородію. Итакъ плачъ, предстоящій Моавитидѣ, содѣлавшійся причиною цѣломудренной жизни, вопіетъ на вопль Есевона, Елеалы и Іассы.

„Душа ея“, сказано, „увѣсть“. Слово показываетъ уже успѣхъ совершившихъ сказанное выше о покаяніи. „И сердце Моавитиды вопіетъ въ ней даже до Сигора“. А это тотъ Сигоръ, до котораго могъ дойти Лотъ, вышедшій изъ Содома. Ибо Ангелы хотѣли, чтобы онъ взошелъ на гору, и говорили ему: „спасай твою душу: не озирайся вспять, ниже постой во всемъ предѣлѣ: въ горѣ спасайся, да не когда купно ятъ будеши. Рече же: молюся, Господи, да не когда постигнутъ мя злая, и умру. Се градъ сей близъ, еже убѣжати ми тамо: не малъ ли есть? и жива будетъ душа моя“ (Быт. 19, 17—20). Посему наречено имя городу Сигоръ, то есть, малый. Итакъ „вопіетъ сердце Моавитиды даже до Сигора“, который стоитъ уже на предѣлахъ Палестинскихъ. Посему слово, показывая крѣпкое и усильное покаяніе, или тяжкій плачъ, вынужденный наказаніемъ за злыя дѣла, обозначаетъ намъ разстояніе, на которомъ дѣлается слышнымъ вопль Моавитской страны. Покаяніе же требуетъ, чтобы человѣкъ сперва возопилъ въ себѣ, и сокрушилъ сердце свое, потомъ сталъ добрымъ примѣромъ для другихъ, а для сего содѣлалъ себя слышимымъ, и объявилъ образъ покаянія.

„Юница бо есть трилѣтна“, то есть, совершенно возрастная. Ибо трехлѣтняя юница имѣетъ уже силу раждать и влагать выю въ ярмо. Посему, желая показать, что способнымъ къ обращенію свойственно—какъ быть въ совершенномъ человѣческомъ возрастѣ, такъ имѣть и разумъ, способный подклоняться подъ ярмо истины, Пророкъ наименовалъ сіе юницею трилѣтнею. Ибо не достигшій еще по возрасту человѣческаго совершенства не имѣетъ и полнаго разума, но несовершенъ по малолѣтству, и отъ него не требуется дѣлъ покаянія. Посему и въ книгѣ Бытія, когда Авраамъ просилъ знаменія у Бога, и говорилъ: „Владыко Господи, по чесому уразумѣю, яко наслѣдити имамъ землю?“—Богъ сказалъ: „возьми Мнѣ юницу трилѣтну и овна трилѣтна“ (Быт. 15, 8. 9), въ трехлѣтнихъ избирая животныхъ совершенныхъ и способныхъ къ рожденію. О горлицѣ же и о голубѣ не обозначилъ времени, потому что сіи животныя вскорѣ начинаютъ раждать.

„Въ восшествіи же Луиѳа плачущеся взыдутъ“. Хорошо плакать есть начало веселія, а „печаль по Бозѣ“ есть начало восхожденія и преуспѣянія въ горнемъ. Посему и Апостолъ веселится о скорбящихъ, видя, что слова его приводятъ въ сознаніе и содѣлываютъ въ нихъ „пе-

чаль по Бозѣ, покаяніе во спасеніе нераскаянно“ (2 Кор. 7, 9. 10). Ибо плачущіе о злыхъ дѣлахъ и о злыхъ своихъ помышленіяхъ не снизойдутъ и не внидутъ въ преисподняя земли, но будутъ восходить, какъ бы руководствомъ къ возвышенію въ горняя употребляя „печаль по Бозѣ“.

Но „вопіетъ сотреніе и трусъ“. Ибо слово, обличивъ и поразивъ, сокрушаетъ лукавое мудрованіе, и производитъ какое-то обуреваніе въ помыслахъ, ко вреду укоренившихся, чтобы ихъ искоренить, а на мѣсто ихъ ввести понятія здравыя. Посему „сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ“ (Псал. 50, 19). А пока твердъ и еще не колеблется навыкъ грѣшить, грѣшники не будутъ ни плакать, ни восходить въ горнее. Когда же сокрушено худое расположеніе, и душа потерпѣла какъ бы нѣкоторое потрясеніе и смятеніе, по причинѣ лукавыхъ ученій; тогда слышнымъ дѣлается вопль, къ пользѣ слышащихъ.

„Вода Невримля пуста будетъ“. Вода погрѣшительнаго мнѣнія, прежде безъ оскудѣнія и обильно текшая ко вреду пріемлющихъ, исчезнетъ, говоритъ Пророкъ, и „пуста будетъ“. Если бы можно было знать силу имени, то открылось бы нѣкоторое удобство подойдти ближе къ разумѣнію пророческой мысли, и сообразить съ дѣйствительностію означаемое именами. По крайней мѣрѣ сія вода противоположна „водѣ покойнѣ“, на которой Господь воспитываетъ пасомыхъ Имъ (Псал. 22, 1. 2), и водѣ, которую даетъ Господь вѣрующимъ въ Него, и отъ нея же удостоившійся „пить“ имѣетъ въ себѣ „источникъ воды текущія въ животъ вѣчный“ (Іоан. 4, 14). А эта вода такъ негодна и презрѣнна, что ничего не питаетъ, кромѣ травы, которой также не будетъ, то есть души, ознакомившіяся съ привременною и скоро увядающею славою міра сего, скоро отцвѣтутъ, когда приведено будетъ въ опустѣніе какъ бы напоявшее ихъ слово.

„Еда и сице спасется?“ Слово показываетъ, что имѣющая надежду спастись Моавитская земля спасется какими-то путями и попеченіями, и приведена будетъ ко спасенію чрезъ трудное обученіе. Ибо слова: „погибнетъ Моавитска земля“, и: „нощію погибнетъ“, и что еще о ней сказано,—все ясно наклонено къ тому, что дѣлается сіе для ея спасенія.

„Наведу бо на дебрь Аравлянъ“. Какъ первые спасутся плачемъ, такъ и имѣющіе нераскаянное сердце снасутся пораженіемъ, которое нанесутъ Аравитяне. Аравитянами называются или народы западные, или, можетъ быть, Аравитянами наименованы силы, уподобившіяся тмѣ, чрезъ которыхъ имѣющимъ нераскаянное сердце насылаются вразумительныя кары.

„Прейде бо вопль предѣлъ земли Моавитскія до Галлима, и плачъ ея“. Предѣлъ Моавитской земли названъ Галлимомъ. Впрочемъ Галлимъ

толкуется: украшенное завитками [1]), и заимствуетъ имя свое отъ животнаго правительственнаго и начальственнаго. Поелику одно и тоже можетъ быть и концемъ и началомъ страны; то предѣлъ Моавитской земли получилъ теперь наименованіе отъ начала. И плачъ ея наполнилъ собою все.

Пророкъ опять называетъ ученіе водою, и говоритъ, что она наполнена кровью, потому что худые наставники бываютъ виновниками смерти для учениковъ. Посему о вредномъ и губящемъ души ученіи прилично можешь иногда употребить пророческое изреченіе, въ которомъ сказано: „вода бо Деивоня наполнится крове: наведу бо на Деивона Аравляны, и возму сѣмя Моавле“, которое не обратилось къ лучшему, но осталось въ числѣ не входящихъ въ Церковь Господню. „Сѣмя Моавле“: ибо „не внидутъ Моавитяне въ храмъ Господень, даже до десятаго рода, даже до вѣка“ (Второз. 23, 3). Слово угрожаетъ истребить то, что называетъ сѣменемъ Аріилевымъ; Аріилъ же у Евреевъ толкуется: „левъ“. Объ убійцахъ Господь говоритъ, что они рождены отъ діавола, когда бесѣдуетъ съ Іудеями, видя ихъ убійственное намѣреніе противъ Него Самого: „вы отца вашего діавола есте, и дѣла отца вашего творите: онъ человѣкоубійца бѣ искони“ (Іоан. 8, 41. 44). Посему сѣмя Моавле—отступники отъ Церкви; а сѣмя Аріилево—жаждущіе братоубійства и вреднымъ ученіемъ причиняющіе смерть душамъ братій.

Послѣ сего Пророкъ говоритъ: „останокъ Адаминъ“, что означаетъ дѣвственную землю, изъ которой сотворено было тѣло Адамово.

„Послю, аки гады на землю“, то есть, останокъ людей мыслящихъ земное; потому что отъ ихъ злобы родились пресмыкающіеся и ядовитые гады.—Пресмыкающіеся, потому что утратили высоту, на которой были поставлены по первому своему устроенію; и ядовитые, потому что растлѣваютъ встрѣчающихся съ ними. Пророческое слово говоритъ, что посылаетъ. Посему, если кто остается на землѣ послѣ первыхъ Моавитянъ, о которыхъ сказано лучше, и уподобляется змію, о которомъ сказано: „землю снѣси вся дни твоя“ (Быт. 3, 14): то онъ посылается, „аки гады“. Землю же снѣсть „сѣяй въ плоть“ и „отъ плоти пожинаяй истлѣніе“ (Гал. 6, 8).

---

[1]) Κεκριωμένον, украшеніе на κριωμα. Въ Архитектурѣ употребительно слово верхней части колонны, и оно употреблено Аквилою при переводѣ, у Іезекіиля въ глав. 40, ст. 15, словъ, которыя въ Слав. пер. читаются: непокровенное Елама. Слово κριωμα происходитъ отъ κριος (баранъ).

Глава 16.

„Еда камень пустъ есть гора дщере Сіони? (1) Будеши бо аки птицы парящія птенецъ отъятый, будеши дщи Моавля, потомъ же Арнонъ множайше совѣщавай (2). Сотворите покровъ плача ея присно: въ полуденнѣй тьмѣ побѣгутъ, ужаснушася: да не отведешися (3). Обитати будутъ въ тебѣ бѣглецы Моавли: будутъ въ покровеніе вамъ отъ лица гонящаго, яко отъяся помощь твоя, и князь погибе попираяй отъ земли (4). И исправится съ милостію престолъ, и сядетъ на немъ со истиною въ Скиніи Давидъ [1]), судя и взыская судъ, и ускоряя правду“ (5).

Еще слово къ дщери Моавитской. „Еда камень пустъ есть гора дщере Сіони?“ Пророкъ обличаетъ ея презрѣніе, съ какимъ отзывалась она о дщери Сіонской, думая, что гора Сіонъ есть пустой камень, потому что незамѣчательна по величинѣ, не можетъ украшаться дарами земледѣлія, не доставляетъ пропитанія живущимъ на ней и воздѣлывающимъ ее. Ты, которая такъ думаешь о горѣ Сіонѣ и уничижила ее, ты, которая надмалась въ своемъ киченіи, превозносила сама себя въ высокомѣріи и гордости, ты будешь подобна птенцу, который оставленъ согрѣвающею его птицею, когда она испуганная улетѣла изъ гнѣзда и плаетаемаго ею оставила одного. Птица спасается бѣгствомъ, а птенца легко возметъ всякой, кто захочетъ. Ибо орелъ, или другая изъ большихъ птицъ, привыкшихъ весьма высоко подниматься надъ землею, не потерпитъ вреда отъ злоумышляющихъ; но ты „будеши аки птенецъ“, которому нужна чужая помощь для пропитанія, который недавно вылупился изъ яйца, у котораго тѣло не покрыто еще густыми перьями, но имѣетъ нужду въ заимственномъ покровѣ, чтобы согрѣваться ночью и не терпѣть отъ жара днемъ. Потому, когда мать обратится въ бѣгство, ты будешь взята изъ гнѣзда, не имѣя силъ защитить себя, и будучи не въ состояніи бѣжать. Но одинъ и тотъ же и возметъ тебя изъ гнѣзда, и прогонитъ прикрывающую тебя матерь. Изъ сего видно, что души, воспитанныя лукавымъ и непостояннымъ духомъ, когда встрѣтятъ кого нибудь мужественно преслѣдующаго ихъ добрыми дѣлами и призвані мъ имени Христова, подвергшись доброму сиротству, бываютъ удобоуловимы для воспитаніи ихъ во Христѣ, которое ведетъ къ совершенству. „Будеши дщи Моавля“, то есть, оставшееся по обличеній твоей немощи. Чѣмъ же ты „будеши дщи Моавля?“ Чѣмъ была ты прежде, то и обнаружится. Ты забыла свое худородіе, забыла, что родилась отъ отца, который произошелъ отъ брака, устроеннаго татски, потому что матерь твоя употребила ночь и вино для похищенія отеческаго сѣмени (Быт. 19, 33. 37)

[1]) Въ Славян. пер. „въ скиніи Давидовѣ“. Но такое чтеніе не согласно съ толкованіемъ Св. Василія Великаго.

„Потомъ же Арнонъ множайше совѣщавай“. Поелику прежнія совѣщанія не принесли тебѣ пользы, Арнонъ, напрасно ты много любомудрствовалъ объ ученіяхъ, составленныхъ по всѣмъ правиламъ любомудрія, то составляй, если угодно, новыя совѣщанія. Кажется, что Пророкъ съ нѣкоторымъ осмѣяніемъ и иронически вызываетъ Арнонъ на безразсудныя совѣщанія, чтобы, пресытившись суетными своими замыслами и познавъ безполезность ихъ, приступилъ онъ, наконецъ, къ здравому ученію. Арнонъ же есть укрѣпленный городъ Моавитскій, и пророческое слово имъ однимъ обозначаетъ намъ все это мѣсто въ Аравіи. А имя Арнона предпочтено по значенію, какое ему дается; ибо Арнонъ толкуется „просвѣщеніе ихъ“. Итакъ, поелику люди, отъ высокаго мнѣнія о своей мудрости сильно страждущіе превознюшеніемъ, всего болѣе думаютъ, что умъ ихъ пребываетъ во свѣтѣ, когда въ дѣйствительности они „омрачены смысломъ“ и „отчуждени отъ Бога“ (Еф. 4, 18); то Пророкъ обращаетъ слово къ представляющимъ себя находящимися во свѣтѣ вѣдѣнія.

Потомъ совѣтуетъ; „сотворите покровъ плача ея присно“. Надавъ и Авіудъ, принесшіе на жертвенникъ „огнь чуждъ“, были попалены (Лев 10, 1). И не принявшіе Свѣта истиннаго, но пріемлющіе того, кто преобразуется въ ангела свѣта, когда уразумѣютъ, что они мечтали только о вѣдѣніи, и заблуждали вдали отъ истины, необходимо будутъ сами себя оплакивать. Посему слово обратилось съ совѣтомъ къ имѣющимъ о нихъ попеченіе, и говоритъ: „сотворите покровъ плача ея присно“. Ибо кто производитъ въ другихъ скорбь о проступкахъ, допущенныхъ въ жизни, или въ познаніи, такъ что иные начинаютъ блаженно плакать, тотъ творитъ „покровѣ плача“. Я видалъ, что иные, въ полной мѣрѣ предавшись скорби, заключали себя въ малую хижину, заграждали туда всякой входъ свѣту, и какъ бы сами себя наказывали симъ пребывніемъ во тмѣ. Посему, чтобы обычное имъ высокое мнѣніе о своей мудрости, которое обольщаетъ ихъ смыслъ, которое въ дѣйствительности есть тьма, но представляется свѣтомъ, не тревожило ихъ чувствъ, Пророкъ говоритъ: „сотворите покровъ плача ихъ“; то есть, преградивъ входъ обольщенію иномысленныхъ, дайте мѣсто истинному Свѣту озарить сердца увѣровавшихъ въ Него.

Итакъ до пришествія дня Господня, въ который восплачутся всѣ племена земныя, по сказанному у Захаріи: „возвеличится плачевопльствіе въ Іерусалимѣ, яко плачевопльствіе“ гранатоваго сада [1]): и восплачется земля по племенамъ; колѣно дому Давидова о себѣ, и жены

[1]) Ροωνος. какъ читается и у Седмидесяти. Но въ Славян. переводѣ сіе нарицательное имя, по Еврейскому подлиннику, обращено въ собственное: „Ададримона“. Сличи 4 Цар. 23, 29, 30.

ихъ о себѣ; колѣно дому Нафанова о себѣ, и жены вся прочая колѣна, колѣно о себѣ, и жены ихъ о себѣ“ (Зах. 12, 11—14): вы, учащіе народъ и истребляющіе согрѣшившихъ во все продолженіе жизни, „сотворите покровъ плача ея“, чтобы бѣдствовавшихъ прежде подъ грѣхомъ ваше слово привело къ блаженному плачу.

„Въ полуденнѣй тьмѣ побѣгутъ“. Въ полуденнсе время дня, повидимому, свѣтъ бываетъ чище и яснѣе. Итакъ, поелику разумно вникающими въ законы истина можетъ быть уразумѣваема изъ творенія міра, то живущіе въ мірѣ, если они, отвсюду будучи озаряемы премудростію Божіею, недугуютъ невѣденіемъ Бога, пребываютъ „въ полуденной тьмѣ“; потому что, хотя всѣ окружающіе предметы показываютъ полдень, однако же въ душахъ у невѣдущихъ пребываетъ тьма. Таковые-то въ „полуденнѣй тьмѣ побѣгутъ, ужаснушася“: потому что мнѣнія такихъ людей ничѣмъ не различаются отъ представленія, какое составляютъ себѣ повредившіеся въ умѣ. И „полуденная тьма“, по толкованію, тоже, что умоизступленіе, когда отъ какой нибудь болѣзни потерявшіе разсудокъ думаютъ, что солнце не свѣтитъ, и свѣта нѣтъ въ воздухѣ. Подлинно, это—умоизступленіе и явное сумасбродство, когда твари такъ ясно проповѣдуютъ могущество Сотворившаго насъ, обращаться къ идоламъ и изваяніямъ, боготворить несуществующее, не рѣдко еретическими ученіями увлекаться вдаль отъ истины, и, какъ бы выступивъ изъ области свѣта, бродить во тьмѣ.

„Да не отведешися“. Слово убѣждаетъ насъ не увлекаться правдоподобіемъ иномысленныхъ; ибо явное сумасбродство—послѣдовать умоизступленнымъ. О нихъ извѣстно, что „ужаснушася“. Они не на пути, ведущемъ къ Богу; не бери ихъ себѣ въ путеводители, иначе приведутъ тебя къ стремнинѣ и пропасти. „Слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ“ (Матѳ. 15, 14)

„Обитати будутъ въ тебѣ бѣглецы Моавли“. Послѣ сего отъ лица благаго и человѣколюбиваго Бога говорится дщери Сіоновой о возвращающихся и намѣревающихся обитать у нея Моавитянахъ, которые, издавна оставивъ Бога, обратно приходятъ къ своему Владыкѣ. „Обитати будутъ въ тебѣ бѣглецы Моавли“, и они укроются у васъ, говоритъ Пророкъ, ни мало не пострадавъ отъ лица гонящаго. Ибо прежніе споборники сдѣлаются преслѣдователями, объявивъ войну за обращеніе къ истинному Богу.

Итакъ, поелику они стали, „аки птицы парящія птенецъ отъятый“, а отъятъ онъ изъ-подъ лукаваго покровительства и освобожденъ отъ злаго князя, который погибъ, по гордости и самовластію поправъ всѣхъ, то отъятому у него пророчество придаетъ будущія блага. Ибо говоритъ, что „исправится престолъ“ и царство Давидово. Поелику всѣ

будуть имѣть Церковь Христа, по сказанному, что „подобаетъ Ему царствовати, дондеже положитъ враги подъ ногами Своима“ (1 Кор. 15, 25); то Пророкъ сказалъ, что „престолъ исправится“, чрезъ исправленіе подвластныхъ царству; таковое же исправленіе дѣлается не по достоинству тѣхъ, которые взойдутъ въ сіе царство, но по милости и благости Божіей. Посему сказано: „сядетъ Давидъ“, то есть, не имѣющій недостатка въ рукѣ и силѣ, Христосъ, „со истиною. И воцарится въ скиніи, судя“, доколѣ не сотворитъ суда надъ всѣми. Сѣденіе же Его „со истиною“ показываетъ истребленіе лжи. А царствовать будетъ, пока сотворитъ судъ. Пророкъ изображаетъ Его ко всѣмъ правосудіе, съ какимъ произноситъ о каждомъ приговоръ, не какъ случилось, но „взыская“ что прилично и сообразно, чтобы судъ надъ каждымъ имѣлъ благій конецъ: съ поспѣшностію ускоряя и понуждая правду, выполняя ее не съ опущеніями и медленно, но со всякимъ тщаніемъ.

(6) „Слышахомъ укоризну Моавлю: укоритель зѣло; гордыню его отъяхъ“, укоризна его и гнѣвъ: „не тако волхованіе твое, не тако. (7) Восплачется Моавъ, въ Моавитидѣ бо вси восплачутся: живущимъ въ Седекѣ помышленіе, и не усрамишися. (8) Поля Есевоня возрыдаютъ“.

Сіе должно читать начиная вновь, какъ не имѣющее связи съ предъидущимъ. Писаніе же не рѣдко, между тѣмъ какъ ободряетъ слушателя обѣщаніемъ благъ и даетъ видѣть благость Божію и сообразный съ нею конецъ, для обращенія нашего возвращается къ угрозамъ и къ слову о наказаніяхъ. Ибо большая часть изъ насъ имѣемъ нужду въ послѣднихъ, да не вознерадѣвъ „о богатствѣ благости и долготерпѣнія, по жестокости своей и непокаянному сердцу, соберемъ себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія“ (Рим. 2, 4. 5). Подобное нѣчто находимъ и у Псалмопѣвца: „благъ Господь всяческимъ“. И многое сказавъ о благости, что утверждаетъ ниспадающія, что даетъ „пищу во благовременіи“, не ограничился онъ симъ, но присовокупляетъ: „хранитъ Господь вся любящія Его, и вся грѣшники потребитъ“ (Пс. 144, 9. 14. 15. 20). И здѣсь, поелику сказанное выше выразило великую благость къ обратившимся, съ началомъ новой рѣчи опять изображается скорбное.

„Слышахомъ укоризну Моавлю“. Сіе сказано противъ князя міра сего, который первый измыслилъ отступничество, возгордился предъ Творцемъ, нанесъ обиду людямъ, и попралъ ихъ своимъ преворствомъ и гордостію. Ибо онъ ругается надъ принадлежащими къ Церкви, какъ надъ невольниками и ни чѣмъ не различествующими отъ невольниковъ по невѣдѣнію. Онъ внушаетъ каждому укоризны; онъ возбуждаетъ начальниковъ иныхъ ересей „неправду въ высоту глаголати“ (Пс. 72, 8); а если когда соглашаются на изслѣдованіе, учитъ ихъ не основанія доискиваться, но оскорблять того, кто въ состояніи обличить нелѣпость

его ученій. Посему, врачуя его, Господь говоритъ: „гордыню его отъяхъ“. Ибо отъятіе лукавой страсти киченія есть какъ бы отъятіе болѣзни; но и укоризна его, сказанс, и гнѣвъ его. Сіи недуги составляютъ собственность Моава.—Моавъ—обладатель худыхъ стяжаній: укоризны, вымышляемой къ безчестію ближняго, и гнѣва, то есть постояннаго и продолжительнаго раздраженія.

Потомъ Пророкъ присовокупляетъ: „не тако волхованіе твое, не тако“. Укоряетъ Моава за древній замыслъ, потому что волхованіе Валаамово ничего не могло сдѣлать Израилю; такъ какъ Господь Богъ обратилъ уста его отъ клятвы къ благословенію. „Не тако“, говоритъ Пророкъ, „волхованіе твое, не тако“. Ибо Валакъ, сынъ Сепфоровъ, царь Моавскій, послалъ Валаама волхва, у котораго волхвованія были въ рукахъ, и сказалъ: „прокляни ми людей сихъ“. Но не такъ вышло волхвованіе, потому что самъ Валаамъ отвѣчалъ: „что проклену, егоже не кленетъ Господь? или что зло реку, егоже не злословитъ Богъ“ (Числ. 23, 7. 8)?

Потомъ Пророкъ предрекаетъ плачъ странѣ Моавитской, „восплачется“, говоритъ, „Моавъ, въ Моавитидѣ бо вси восплачутся“. Поелику плачъ есть болѣзненный голосъ, издаваемый женщинами, которыя всего чаще предаются самому тяжкому сѣтованію; то словами: „восплачется Моавъ“, Пророкъ показываетъ и чувствительность удара и безсиліе страждущихъ.

„Живущимъ въ Седекѣ [1]) помышленіе“. Сіе неясное изреченіе уясняютъ другіе. Ибо Симмахъ говоритъ: „веселящимся на стѣнѣ черепичной скажите“. Иные высоко думаютъ о діалектикѣ, и ея пособіями, какъ неприступною стѣною, ограждаютъ свои мнѣнія. Сіи-то веселящіеся находятся на стѣнѣ черепичной. А чтобъ показать, какова стѣна черепичная, присовокупилъ: скажите. Что удоборазрушимѣе черепицы? Но которые тщеславятся ничтожными и не стоющими вниманія баснями, тѣ веселятся, говоря на стѣнѣ черепичной. А что же значитъ: „живущимъ въ Седекѣ помышленіе?“ Благое помышленіе—поучаться въ законѣ Господнемъ день и ночь. Но помышленіе Моавитянъ лукаво; потому что „помышленіе“ будетъ „живущимъ въ Седекѣ“. Итакъ помышляющіе объ ученіяхъ достойныхъ стыда не устрамятся.

Поэтому „поля Есевоня возрыдаютъ“. Наказаніемъ за безстыдство служитъ безплодіе полей Есевонскихъ. А Есевонъ есть названіе Моавитскаго города, который въ окружающихъ его предмѣстіяхъ имѣетъ обширныя поля; сіи-то поля, за лукавое помышленіе жителей, будутъ неспособны къ произращенію и безплодны, и не принесутъ никакой пользы жителямъ. Если же изъ самаго значенія слова должно заимствовать

[1]) У Седмидесяти и въ Славянскомъ: „Въ Сиѣ“.

нѣкоторое основаніе: то Есевонъ толкуется „помыслъ“. Посему множества суетныхъ помысловъ, которые названы полями, возрыдаютъ; потому что ни въ чемъ не успѣетъ лукавство нечестивыхъ ученій.

„Виноградъ Севамань: пожирающіе языковъ, поперите виногради его, даже до Іазира. Не совокупитеся, обходите пустыню, посланніи осташася, проидоша бо море. (9) И сего ради восплачутся [1]), яко плачемъ Іазировымъ, о винограде Севамани: древа твоя посѣче Есевонъ и Елеала, яко на жатву твою и на объиманіе вина поперу, и вся падутся. (10) И отъимется радость и веселіе отъ виноградовъ, и въ виноградѣхъ твоихъ не возрадуются, и не изгнетутъ вина въ точилѣхъ: престало бо есть“.

Выше сказано: „поля Есевоня возрыдаютъ“: теперь присовокупляется, что и „виноградъ Севамань“ также вмѣстѣ возрыдаетъ.

У каждаго народа именуется какой нибудь виноградъ, напримѣръ: у Содома и Гоморры есть собственный свой виноградъ. Посему написано: „отъ виноградовъ Содомскихъ виноградъ ихъ, и розга ихъ отъ Гоморры“ (Втор. 32, 32). Такъ и у Египтянъ есть виноградъ, который Богъ побиваетъ, по сказанному: „уби градомъ виноградъ ихъ, и черничіе ихъ слапою“ (Псал. 77, 47). А есть и такой виноградъ, который насадилъ Господь. „Воспою возлюбленному пѣснь возлюбленнаго винограду Моему. Виноградъ бысть возлюбленному въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ“ (Иса. 5, 1). Еще виноградомъ названо царство Божіе, какъ Господь показалъ въ притчѣ о дѣлателяхъ, которые взяли виноградъ на свое попеченіе, но не отдавали плодовъ. Ибо сказано: „отъимется отъ васъ царствіе“ небесное, „и дастся языку творящему плоды его“ (Матѳ. 21, 43). Господь какъ бы такъ сказалъ: у васъ отнимется слово Божіе, то есть, Законъ и Пророки, потому что живете не по ихъ требованію; и разумѣніе дастся народу, который въ жизни своей творитъ плоды слова Божія. Посему, какъ здѣсь слово истины есть виноградъ, такъ слово лживое, поселившееся у Египтянъ, есть виноградъ Египетскій, міродержителемъ тмы сея вданный имъ для дѣланія; и виноградъ насажденный въ Содомѣ есть тотъ, который воздѣлываютъ лукавымъ навыкомъ жизни злые Содомскіе наемники діавола. Посему научившіеся у діавола, и отвергающіе ученіе Господне, съ корнемъ отторгли себя отъ истиннаго винограда Божія, отъ того, который говоритъ: „Азъ есмь лоза истинная“ (Іоан. 15, 1); а взяли розгу изъ Содома и Гоморры; потому и воздѣлали „гроздъ желчи, и гроздъ горести. И ярость зміевъ вино ихъ, и ярость аспидовъ неисцѣльна“ (Втор. 32, 32. 33).

И виноградъ, такъ называемый, „Севамань“, поелику Севама тол-

[1]) У Седмид. и въ Слав. перев. „восплачуся“, какъ и у св. Василія читается впослѣдствіи.

куется „обращеніе“, можетъ быть, есть какое нибудь ученіе притворное, наружно показывающее, что имѣетъ нѣкоторое благочестіе и удаляется лукавыхъ призваній, а симъ притворствомъ вводитъ многихъ въ собственное свое развращеніе. Найдешь и многія сочиненія неправославныхъ увѣщательныя и побудительныя къ жизни благочинной. Но если уразумѣемъ, что они содержатъ въ себѣ не истинныя увѣщанія, но предлагаются какъ засада къ уловленію богочестія многихъ; то прилично будетъ сказать, что дѣланіе таковыхъ есть „виноградъ Севамань“, то есть, не ученіе о богочестіи и здравомъ богословіи, но нѣкоторыя правила о честности, общительности и щедрости. Это—„виноградъ Севамань“, воздѣлываемый Моавитянами, о которомъ, какъ о производящемъ много отъ себя порожденій, говорится, что онъ „пожираетъ языки“. Ибо начальники чуждыхъ намъ ученій, съ помощію діалектики, въ которой они много упражнялись, и при бойкости въ словахъ, побѣждая не учившихся философіи и простолюдиновъ, какъ бы пожираютъ ими уловляемыхъ. Къ нимъ-то пророческое слово: вы, пожирающіе языковъ, презрѣвъ таковыя ученія, поперите ихъ; ибо оттого, что упражняетесь въ нихъ, не возможете сблизиться и соединиться съ Іазиромъ, который толкуется „сила“. Посему невозможно вамъ пріять крѣпость, подаваемую отъ Духа право ходящимъ, если не попрете винограда „Севаманя“. Забудьте свою пустыню, не оставайтесь въ ней долѣе, но, оставивъ ее и удалившись отъ нея, живите въ лучшихъ странахъ.

„Посланніи остапася“. Есть „лживи апостоли, дѣлатели льстивіи, преобразующеся во Апостолы Христовы“ (2 Кор. 11, 13); они-то оставлены Богомъ. Посему да не обольстятъ они васъ, какъ дѣйствительно имѣющіе крѣпость; ибо они безпомощны и оставлены.

Они же самые „проидоша и море“. А на что симъ намекается, должно проразумѣвать такъ: иные справедливо оставлены, потому что сдѣлали достойное охужденія, именно: „проидоша море“. Посему, кажется мнѣ, что море береть Пророкъ въ значеніи трудныхъ искушеній, какія встрѣчаются съ искушаемыми. Ибо подобно сему изреченіе: „пріидохъ во глубины морскія“ (Псал. 68, 3). Посему подвижникъ не бѣжитъ отъ нуждъ, не переходитъ чрезъ море, но идетъ имъ на встрѣчу и подвергается всякому искушенію. А если иные во избѣжаніе гоненій угождаютъ язычникамъ, и, чтобы не подвизаться и не бороться съ тѣлесными пожеланіями, предаются удовольствіямъ; то они „проидоша море“.

Послѣ сего говорится: „сего ради восплачуся, яко плачемъ Іазировымъ о винограде Севамани“. Посему плачъ Іазировъ не есть ли плачъ крѣпости, которымъ блаженно плачутъ крѣпкіе, воздыхающіе о своемъ пребываніи въ сей жизни, и обременяемые ею, желающіе же и скончавающіеся душею „во дворы Господни“ (Псал. 83, 3)? Или можетъ

быть, какъ оплакивается крѣпость, увядшая отъ болѣзни, потому что не стало ея у обладавшаго ею нѣкогда, такъ будетъ плачъ и о винограде „Севамани“, какъ объ увядшемъ и уготовляемомъ на то, чтобы предать его огню.

Послѣ сего говорится странѣ Моавитской: „древа твоя посѣче Есевонъ и Елеала“. Итакъ древа страны Моавитской „посѣче Есевонъ и Елеала“. Что же ими означается, объяснимъ по возможности. Есевонъ толкуется: „помысли“; а Елеала „восхожденіе Божіе“. Итакъ посѣкаются виноградъ чуждый и древа, которыхъ „не насади Отецъ небесный“ (Матѳ. 15 13); правыми помыслами и восхожденіемъ посредствомъ добрыхъ дѣлъ, возвышающимъ насъ къ Богу, потребляется насажденіе неправославныхъ. Посему „блаженъ мужъ, емуже есть заступленіе его у Тебе; восхожденія Твоя въ сердцѣ его“ (Псал. 83, 6). Поэтому имѣющій въ сердцѣ своемъ восхожденія Божіи и тщательно наблюдающій за своими помыслами, въ состояніи будетъ испровергнуть ученія неправославныхъ, которыя худо насаждены и приносятъ гибельные плоды.

Потомъ Пророкъ говоритъ: „яко на жатву твою и на объиманіе вина поперу, и вся падутся“. Поелику хлѣбъ, который пожинаетъ, и вино, которое собираетъ, противоположны хлѣбу, укрѣпляющему сердце человѣка, и вину, веселящему сердце человѣка; то Богъ, какъ благій, попираетъ, не дозволяя, чтобъ они сдѣлались пищею или питіемъ для неосторожно вкушающихъ, по невѣдѣнію причиняемаго имъ вреда. Итакъ „на жатву твою, и на объиманіе вина поперу, и вся падутся“. Сіе можетъ назидать насъ и въ отношеніи къ тѣлесному; потому что многіе, имѣя почти въ рукахъ собираніе плодовъ, отъ внезапнаго побитія градомъ или другимъ какимъ бичемъ, теряли ожидаемое; ибо за неблагодарность и любостяжательность людей Богъ не попустилъ насладиться сими плодами.

„И отъимется радость и веселіе отъ виноградовъ: и не возрадуются, и не изгнетутъ вина въ точилѣхъ, престало бо есть“. Посему отняты радость и веселіе у виноградовъ; отнято у Израиля царство Божіе, „и дано языку творящему плоды его“. Можно разумѣть сіе изреченіе и относительно къ тѣлесному, что отнимается всякая радость у тѣхъ, которые внезапно теряютъ надежду собрать плоды своего земледѣлія. Или, поелику виноградомъ назвали мы ложное ученіе, то можно понимать, что отнимается веселіе, производимое въ обольщенныхъ лжеименнымъ вѣдѣніемъ, какъ виноградомъ, который доставляетъ только призракъ веселія, а не дѣйствительное веселіе,—отнимается, чтобы не было болѣе обманутыхъ. Ибо при обличеніи не станутъ веселиться, которые прежде удивлялись сему, и не будутъ воздѣлывать Моавитскаго грозда узнавшіе вредъ, какой слѣдуетъ за вкушеніемъ его. А можетъ быть, и „точила“ суть души, принявшіе негодное ученіе.

(11) „Сего ради, чрево мое на Моава аки гусли возгласитъ, и внутренняя моя аки стѣна, юже обновилъ еси. (12) И будетъ въ посрамленіе тебѣ, и утрудися Моавъ о требищахъ, и внидетъ въ рукотворенная своя, да помолится, и не возмогутъ избавити его. (13) Сіе слово, еже глагола Господь на Моава, егда и возглагола“.

Итакъ чрево Пророка, „аки гусли“, возглашаетъ на Моава, то есть, стройно и мусикійски издаетъ благозличный звукъ, по причинѣ знанія Того, Кто искусно ударяетъ въ струны его. Чревомъ же называетъ то, что въ другомъ мѣстѣ Псалмопѣвецъ назвалъ внутреннимъ; ибо говоритъ: „благослови душе моя Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его“ (Псал. 102, 1). Кто же повелѣваетъ внутреннимъ своимъ благословлять имя Господне, какъ не повелѣвающій природѣ помышленій, исходящихъ изнутрь? А помышленій два рода,—одни худыя: „убійства, прелюбодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства“ и око лукавое (Матѳ. 15, 19); другія благопристойныя и спасительныя: человѣколюбіе, цѣломудріе, общительность, благоговѣніе, свидѣтельства по Богу, око чистое, и тому подобное. Посему, у кого все внутреннее доведено до готовности благословлять святое имя Божіе, тотъ прекрасно пріемлетъ также внутреннее расположеніе благодарить Бога. Такъ и у Исаіи внутреннее было „аки стѣна, юже обнови“ Богъ; ибо такъ онъ былъ предуготованъ благодатію Слова, которая въ немъ обновляла внутренняго человѣка, и помышленія его были какъ необоримая стѣна, такъ что не оставалось никакого входа ни худымъ помысламъ, ни врагамъ, угрожающимъ нападеніемъ. Посему прекрасно, утвердивъ сіе въ умѣ, и намъ возревновать подобно Пророку и сказать: „чрево мое аки гусли возгласитъ и внутренняя моя аки стѣна, юже обновилъ еси“.

„И будетъ“, сказано, „въ посрамленіе тебѣ, яко утрудися Моавъ о требищахъ“. Слово къ тому же. Что значитъ сказанное, повидимому, смѣло: „будетъ въ посрамленіе тебѣ? Для того, говоритъ, даровалъ Ты мнѣ внутрь крѣпкія помышленія, чтобы Тебѣ не обращающихся къ Тебѣ нынѣ посрамить обличеніями, какія имъ сдѣланы силою данныхъ мнѣ помысловъ. Посему не достаетъ слова: „ихъ“, чтобы здраво передать смыслъ сихъ словъ. И „будетъ въ посрамленіе“ ихъ „тебѣ“. Ибо какъ въ битвахъ стоящіе другъ противъ друга, пока почитаютъ себя равносильными, не обращаются въ бѣгство и не отступаютъ; но когда другая сторона беретъ надъ ними перевѣсъ, обративъ тылъ, бѣгутъ: такъ и душа, вооружившаяся безстыдствомъ, стояла не усрамляясь, но обличенная словомъ, для нея укоризненнымъ, обращается къ стыду. И поелику это превращеніе (τροπή) происходитъ въ сокровенности человѣка, то называется (ἐντροπή) посрамленіемъ. И такъ для того чрево возгласитъ, и внутренняя будутъ „аки стѣна, юже обнови“ Богъ пророковъ, чтобы

измѣнились и устыдились, начавъ почитать Бога, не знавшіе полезнаго стыда.

„Яко утрудися Моавъ о требищахъ, и внидетъ въ рукотворенная, да помолится, и не возмогутъ избавити его“. Теперь Исаія пророчествуетъ о конечномъ истребленіи всякаго идолослуженія пришествіемъ Слова, предсказываетъ, что тщетны всѣ труды о сооруженіи храмовъ и безполезны надежды на рукотворенная. Ибо, говоритъ, „помолится, и не возмогутъ избавити его“. Это исполнилось нынѣ въ пришествіе Христово: хотя, какъ утесы, стоятъ пресловутые храмы; однако уже нѣтъ демонской прелести, потому что сопротивная сила обращена въ бѣгство таинствомъ креста, проповѣданнаго во всей вселенной. Ибо „сіе слово, еже глагола Господь на Моава, егда и возглагола“. Это какъ бы заключеніе всего слова, проповѣданнаго на страну Моавитскую. „Сіе слово, еже глагола Господь“. Напереди было поставлено такое изреченіе: „слово на Моавитскую землю“; въ концѣ же всей части отдѣленія прилагается: „сіе слово, еже глагола Господь на Моава, егда и возглагола“. Что значитъ: „егда и возглагола?“ Пророкъ показываетъ, что гласъ Божій рѣдко бывалъ къ Моавитянамъ. Богъ часто бесѣдуетъ съ Израилемъ, но по большей части безмолствуетъ предъ язычниками, какъ не принадлежащими къ Его части. Впрочемъ не вовсе утаиваетъ слово, но и имъ даетъ вкусить Своего человѣколюбія, чтобы, по извѣданіи немногаго, подвиглись къ желанію совершеннаго. Поелику же рѣдко говоритъ Моавитянамъ, то и сказано: „сіе слово, еже глагола Господь, егда и возглагола“.

(14) „И нынѣ глаголю, въ трехъ лѣтѣхъ лѣтъ наемника обезчестится слава Моавля во всемъ богатствѣ мнозѣ, оставится умаленъ, и безчестенъ“. Сими словами, по моему мнѣнію, Пророкъ опредѣляетъ Моаву время наказанія, которое назвалъ тремя лѣтами наемника. Поелику же все естество времени дѣлится на три части; то, желая изобразить полноту времени, Пророкъ сказалъ: три лѣта. Итакъ „въ трехъ лѣтѣхъ лѣтъ наемника обезчестится слава Моавля“. Наемникъ и въ Евангеліи обвиненъ Спасителемъ, Который говоритъ: „а наемникъ, иже нѣсть пастырь, емуже не суть овцы своя, видитъ волка грядуща, и бѣжитъ яко наемникъ есть, и нерадитъ о овцахъ“ (Іоан. 10, 12. 13). И по Закону, „приселникъ и наемникъ Іереевъ“ не ѣсть „святыни“ (Лев. 22, 10). Посему Моавъ отдалъ себя въ наемники и сталъ наемникомъ, ибо не любилъ Бога; и что ни дѣлалъ, все дѣлалъ только изъ помышленія о платѣ и въ чаяніи собственной пользы, а не по расположенію къ дѣлу. Поэтому „обезчестится въ трехъ лѣтѣхъ лѣтъ наемника“. Какъ пастырь наемникъ не пастырь: такъ и творящій милостыню, чтобы прославлену быть людьми, беретъ мзду; онъ уже не милостынодаятель, онъ не щедръ. И цѣломудренный изъ человѣкоугодія—нецѣломудренъ; онъ не за добродѣтелію гонится, но

уловляетъ славу добродѣтели. Посему безчестны предъ Богомъ дѣлающіе что либо на показъ. Поэтому и Моавъ „въ трехъ лѣтѣхъ обезчестится: то есть, по всякой мѣрѣ времени, и обезчестится безчестіемъ наемника за то, что и добродѣтельные поступки его не дѣло расположенія, но дѣло притворства. Обезчестится же,, во всемъ богатствѣ мнозѣ“. Сколько пріобрѣлъ онъ во мнѣніи здѣсь, въ такой же мѣрѣ, по откровеніи тайныхъ нашихъ, воздается ему мзда стыда. И кто собираетъ своими руками много безплоднаго, тотъ имѣетъ у себя больше случаевъ къ нанесенію ему безчестія. „И дѣлаяй сокровища языкомъ лживымъ суетная гонитъ, и внидетъ въ сѣти смертныя“ (Прит. 21, 6). „И оставится умаленъ, и безчестенъ“: такое наказаніе есть благодѣяніе для согласившихся на зло.

Опроверженіе на защитительную рѣчь злочестиваго Евномія.

Книга I.

Если бы всѣ, на кого призвано имя Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, пожелали ничего не искать, кромѣ евангельской истины, довольствоваться же апостольскимъ преданіемъ и простотою вѣры: то и отъ насъ, въ настоящее время, не потребовалось бы слова, а напротивъ того, и теперь, конечно, возлюбили бы мы то же молчаніе, какое предпочитали сначала. Но поелику врагъ истины, сверхъ плевелъ, сначала посѣянныхъ имъ въ Церкви Божіей, постоянно новыми приращеніями умножая зло, и нынѣ съискавъ орудія, которыя вполнѣ вмѣщаютъ въ себѣ всю его злохитренность, внушаетъ мысль, подъ личиною христіанства, отрицать божество Единороднаго, этою мірскою и суетною мудростію возмущая чистоту и простоту ученія Духа Божія, и сладкорѣчіемъ вводя въ заблужденіе людей наиболѣе простодушныхъ: то и мы, по необходимости, ради вашей предписывающей это любви, и ради собственной своей безопасности, не обращая вниманія на немощь свою въ семъ дѣлѣ, хотя вовсе не упражнялись въ подобномъ родѣ слова, по сообщенной намъ отъ Господа мѣрѣ вѣдѣнія, рѣшились стать за истину и обличить ложь. Ибо разсуждаемъ, что непремѣнно достигнемъ, по крайней мѣрѣ, одной изъ трехъ добрыхъ цѣлей: то есть, или своимъ обличеніемъ подадимъ зараженнымъ уже врачество отъ зла, или здравымъ въ вѣрѣ доставимъ не малое предохраненіе, или, безъ сомнѣнія, сами сподобимся наградъ за то, что братіямъ своимъ желаемъ лучшаго.

Сколько намъ извѣстно, Аэтій, Сиріянинъ, первый дерзнулъ явно говорить и учить, что Единородный Сынъ не одинаковъ по сущности съ Богомъ и Отцемъ. Не буду говорить, какими правилами напитанъ онъ былъ сначала, и какъ постепенно вносилъ свое растлѣніе въ церкви Божіи, чтобы не показалось, что я не обличаю, но злословлю. Наслѣдовалъ

же его нечестіе и усовершилъ оное этотъ Галатъ [1]), Евномій, который, пріобрѣтя себѣ извѣстность дѣлами самыми постыдными (ибо сказано: „слава въ студѣ ихъ“, Филип. 3, 19), и благамъ, какія уготованы благочестивымъ, предпочтя случай прославиться писаніемъ, на какое никогда еще никто другой не отваживался, до того превознесся, что, въ этомъ блистательномъ своемъ сочиненіи, въ слухъ всѣхъ высказалъ хулу, которую дотолѣ едва выговаривалъ неясно, вмѣняя себѣ въ честь, что его провозгласятъ началовождемъ и представителемъ всей ереси.

Его-то изобличить предстоитъ теперь намъ трудъ. Поелику же въ обоихъ зло одно; то явно, что въ лицѣ усовершившагося ученика посрамленъ будетъ и учитель, посѣявшій сѣмена нечестія, если только, по вашимъ молитвамъ, дано будетъ намъ пріять такую силу слова, чтобы, подобно ревнителю Финеесу, однимъ ударомъ обличенія поразить обоихъ, соединеныхъ между собою нечестіемъ. Итакъ, хотя въ семъ сочиненіи нахожу многое, что показываетъ въ Евномія лжеца, невѣжду, ругателя, кощуна, хульника: однако же о прочемъ упомяну мимоходомъ, попытаюсь же привести для всѣхъ въ ясность, обнаживъ отъ всѣхъ искусственныхъ покрововъ, ту хулу, которую изглаголалъ онъ на высоту славы Единороднаго.

Но приступаю уже къ обличеніямъ, начавъ съ самой надписи. Первое его злоухищреніе—придумать этотъ родъ сочиненія, и предложить ученіе въ видѣ защитительной рѣчи, чтобы не подать мысли, что главное его намѣреніе—изложить догматы нечестія, но показать, что приведенъ къ сочиненію необходимостію. Ему хотѣлось, чтобы, какимъ бы то ни было способомъ, сдѣлать извѣстнымъ это лукавое и безбожное провозглашеніе и чтобы произведена была на свѣтъ хула, которую давно онъ зачалъ, и которою давно болѣлъ. Но видѣлъ также, что, если открыто приметъ на себя званіе учителя, не только будетъ это крайне тяжело и непріятно слушателямъ, но и самъ себя сдѣлаетъ онъ для многихъ не заслуживающимъ вѣроятія и подозрительнымъ, какъ человѣкъ, желаніемъ славы увлеченный въ новизны; а если предложитъ слово въ видѣ защитительной рѣчи, то избѣгнетъ подозрѣнія въ нововведеніи, и тѣмъ са-

---

[1]) Св. Василій называетъ Евномія Галатомъ, можетъ быть, имѣя въ виду слова Апостола (Галат. 3, 1): „о несмысленніи Галате, кто вы прельстилъ есть не покоритися истинѣ?“ Ибо Евномій родомъ былъ не изъ Галатіи, а изъ Каппадокіи. Такое предположеніе оправдывается нѣсколько жалобою Евномія на то, что св. Василій назвалъ его Галатомъ; изъ чего видно, что онъ находилъ для себя такое наименованіе оскорбительнымъ. Братъ св. Василія, Григорій Нисскій, на жалобу Евноміеву отвѣчалъ такъ: „Удивительно ли, если того, кто живъ на рубежѣ двухъ областей, въ какомъ-то неизвѣстномъ углу Корпіаспины, назвалъ не жителемъ Оптисеріи, но Галатомъ, если только можно доказать, что дѣйствительно назвалъ. Ибо я не нашелъ сего въ моихъ спискахъ. Но положимъ, что сказалъ сіе Василій (In Eun Lib. 1. pag. 307)“.

мымъ болѣе привлечетъ къ себѣ слушателей; потому что всѣ люди естественно привыкли съ благорасположеніемъ принимать сторону унижаемыхъ. Поэтому жалуется на обвинителей и клеветниковъ, и имъ приписываетъ вину своего сочиненія. Но чтобы всѣмъ была видна его хитрость, не худо выслушать собственныя выраженія его вступленія въ рѣчь; вотъ они:

Евн. Извѣстно намъ, что, имѣя невоздержный языкъ и недоброе расположеніе, кого нибудь оклеветать и очернить есть дѣло людей негодныхъ и враждолюбивыхъ; а если кого по клеветѣ почитаютъ худыми, и они со всею ревностію стараются отразить ложь обличеніями, то сіе показываетъ въ нихъ людей здравомыслящихъ, которые, при благопопечительности о себѣ, весьма уважаютъ безопасность многихъ.

Вас. Это именно такой образъ рѣчи, какой употребилъ бы человѣкъ, ничего не дѣлающій просто и безъ хитрости. Отъ подозрѣнія въ нововведеніи охраняетъ онъ себя покровомъ защитительной рѣчи, и уловляетъ благорасположеніе слушателей тѣмъ, что приступаетъ къ слову, будучи вынужденъ къ тому клеветою. А что слово „защищеніе“ у него одинъ вымыслъ, обличается сіе тѣмъ, что, не зная кого наименовать обвинителемъ своимъ въ томъ, въ чемъ, повидимому, усиливается оправдать себя, выходитъ на защищеніе, не выводя на позоръ лицъ, не великодушіемъ удерживаемый помянуть имена оскорбителей (удержался ли бы отъ сего человѣкъ, который такимъ множествомъ упрековъ осыпаетъ ему противорѣчащихъ?), но опасаясь, что ложь сдѣлается очевидною, стыдится назначить извѣстныя лица своими обвинителями. А когда было бы ему кого наименовать; то непремѣнно бы высказалъ и разгласилъ это, если не въ удовлетвореніе собственному своему гнѣву, то, по крайней мѣрѣ, чтобы послужить безопасности многихъ, о чемъ и обѣщаетъ особенно позаботиться. Но скрытное лукавство вредоноснѣе предъявленнаго. Поэтому, если бы знали мы клеветниковъ, то удобнѣе избѣжали бы ихъ невоздержныхъ языковъ и недобрыхъ расположеній (употреблю собственныя слова этого мудреца).

Но поелику, по какой бы то ни было причинѣ, тогда умолчалъ онъ; то теперь спросимъ, теперь пусть отвѣчаетъ: Что это за обвинители, которые, предупредивъ его своими клеветами, сдѣлали для него необходимою защитительную рѣчь? Изъ какой части вселенной пришли они? Кто эти судіи, предъ которыми вступаетъ онъ въ состязаніе? Въ какое судилище взошелъ онъ съ этой жалобой? Гдѣ, на сушѣ или на морѣ, собранія сихъ судей? Ибо что ему на сіе сказать?—Въ Селевкіи?—Но они молчаніемъ своимъ потеряли дѣло, многократно призываемые собравшимися дать отчетъ въ томъ, что доносили на нихъ, не явились, и за это были тогда осуждены. У меня идетъ общая рѣчь обо всемъ вмѣстѣ собра-

нїи, которое, чрезъ общеніе въ нечестіи, подобно какому нибудь больному члену, отдѣлилось отъ здраваго тѣла Церкви.—Или въ Константинополѣ?—Но тамъ не нужно было ни защищенія, ни рѣчей. Ибо, склонивъ на свою сторону служащихъ при царскомъ дворѣ, а изъ прочихъ, людей наиболѣе сильныхъ, приступили къ дѣламъ, имѣя у себя большій перевѣсъ, сами были и обвинителями, и судіями, и исполнителями приговора,—всѣмъ, чѣмъ только, хотѣли, когда, однихъ епископовъ изгоняя, другихъ возводя на прѐстолъ, а инымъ угрожая опасностію жизни, сами съ полною властію дѣлили между собою города. И нѣкто [1]), выгнанный изъ сирійскихъ городовъ, какъ бы для самовластительства, получилъ Константинополь; а самъ этотъ необоримый и страшный слагатель рѣчей, въ награду за нечестіе, пріобрѣлъ Кизикъ; Θеосевію же, по обличеніи въ невыразимыхъ хулахъ, отдали сардійскія церкви. Умалчиваю о Виѳиніанахъ, Пафлагонянахъ, Киликіянахъ, и обо всѣхъ, кого коснулось это повсюду разливающееся, зло. Какой же защитительной рѣчи было тогда время? Но думаю, что ему невозможно солгать, если и хочетъ. А потому всего справедливѣе, что этотъ образъ рѣчи выдуманъ у него для обмана. И о семъ довольно.

Но посмотрите, что пишетъ онъ далѣе; ибо до обличенія его нечестія не безполезно, можетъ быть, сказать нѣчто объ его кичливости.

Евн. А прежде всего прошу васъ, которые будете и теперь слушать, и впослѣдствіи читать, да будетъ вамъ угодно—различать ложь отъ истины не по числу послѣдователей, и отдавать преимущество не большинству; не ослѣпляйтесь умомъ, обращая вниманіе на достоинства; не заграждайте слуха для наставшихъ послѣ, уступая преимущество предварившимъ.

Вас. Что ты говоришь? Не должны мы уступать преимущества предварившимъ? Не должны мы уважить множества христіанъ, и теперь живущихъ, и всѣхъ бывшихъ съ того времени, какъ проповѣдано Евангеліе? Не должны мы обращать вниманія на просіявшихъ духовными дарованіями всякаго рода; потому что ты открылъ этотъ новый лукавый путь нечестія, ненавистный и непріязненный всѣмъ имъ? Но однажды навсегда смѣживъ душевныя очи, и изгнавъ изъ мысли памятованіе обо всемъ святомъ, каждый свое праздное и пометенное сердце долженъ предать твоимъ ухищреніямъ и лжеумствованіямъ! Велико было бы твое могущество, если бы, чего не достигъ діаволъ различными хитростями, тебѣ удалось достигнуть того своимъ приказомъ, и мы, повѣривъ тебѣ, признали бы, что преданіе, которое во всѣ предшествовавшія времена имѣло силу у столькихъ святыхъ, маловажнѣе вашего нечестиваго вымысла. Но

---

[1]) Евдоксій, преемникъ Македонія. См. Socrat. Lib. 2. capp. 37 et 43.

для него мало совратить разсудокъ слушающихъ его теперь; онъ желалъ бы, чтобы и тѣ, которые впослѣдствіи возьмутъ въ руки его сочиненіе, имѣли то же мнѣніе. Какое хвастовство—думать, что сочиненіе его будетъ существовать и впослѣдствіи, что память о немъ сохранится безсмертною и въ будущія времена! Такъ кичится теперь этотъ человѣкъ, который вскорѣ потомъ, забавляя слушателей, какъ будто вовсе не занятый гордостію, говоритъ вымышленнымъ судіямъ слѣдующее:

Евн. Сверхъ того не гнѣвайтесь на насъ, если презрѣвъ тщеславіе и страхъ, милости и безопасности въ настоящемъ, предпочтя безопасность въ будущемъ, и разсудивъ, что угроза, объявленная нечестивымъ, страшнѣе всякаго земнаго злострадания и временной смерти, предложимъ истину, обнаживъ ее отъ всѣхъ покрововъ.

Вас. Этотъ нарядный наборъ словъ не превосходитъ ли крайнюю степень всякаго высокомѣрія? При насмѣшкѣ здѣсь есть и ругательство надъ судіями, если они столько не терпятъ добра, и едва удерживаются, чтобы не гнѣваться на человѣка, который презираетъ самохвальство и гордость, безопасность въ будущемъ предпочитаетъ безопасности въ настоящемъ, и наказаніе въ послѣдующей жизни признаетъ болѣе страшнымъ, нежели временную смерть. Что это значитъ? Не гнѣвайтесь, судіи, на меня, который взошелъ на самый верхъ добродѣтели, оставилъ за собою земное, и все свое жительство преселилъ на небо. Вотъ новый видъ тщеславія! Ибо, притворно показывая, что презираетъ гордость, тѣмъ самымъ превозносится до крайняго надменія. Если тѣ дѣла, о которыхъ онъ доказываетъ, что они достойны извиненія, составляютъ главное въ евангельской жизни: то симъ предоставляетъ догадываться, какимъ надобно почитать его за дѣла, требующія не извиненія, но одобренія. Посему, и умолчавъ о многомъ, достаточно сказали мы объ этомъ, что составляетъ какъ бы отличительный признакъ всего его поведенія, и теперь можемъ по лживымъ рѣчамъ его узнать, что говоритъ въ немъ отецъ лжи, а по хвастовству его понять, съ кѣмъ онъ осужденъ; потому что Апостолъ ясно говоритъ, что „развгордѣвшійся въ судъ впадаетъ діаволъ“ (1 Тим. 3, 6). Приступимъ, наконецъ, къ самому обличенію нечестія.

Сначала излагаетъ онъ исповѣданіе вѣры, составленное въ простыхъ и неопредѣленныхъ реченіяхъ, которое употребляли и нѣкоторые изъ Отцевъ, не входя въ разсужденіе о разсматриваемыхъ теперь вопросахъ, но выражая такимъ образомъ свою только мысль въ простотѣ сердца. Правда и Арій, какъ говорятъ, желая обмануть Александра, указывалъ ему на это же исповѣданіе вѣры (потому что и сіе утверждаютъ); но Евномій ссылается на оное, какъ на согласное съ собственнымъ его образомъ мыслей, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы самому избѣжать подозрѣнія въ нововведеніи, принимая вѣру Отцевъ, какъ право

изложенную; а, во-вторыхъ, чтобы всѣ, повѣривъ простотѣ сихъ реченій, сами того не видя, впали въ сѣти его лжеумствованій. Но вмѣстѣ видѣлъ онъ и то, что, толкуя отеческія собственно реченія, благовиднѣе будетъ ему ввести свой образъ мыслей, и какъ всего лучше прикрыть свое нечестіе, такъ, если и уловятъ въ чемъ, казаться не виноватымъ, потому что ничего не говоритъ своего отъ себя, а только толкуетъ чужія мысли. Но, конечно, не примѣтилъ онъ, что и въ этомъ подвергается чему-то весьма смѣшному. Ибо, послѣ многихъ и великихъ похвалъ сему исповѣданію вѣры, вскорѣ осыпаетъ опять оное самыми гнусными укоризнами. А чтобы яснѣе было утверждаемое мною, изслѣдую сочиненіе его, разобравъ по частямъ. И во-первыхъ разсмотримъ исповѣданіе вѣры, на которое онъ ссылается, изложивъ собственными его словами.

Евн. Но предложивъ напередъ, говоритъ онъ, издревле имѣющее у Отцевъ силу благочестивое преданіе, какъ вѣрный указатель и правило, будемъ пользоваться симъ точнымъ образцемъ для повѣрки при разсужденіи о нашемъ предметѣ.

Вас. За симъ приводитъ исповѣданіе вѣры, излагаемое такъ:

Евн. Вѣруемъ во единаго Бога-Отца, Вседержителя, отъ Котораго все; и во единаго Единороднаго Сына Божія, Бога-Слово, Господа нашего Іисуса Христа, Которымъ все; и во единаго Духа Святаго, Утѣшителя.

Вас. Потомъ тотчасъ присовокупляетъ:

Евн. Итакъ для всякаго, кому желательно казаться или быть христіаниномъ, если въ краткости сказать существеннѣйшее, самая простая и общая вѣра есть слѣдующая:

Вас. Впослѣдствіи скажемъ о противорѣчіи, заключающемся въ словахъ его, и о томъ, какъ безстыдно прекословитъ само себѣ утверждаемое имъ. Но прежде напомнимъ себѣ, что этотъ самый человѣкъ, въ предъидущихъ словахъ, со всею надменностію обѣщалъ намъ предложить истину, обнаживъ отъ всѣхъ покрововъ. Итакъ здѣсь написано гдѣ нибудь: вѣруемъ, что нерожденіе есть сущность Бога всяческихъ, или— вѣруемъ, что Единородный не одинаковъ съ Отцемъ по сущности? Ибо это написалъ бы Евномій, если бы не закрывалъ своего мудрованія никакою обманчивою завѣсой. Но думаю, что, употребляя всякое слово съ хитростію, умалчиваетъ онъ о своемъ мнѣніи, чтобы, высказавъ оное непріобученому слуху, не лишить себя довѣрія и доступа, выставляетъ же исповѣданіе вѣры Отцевъ, которое, по умѣренности употребленныхъ въ немъ реченій, не можетъ противопоставить какого либо препятствія общей цѣли его сочиненія, и которое легко согласитъ ему съ своимъ мнѣніемъ, подъ видомъ истолкованія обративъ слово къ сказанному прежде. А что сіе справедливо, видно съ перваго взгляда. Ибо, изложивъ исповѣданіе вѣры Отцевъ, тотчасъ переходитъ къ изъясненію, воспользо-

вавшись другимъ какимъ-то предлогомъ, а вмѣстѣ и тѣмъ, что оно недостаточно къ освобожденію его отъ обвиненія. Итакъ, для чего же предложилъ ты оное, а не приступилъ прямо къ тѣмъ доводамъ, которые и точны, и могутъ освободить тебя отъ обвиненія? Теперь ссылается на сіе исповѣданіе, какъ на несомнѣнный образецъ для повѣрки сужденій, а потомъ поправляетъ, какъ будто въ немъ нѣтъ ничего здраваго. Но всякому извѣстно, что, къ своему мудрованію, какъ къ увлекающей на смерть удѣ, на подобіе приманки, примыкаетъ онъ простоту вѣры, чтобы неопытные, бросаясь на видимость, по неосторожности, были пронзаемы зломъ нечестія. Но чтобы не показалось, что безъ необходимсоти берется поправлять исповѣданіе вѣры, которое самъ почтилъ чрезвычайными похвалами, смотрите, какъ онъ, будто бы забывъ собственныя слова свои, очерняетъ сіе исповѣданіе.

Евн. Итакъ для всякаго, кому желательно казаться или быть христіаниномъ, если въ краткости сказать существеннѣйшее, самая простая и общая вѣра есть слѣдующая:

Вас. Скажи же мнѣ, ужели благочестивое преданіе Отцевъ, это правило, какъ самъ ты назвалъ, этотъ указатель, несомнѣнный образецъ для повѣрки сужденій, теперь называется у тебя орудіемъ обмана, искусствомъ притворства и чѣмъ-то подобнымъ сему? Ибо, если оно прилично не истиннымъ христіанамъ, но тѣмъ, для которыхъ предпочтительнѣе казаться, нежели быть христіанами; то можно ли о немъ заключить что иное, кромѣ сказаннаго? Ибо кто, не повредившись въ умѣ, станетъ утверждать, что правило прямизны прилично строптнымъ душею, что указатель истины приличенъ врагамъ истины? А тѣ, которымъ именоваться христіанами предпочтительнѣе, нежели быть ими истинно, облекаясь въ сіе притворство для обольщенія многихъ, далеки отъ всякой прямизны и истины. Развращенное не исправится, какъ говоритъ Еклезіастъ (Еккл. 1, 15), и тѣмъ, которые для жизни избрали ложь, не пригодны образцы истины, какъ сіе представляется Евномію.

Но, по сказаннымъ мною причинамъ, онъ введенъ въ столь очевидныя противорѣчія, чтобы, выхваляя вѣру, подать мысль о своемъ общеніи съ Отцами въ благочестіи, и опять, порицая ее, открыть себѣ путь къ истолкованію. Поэтому, и правиломъ ее называетъ, и говоритъ, что она имѣетъ нужду въ точнѣйшемъ добавленіи. Но сіе же самое да будетъ знакомъ и крайняго невѣжества, если кому угодно вникнуть и въ это. Ибо правило и указатель, доколѣ они ни въ чемъ не имѣютъ недостатка, чтобъ имъ быть правиломъ и указателемъ, дотолѣ, мудрѣйшій, не допускаютъ никакого дополненія для своей точности; ибо добавленіе дѣлается по причинѣ недостаточности: а будучи несовершенными, они, по справедливости, не могутъ имѣть и этихъ наименованій. Но довольно объ этомъ.

Теперь разсмотримъ ученіе, какое предлагаетъ онъ о Богѣ.

Евн. Итакъ, говоритъ онъ, и по естественному понятію, и по ученію Отцевъ, исповѣдуется нами единый Богъ, и не отъ Себя, и не отъ инаго кого происшедшій. Ибо то и другое равно невозможно; потому что, сообразно съ истиною, производящее должно существовать прежде происшедшаго, а производимое быть вторымъ по производящемъ. Но какъ ничто не можетъ быть первоначальнѣе или позднѣе себя самого, такъ ничто иное не можетъ быть прежде Бога; иначе бы сіе иное, въ отношеніи ко второму послѣ него, имѣло достоинство Божества.

Вас. Итакъ, для чего внесъ я сюда всю его рѣчь? Чтобы ясно была видима любовь къ многословію, какую этотъ человѣкъ показываетъ во всемъ сочиненіи. Самъ онъ сказалъ: по общимъ для всѣхъ понятіямъ ясно, что Богъ нерожденъ; и потомъ усиливается представить на сіе доказательство, поступая подобно тому, кто въ ясный полдень вздумалъ бы имѣющимъ здоровые глаза доказывать изъ разума, что солнце свѣтлѣе небесныхъ звѣздъ. А если смѣшонъ доказывающій изъ разума познаваемое чувствомъ; то какъ не обвинить въ подобной глупости человѣка, который учитъ тому, что признается по общимъ предзанятымъ понятіямъ? Ибо сіе для здравомыслящихъ, конечно, гораздо достовѣрнѣе видимаго зрѣніемъ. Поэтому, если бы кто съ безстыдствомъ возсталъ противъ этой истины, и началъ утверждать, что нерожденный родился или отъ себя или отъ инаго; то пустословіе Евноміево имѣло бы еще, можетъ быть, нѣкоторое извиненіе. Если же до настоящаго дня никто изъ чуждыхъ нашего ученія, и изъ тѣхъ, которые въ самой Церкви возставали противъ истины, не впадалъ въ такое тупоуміе, чтобы оспоривать нерожденность нерожденнаго: то не вижу, какая польза сихъ разсужденій? Или дѣйствительно нужны Аристотелевы и Хризипповы умозаключенія для нашего наученія, что нерожденный не родился ни самъ отъ себя, ни отъ инаго, что онъ не старѣе и не моложе самъ себя? Итакъ, къ чему же клонятся у него слова сіи? Мнѣ кажется, что онъ при семъ вмѣстѣ, какъ человѣкъ догадливый и превосходнаго ума, даетъ видѣть своимъ послѣдователямъ, съ какою проницательностію подмѣчаетъ несообразное, и съ какимъ еще большимъ остроуміемъ разрѣшаетъ подмѣченное, а потому, хвастаясь оборотливостію въ словахъ, пускается въ тонкости, доказывая, что нерожденный не родился ни самъ отъ себя, ни отъ инаго. Притомъ, и здѣсь не забываетъ онъ своего искусства, но, останавливаясь на томъ, что всѣми признано, полагаетъ какъ бы нѣкоторыя основанія для послѣдующаго своего ученія. Ибо не безъ намѣренія имъ сказано: „сообразно съ истиною, производящее должно существовать прежде происшедшаго“: но чтобы въ чтеніи о Сынѣ предварительно было уже признаваемо, что Сынъ рожденъ Отцемъ впослѣдствіи, такъ какъ произво-

дящее старѣе происшедшаго, а также, чтобы изъ сего можно было вывести слѣдствіе, что Сынъ рожденъ изъ не сущаго. Но обличеніе нечестиваго ученія о Сынѣ будетъ на своемъ мѣстѣ. А я бы сказалъ, что по справедливости достойно умолчанія и самое наименованіе „нерожденный“, которое, хотя весьма близко къ нашимъ понятіямъ, однако же нигдѣ въ Писаніи не употребляется, и служитъ первымъ основаніемъ ихъ хулы; потому что слово „Отецъ“ равнозначительно слову „нерожденный“, и сверхъ того, чрезъ указаніе отношенія, совокупно съ собою привноситъ понятіе и о Сынѣ. Ибо истинный и единый Отецъ ни отъ кого инаго не происходитъ. А ни отъ кого происшедшій то же значитъ, что и нерожденный. Посему не столько должно называть нерожденнымъ, сколько Отцемъ, если не хотимъ стать мудрѣе наставленій Господа, Который сказалъ: „шедше, крестите во имя Отца“ (Мѳ. 28, 19), а не: „во имя нерожденнаго“. И о семъ довольно. Разсмотримъ же настоящія слова его въ связи съ послѣдующими. Ибо, поступивъ нѣсколько далѣе, и какъ бы сокращая сказанное имъ самимъ, пишетъ такъ:

Евн. Посему, если доказано, что ни самъ Онъ прежде Себя, ни другое что прежде Него не существуетъ, но Онъ—прежде всего, то сопутственна Ему нерожденность, или лучше сказать, это и есть нерожденная сущность.

Вас. Злонамѣренность, какую усмотрѣли мы въ сихъ словахъ, думаю, весьма легко увидѣть всякому и при маломъ вниманіи, но не такъ удобно сдѣлать ее очевидною для многихъ. Впрочемъ надобно попытаться, возложивъ упованіе на Того, Кто „даетъ глаголъ благовѣствующимъ силою многою“ (Псал. 67, 12). Сказавъ, „что, если ни Самъ прежде Себя, ни другое что прежде Него не существуетъ, то сопутственна Ему нерожденность“, потомъ усматриваетъ, что, вслѣдствіе сего положенія, доводъ обращается противъ него. Ибо, если Богу сопутственна нерожденность, то, очевидно, слѣдуетъ за Нимъ отвнѣ; а что—внѣ Бога, то не сущность Божія; вслѣдствіе же сего и весь замыслъ его распадаясь погибаетъ. Но чтобы не потерпѣть сего, что онъ дѣлаетъ? Мало заботясь о томъ, что непослѣдовательностію рѣчи подвергнетъ себя осмѣянію, поправляя сказанное, доводитъ рѣчь, къ чему хотѣлъ, говоря: „лучше же сказать, это и есть нерожденная сущность“. Но это не имѣетъ ни малаго согласія съ предъидущимъ. Ибо какимъ образомъ Богъ имѣетъ нерожденность и сопутственною Себѣ и опять не сопутственною, но заключающееся въ самомъ понятіи сущности? Однако же онъ не попускаетъ вовсе разрушиться своему лжеумствованію. Ибо, если бы, сказавъ, что нерожденность Богу сопутственна“, остановилъ на этомъ рѣчь; то не могъ бы или нерожденность назвать сущностію Бога всяческихъ, или доказывать, что Единородный Сынъ инаковъ по самой сущности; потому что ни что сопутству-

ющее совнѣ не можетъ въ свойствахъ Отца и Сына произвести раздѣленіе по самой сущности. А теперь, присовокупленіемъ: „лучше же сказать, это и есть нерожденная сущность“, показалъ, что нерожденность есть то же, что и Богъ. Сколько это содѣйствуетъ ему къ постепенному его преуспѣянію въ дѣлѣ нечестія, покажу, простерши нѣсколько далѣе слово. Но сказанное имъ въ началѣ открывается изъ самой истины дѣла, какъ слѣдствіе допущеннаго прежде, приставленное же въ концѣ прибавлено отъ еретическаго мудрованія; потому что этотъ слагатель рѣчей, сдѣлавъ самый безстыдный скачекъ, поправилъ рѣчь свою. Ибо какъ то же самое и сопутственно Богу и тождественно съ Нимъ, когда всякому извѣстно, что сопутствующее инаково съ тѣмъ, чему сопутствуетъ? А онъ, какъ бы захвативъ себѣ какую дорогу, послѣ того, какъ хищнически ухватился за слово, поступаетъ отъ сего къ доказательству, что нерожденность есть сущность Бога всяческихъ, чтобы, доказавъ сіе, имѣть безспорно признаннымъ другое положеніе, а именно, что Единородный не одинаковъ съ Отцемъ по сущности. Смотрите же, что говоритъ.

Евн. Думаемъ же, что, именуя нерожденнымъ, должны мы чествовать не однимъ именемъ, по человѣческому примышленію, но воздавать Ему изъ всѣхъ необходимѣйшій Богу долгъ, то есть, исповѣданіе Бога тѣмъ, что Онъ дѣйствительно. Ибо сказуемое по примышленію, имѣя свое бытіе въ однихъ наименованіяхъ и произношеніи оныхъ, обыкновенно, вмѣстѣ съ выговореннымъ словомъ и разсѣвается.

Вас. Отрицаетъ, чтобы нерожденное умопредставляемо было въ Богѣ по примышленію, полагая, что чрезъ это облегчитъ для себя доказательство положенія,—что нерожденность есть сущность Божія, а изъ него неоспоримо докажетъ другое положеніе, что Единородный Сынъ неодинаковъ съ Отцемъ по самой сущности. Посему привязывается къ реченію „примышленіе“, какъ вовсе ничего не означающему, но имѣющему свою самостоятельность въ одномъ произношеніи, и повидимому утверждаетъ, что не достойно Бога—чествовать Его примышленіями. Но я не утверждаю, по примышленію, или нѣтъ, умопредставляемо нерожденное, пока не узнаю того чрезъ самое изслѣдованіе слова.

Желалъ бы, впрочемъ, спросить у него: что значитъ это самое слово: „примышленіе“ (ἐπίνοια)? Ужели это имя совершенно ничего не означаетъ, и есть одинъ звукъ, понапрасну срывающійся съ языка? Но подобное сему лучше было бы назвать не примышленіемъ, а бредомъ и пустословіемъ. Если же согласится, что примышленіе означаетъ нѣчто, но только совершенно ложное и несуществующее, какъ напримѣръ въ баснотворствѣ воображеніе какихъ нибудь кентавровъ и химеры, то какъ же означаемая ложь исчезаетъ вмѣстѣ съ гортаннымъ звукомъ? Хотя слово совершенно разливается въ воздухѣ, однако же ложныя понятія

остаются въ мысли. Когда душа, наполнившись совершенно ложными и пустыми представленіями, въ сонныхъ ли то мечтаніяхъ, или въ суетныхъ движеніяхъ ума, удержитъ ихъ въ памяти, и потомъ рѣшится выразить посредствомъ голоса; вмѣстѣ съ произнесеніемъ слова не уничтожаются и представленія. Ибо весьма справедливо было бы говорить ложь, если бы самая природа лжи истреблялась тѣмъ, что ложь выговорена. Но сего не бываетъ на дѣлѣ.

Остается показать, какъ и о какихъ предметахъ пользуется примышленіемъ общее обыкновеніе, и какъ употребленіе онаго принято Божіимъ словомъ.

Видимъ, что, когда при внезапномъ устремленіи ума представляющееся простымъ и единичнымъ, при подробнѣйшемъ изслѣдованіи, оказывается разнообразнымъ, тогда о семъ множественномъ, удобораздѣляемомъ мыслію, по общему словоупотребленію говорится, что оно удобораздѣлимо однимъ „примышленіемъ“; напримѣръ: съ перваго взгляда кажется тѣло простымъ, но приходитъ на помощь разумъ и показываетъ, что оно многообразно, примышленіемъ своимъ разлагая его на входящіе въ составъ: его цвѣтъ, очертаніе, упорство, величину и прочее. Опять и о предметахъ, вовсе не имѣющихъ самостоятельности, но воображаемыхъ по какому-то живописанію ума и одному представленію мысленному, каковое построеваютъ по примышленію баснотворцы и живописцы на удивленіе людямъ, по общему обыкновенію говорится, что и они умопредставляемы.

Евномій же, не упомянувъ ни о чемъ этомъ, по невѣжеству ли, или по злонамѣренности, предложилъ намъ свое умствованіе объ одномъ примышленіи предметовъ неосуществленныхъ. Да и то протолковалъ, не какъ бываетъ въ природѣ. Ибо говоритъ, что примышленіе ничего не означаетъ, даже и ложнаго, но есть имя безъ всякаго значенія и имѣющее самостоятельность въ одномъ произношеніи голосомъ. Между тѣмъ это имя: „примышленіе“, прилагать къ однимъ пустымъ и не имѣющимъ самостоятельности представленіямъ вовсе несправедливо, потому что примышленіемъ также называется подробнѣйшее и точнѣйшее обдумываніе представленнаго, которое слѣдуетъ за первымъ чувственнымъ представленіемъ; почему въ общемъ употребленіи называется оно размышленіемъ (ἐπιλογισμὸς), хотя не собственно. Напримѣръ: у всякаго есть простое представленіе о хлѣбномъ зернѣ, по которому узнаемъ видимое нами. Но при тщательномъ изслѣдованіи сего зерна входитъ въ разсмотрѣніе многое, и даются зерну различныя именованія, обозначающія представляемое. Ибо одно и то же зерно называемъ то плодомъ, то сѣменемъ, то еще пищею;—плодомъ, какъ цѣль предшествовавшаго земледѣлія, сѣменемъ, какъ начало будущаго, пищею, какъ нѣчто пригодное къ приращенію

тѣла у вкушающаго. Каждое изъ сихъ сказуемыхъ и по примышленію умопредставляется, и не исчезаетъ вмѣстѣ съ гортаннымъ звукомъ, но представленія сіи укореняются въ душѣ помыслившаго. Однимъ словомъ, обо всемъ, что познается чувствомъ и въ подлежащемъ кажется чѣмъ-то простымъ, но по умозрѣнію принимаетъ различныя понятія, говорится, что оно умопредставляемо по примышленію.

И въ Божьемъ словѣ находимъ, что подобнымъ образомъ употребляется „примышленіе“. Прейду молчаніемъ прочее, хотя и многое могъ бы сказать; упомяну же только объ одномъ, что всего ближе идетъ къ дѣлу. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говоритъ о Себѣ, открывая людямъ человѣколюбіе Божества и благодать домостроительства, обозначилъ сіе различными свойствами, въ Немъ Самомъ умопредставляемыми, называя Себя дверію (Іоан. 10, 9), путемъ (14, 6), хлѣбомъ (6, 51), лозою виноградною (15, 10), пастыремъ (10, 11), свѣтомъ (8, 12); не потому что Онъ многоимененъ,—ибо не всѣ имена имѣютъ между собою одно и то же значеніе, и иное значеніе свѣта, иное—лозы виноградной, иное—пути, иное—пастыря; но потому что, въ подлежащемъ будучи единымъ, одною простою и несложною сущностію, именуетъ Себя въ одномъ мѣстѣ такъ, въ другомъ иначе, примѣняя къ Себѣ по примышленіямъ названія между собою различныя. Ибо, по различію дѣйствованій и по различному отношенію къ облагодѣтельствованнымъ, прилагаетъ Себѣ и разныя имена. Онъ называетъ Себя свѣтомъ міра, означая симъ именемъ неприступность славы въ Божествѣ, и поназывая Его сими именами по различнымъ примѣненіямъ. Ибо, когда душевное око; называетъ Себя лозою виноградною, потому что укоренившихся въ Немъ вѣрою питаетъ плодоношеніями добрыхъ дѣлъ; называетъ Себя хлѣбомъ, потому что Онъ есть пища разумнаго существа, самая свойственная къ поддержанію состава души и къ сохраненію ея свойства, всегда восполняющая собою оскудѣвающее и не попускающая душѣ впадать въ немощь, происходящую отъ неразумія. Такимъ образомъ, кто разсмотритъ каждое изъ сихъ именъ, тотъ найдетъ различныя примышленія, тогда какъ во всѣхъ, по сущности, одно подлежащее. Кто же изострилъ до такой степени языкъ свой на хулы, что осмѣлится сказать, будто бы сіи примышленія разсѣваются вмѣстѣ съ произносимыми словами?

Что несообразнаго, если и о Богѣ всяческихъ возмется что также по примышленію, и во-первыхъ, то самое, около чего обращается все наше слово? Ибо нигдѣ не найдемъ, чтобы иначе употреблялось слово: „нерожденное“. Говоримъ, что Богъ всяческихъ нетлѣненъ и нерожденъ, называя Его сими именами по различнымъ примѣненіямъ. Ибо, когда обращаемъ взоръ на прошедшіе вѣка, и находимъ, что жизнь Божія про-

стирается далѣе всякаго начала, тогда называемъ Бога нерожденнымъ; а когда простираемся умомъ въ грядущіе вѣка, тогда никакимъ предѣломъ необъемлемаго, безпредѣльнаго, безконечнаго, называемъ нетлѣннымъ. Посему, какъ нескончаемость жизни называется нетлѣніемъ, такъ безначальность оной—нерожденностію, если то и другое умопредставляемъ примышленіемъ. Какое же понятіе прекословитъ тому, чтобы и оба сіи именованія были примышлены, и исповѣдуемо было то, что дѣйствительно принадлежитъ Богу? Но Евномій, какъ совершенно противоборствующія и непримиримыя, раздѣляетъ между собою два сіи дѣйствія, именно: наименовать Бога чѣмъ нибудь по примышленію, и исповѣдать Его тѣмъ, что Онъ дѣйствительно.

Не прейдемъ же молчаніемъ и того, какая личина благоговѣнія, на погибель слышащихъ, примышлена имъ въ этихъ словахъ:

Евн. Не по примышленію человѣческому чествовать Бога именованіемъ нерожденнаго, но воздавать Ему изъ всѣхъ необходимѣйшій долгъ въ исповѣданіи Его тѣмъ, что Онъ дѣйствительно.

Вас. Какое слово, по достоинству, можетъ выразить ухищренія этой изворотливости! Старается устрашить людей простодушныхъ, что они не воздадутъ Богу должнаго, если не будутъ Его исповѣдывать нерожденною сущностію, и исполненіемъ долга называетъ собственное свое нечестіе, опасаясь подать мысль, что говоритъ нѣчто отъ себя, но внушая, что воздаетъ необходимо-должное Богу. И всѣмъ прочимъ доказываетъ, что, нерожденность внося въ сущность, не подпадутъ отвѣтственности и будутъ прощены; а если будутъ понимать иначе, благочестивымъ образомъ, то навлекутъ на себя неумолимый гнѣвъ, какъ вознерадѣвшіе воздать самый давній и необходимый изъ всѣхъ долговъ.

Посему охотно спросилъ бы я его: въ разсужденіи ли всего сказуемаго о Богѣ одинаково хранитъ онъ такую благопризнательность, или въ разсужденіи одного только сего реченія? Ибо, если вовсе ничего не умопредставляетъ по примышленію, чтобы не показаться чествующимъ Бога человѣческими наименованіями; то подобнымъ образомъ все сказуемое о Богѣ будетъ признавать сущностію. Поэтому, какъ же не смѣшно сказать, что творчество есть сущность; или промыслительность, или также, предвѣдѣніе опять сущность; и вообще всякое дѣйствованіе назвать сущностію? И если сіи именованія ведутъ къ одному значенію; то по всей необходимости они равносильны между собою, какъ видимъ сіе во многоименныхъ, когда, напримѣръ, одного и того же называемъ и Симономъ, и Петромъ, и Кифою. Слѣдственно, кто услышалъ о неизмѣняемости Божіей, тотъ будетъ приведенъ и къ понятію нерожденности. И кто услышалъ о нераздѣльности, тотъ дойдетъ до понятія творчества. И что можетъ быть нелѣпѣе такой слитности, когда отнявшій у

каждаго имени собственное его значеніе, даетъ законы вопреки общему употребленію и ученію Духа? Когда слышимъ о Богѣ, что „вся премудростію сотворилъ есть“ (Псал. 103, 24); познаемъ Его зиждительное художество. Когда слышимъ, что отверзаетъ руку Свою, и исполняетъ „всяко животно благоволенія“ (Псал. 184, 16); познаемъ на всѣхъ простирающійся Промыслъ. Когда слышимъ, что „тму положи за кровъ Свой“ (Псал. 17, 12); уразумѣваемъ невидимость Его естества. И опять, слыша сказанное отъ лица Божія: „Азъ есмь, и не измѣняюся“ (Малах. 3, 5), познаемъ всегдашнее тождество и непревратность Божіей сущности. Итакъ—не явное ли безуміе утверждать, что нѣтъ у каждаго имени собственнаго своего значенія, но что всѣ имена, вопреки ихъ силѣ, равнозначительны между собою?

Потомъ, если и уступимъ это, и въ такомъ случаѣ нисколько не послужитъ сіе къ ихъ цѣли. Ибо, если все это, разумѣю неизмѣняемость, невидимость, нетлѣніе, будучи взято о Богѣ и Отцѣ, означаетъ Его сущность, то очевидно, подобнымъ образомъ, будучи взято и объ Единородномъ Сынѣ и Богѣ, должно означать сущность. Ибо невидимымъ, неизмѣняемымъ, нетлѣннымъ, нераздѣльнымъ, и всѣми подобными тому именами называемъ и Единороднаго Сына. И такимъ образомъ мудрость ихъ обратится въ нѣчто противоположное. Ибо не столько можно будетъ доказывать не одинаковость по сущности изъ различія въ одномъ наименованіи, сколько общеніе во многомъ, по той же необходимости, вслѣдствіе допущеннаго, заставить ихъ признать одинаковость.

А если скажетъ, что такое благоговѣніе соблюдаетъ въ разсужденіи одного слова: „нерожденный“, съ прочими же обходится безъ осторожности; то опять спросимъ его: по какому жребію, когда сказуемыхъ о Богѣ такъ много, въ одномъ только этомъ показываетъ тщательность, и имъ однимъ воздаетъ Ему долгъ, исповѣдуя Бога тѣмъ, что Онъ дѣйствительно, но отказывается [1]) чествовать другими, весьма многими человѣческими примышленіями? Кто долженъ многимъ, а отдаетъ одно, тотъ не столько чрезъ это признателенъ, сколько въ крайней степени непризнателенъ, чрезъ удержаніе у себя большаго.

Такъ Евномій, подобно хитрымъ животнымъ, уловляется собственными своими ухищреніями, тѣмъ самымъ наиболѣе изобличаемый, чѣмъ старается прикрыться. Но посмотрите, каково продолженіе его слова. Доказавъ, какъ онъ думаетъ, что нерожденности невозможно постигнуть примышленіемъ, присовокупляетъ:

---

[1]) Гарніеръ предпочитаетъ чтеніе: μὴ παραιτεῖσθαι (не отказывается), и съ большою натяжкою усиливается навести смыслъ, согласный съ симъ чтеніемъ. Но естественный порядокъ рѣчи требуетъ отказаться отъ сего чтенія съ отрицаніемъ: μὴ.

Евн. Но и не въ смыслѣ лишенія, если только подъ лишеніями разумѣть лишенія чего либо естественнаго, и притомъ позднѣйшія имѣній.

Вас. Не трудно доказать, что говоритъ занятое у мірской мудрости, что ею сведенъ съ ума, и вдался въ такія новизны понятій. Ибо это Аристотелевы понятія объ имѣніи и лишеніи, какъ скажутъ читавшіе Аристотелево сочиненіе, надписанное: Категоріи; Аристотель говоритъ, что лишенія позднѣе имѣній. А намъ, доказавъ, что говоритъ онъ не по ученію Духа, а по мудрости князей вѣка сего, достаточно обратить къ нему сказанное въ псалмѣ: „повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія, но не якоже законъ Твой, Господи“ (Псал. 118, 85); и узнавъ, что сказанное имъ взято не изъ ученій Господа нашего Іисуса Христа, достаточно припомнить ему слово Господне: „егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ“ (Іоан. 8, 44), и такимъ образомъ избавить себя отъ многихъ словъ, чрезъ это самое сдѣлавъ для многихъ очевиднымъ, что у насъ никакого нѣтъ съ ними общенія; ибо „кое согласіе Христови съ веліаромъ? или кая часть вѣрну съ невѣрнымъ“ (2 Кор. 6, 15)? Но чтобы не показалось, что по недостатку обличеній прибѣгаемъ къ молчанію, побесѣдуемъ кратко и объ этомъ.

Изъ сказуемаго о Богѣ многое, Евномій, какъ видимъ, произносится подобнымъ образомъ, напримѣръ: нетлѣнный, безсмертный, невидимый. А полагаемъ, что того же вида и слово: „нерожденный“. Если иные именуютъ подобныя слова означающими лишеніе, то не намъ разсуждать о семъ; мы не знаемъ реченій принятыхъ наукою и не гоняемся за знающими. Впрочемъ, къ какому бы разряду ни относили исчисленныя нами слова, скажемъ, что къ тому же принадлежитъ и наименованіе: „нерожденный“. Посему какъ нетлѣнность означаетъ, что въ Богѣ нѣтъ тлѣнія; невидимость,—что Богъ превосходитъ всякое постиженіе очей; безтѣлесность,—что сущность Божія не имѣетъ трехъ измѣреній, безсмертіе,—что къ Богу не прикоснется разрушеніе: такъ и нерожденность, говоримъ мы, означаетъ, что въ Богѣ не имѣетъ мѣста рожденіе. Если же ни одно изъ тѣхъ наименованій не означаетъ лишенія; то не означаетъ сего и послѣднее. А если о тѣхъ именахъ соглашаешься, что ими выражается лишеніе, объ именованіи же „нерожденный“ не уступаешь сего; то скажи, какого предшествовавшаго имѣнія лишеніе выражается безсмертіемъ? Почему сіе именованіе не имѣетъ равной силы съ именованіемъ: „нерожденность“? Но онъ злоухищряется надъ этимъ однимъ реченіемъ, потому что на немъ держатся начала его нечестія. Но чтобы хитрость его стала явною, поступите такъ. Тѣ же самыя понятія, которыя пускаетъ онъ въ ходъ о нерожденности, а именно, что благословно сказуется сіе о Богѣ не по человѣческому примышленію и не въ смыслѣ лишенія, перенеся на что либо другое изъ сказуемаго о Богѣ, смотрите,

что выйдетъ. Ибо найдете, что они въ точности примѣняются къ каждому. И, если угодно, приложимъ ихъ къ имени: „нетлѣнность“, перенеся собственное его реченіе. Думаемъ, что, именуя нетлѣннымъ, должны мы чествовать не по человѣческому примышленію, но воздавать Ему изъ всѣхъ необходимѣйшій долгъ, то есть, исповѣданіе Его тѣмъ, что Онъ дѣйствительно; но и не въ смыслѣ лишенія, если только подъ лишеніями разумѣть лишенія чего либо естественнаго, и при томъ позднѣйшія имѣній. Почему, болѣе прилично такъ умствовать о нерожденности, нежели о нетлѣнности и вообще о каждомъ словѣ, произносимомъ тѣмъ же образомъ? Но ни одно изъ прочихъ слово не благопріятствуетъ такъ его нечестію; поэтому о другихъ не упоминаетъ, хотя тысячи есть сказуемыхъ о Богѣ.

Дѣло же въ томъ: Нѣтъ ни одного имени, которое бы, объявъ все естество Божіе, достаточно было вполнѣ его выразить. Но многія и различныя имена, взятыя въ собственномъ значеніи каждаго, составляютъ понятіе, конечно, темное и весьма скудное въ сравненіи съ цѣлымъ, но для насъ достаточное. Изъ именъ же, сказуемыхъ о Богѣ, одни показываютъ, что въ Богѣ есть, а другія напротивъ, чего въ Немъ нѣтъ. Ибо сими двумя способами, то есть, отрицаніемъ того, чего нѣтъ, и исповѣданіемъ того, что есть, образуется въ насъ какъ бы нѣкоторое отпечатлѣніе Бога. Напримѣръ, когда называемъ нетлѣннымъ, какъ бы такъ говоримъ себѣ или слушающимъ: „не думай, что Богъ подлежитъ тлѣнію“; и когда называемъ невидимымъ, какъ бы говоримъ: „не предполагай, что Онъ постижимъ чувствомъ зрѣнія“; и когда—безсмертнымъ: „не держись мысли, что смерть можетъ прикоснуться къ Богу“. А также, когда называемъ нерожденнымъ; говоримъ: „не думай, чтобы Божіе бытіе зависѣло отъ какой нибудь причины, или отъ какого либо начала“. И вообще, каждымъ изъ сихъ именованій научаемся—въ мнѣніяхъ о Богѣ не впадать въ неприличныя понятія. Поэтому, чтобы узнать преимущественное свойство Божіе, запрещаемъ другъ другу въ сужденіяхъ о Богѣ переносить мысль, куда не должно, чтобы люди никакъ не подумали, будто бы Богъ въ ряду или тлѣнныхъ, или видимыхъ, или рожденныхъ. Такимъ образомъ, всѣми сими запретительными именованіями производится какъ бы нѣкое отрицаніе чуждаго Богу, по мѣрѣ того, какъ уясняется мысль, и отдаляетъ отъ себя помышленія о непринадлежащемъ Богу. Опять, называемъ Бога благимъ, праведнымъ, творцемъ, судіею, и даемъ Ему подобныя сему именованія.

Какъ въ прежнихъ именованіяхъ слова означали нѣкое отмѣненіе и запрещеніе понятій чуждыхъ Богу; такъ здѣсь они означаютъ подтвержденіе и осуществленіе свойственнаго Богу и приличнымъ образомъ о Немъ умопредставляемаго. Поэтому каждый видъ именованій

научаетъ насъ или о принадлежащемъ Богу, что оно есть въ Богѣ, или о непринадлежащемъ, что сего нѣтъ. А „нерожденность“ имѣетъ значеніе непринадлежащаго; ибо показываетъ, что рожденность Богу не принадлежитъ. Угодно ли же кому назвать это означающимъ лишеніе, или запретительнымъ, или отрицательнымъ, или чѣмъ подобнымъ, спорить о томъ не будемъ. Но что нерожденность имѣетъ значеніе не существующаго въ Богѣ,—какъ думаю, достаточно объяснено это въ сказанномъ доселѣ! Сущность же не есть что либо изъ непринадлежащаго Богу, но самое бытіе (τὸ εἶναι) Божіе; и причислять ее къ не сущему въ Богѣ—крайній верхъ безумія. Ибо, если сущность въ числѣ не сущихъ, то едва ли что другое изъ сказуемаго о Богѣ будетъ въ числѣ сущихъ. Но доказано, что нерожденность—въ числѣ непринадлежащаго; поэтому лжетъ утверждающій, что слово сіе выражаетъ самую сущность.

Но Евномій, какъ чѣмъ-то нелѣпымъ, огорчаясь тѣмъ, что сказуется о Богѣ въ смыслѣ лишенія, прибѣгаетъ, конечно, къ мысли болѣе благочестивой: нерожденность включить въ самую сущность, и, приводя рѣчь свою въ краткія выраженія, пишетъ такъ:

Евн. Итакъ, если не по примышленію, не въ смыслѣ лишенія, не какъ часть (потому что недѣлимъ), не какъ что нибудь иное въ Немъ самомъ (потому что простъ), не какъ что нибудь иное съ Нимъ (потому что нерожденный единъ и единственъ), то это и будетъ нерожденная сущность.

Вас. Довелъ слово, куда хотѣлъ, и, понятіе нерожденности отдѣливъ отъ всего, совключилъ, какъ думаетъ, въ самую сущность, сказавъ о Богѣ всяческихъ, что это и есть нерожденная сущность. А я сказалъ бы, что сущность Божія нерожденна, но не сказалъ бы, что нерожденность есть сущность. Притомъ, достойно замѣчанія и то, что недѣлимость и простоту, свойства по понятію тождественныя (ибо недѣлимо, что не состоитъ изъ частей, и также просто, что не составлено изъ многаго). Евномій различаетъ между собою въ подлежащемъ, какъ нѣчто различное. Потомъ дѣлаетъ онъ запрещеніе, что не должно Бога дѣлить, и иное предполагать въ Немъ нерожденнымъ, а иное рожденнымъ, и также думать, что нерожденность включается въ Немъ, какъ нѣчто другое. Но обличать пустоту сихъ словъ не беру на себя труда; ибо кто споритъ съ пустословомъ, тотъ, обыкновенно, самъ ему уподобляется нѣсколько. Почему, думаю, и мудрый Соломонъ совѣтуетъ не отвѣчать „безумному по безумію его“ (Притч. 26, 4). Евномій ввелъ въ дѣленіе слова неупотребляемыя и нигдѣ неупотребленныя, чтобы показать, что, изъ многихъ исчисленныхъ сказуемыхъ, единственнымъ только образомъ собственно находитъ сказуемымъ: нерожденность. Но можетъ быть, и у насъ потребовалось бы продолжительное слово для обнаруженія лжи и для пока-

занія, что нерожденность не есть сущность Божія, если бы не было ясно раскрыто исчисленное имъ въ дѣленіи. Ибо, если бы твердо было его положеніе, что нерожденность берется не по примышленію и не въ смыслѣ лишенія; и въ такомъ случаѣ выводъ его вовсе не имѣлъ бы строгой послѣдовательности. Что за необходимость—нерожденности подходить подъ одно изъ исчисленныхъ понятій? Напротивъ того, поелику онъ, какъ необходимое связанное съ предъидущимъ, присовокупляетъ: „итакъ, если не по примышленію, и не въ смыслѣ лишенія, и не по иному какому нибудь изъ исчисленныхъ способовъ; то это и будетъ нерожденная сущность"; мы, обративъ его рѣчь, скажемъ: „итакъ, поелику нерожденность умопредставляется по примышленію и есть имя, означающее лишеніе; то она не сущность Божія". Ибо, когда не опровергнетъ сказаннаго и не придастъ твердости своимъ положеніямъ, не будетъ имѣть мѣста и его заключеніе.

Вообще же, какая гордость и надменность думать, что найдена самая сущность Бога всяческихъ! Ибо затмѣваютъ почти велерѣчіемъ и самого сказавшаго: „выше звѣздъ поставлю престолъ мой" (Иса. 14, 13), которые не на звѣзды или на небо покушаются взойдти, а хвалятся проникнуть въ самую сущность Бога всяческихъ. Ибо станемъ у него допытываться, какъ онъ достигъ до уразумѣнія сущности? Ужели изъ общаго понятія? Но оно открываетъ намъ только бытіе Божіе, а не—что такое Богъ. Или изъ ученія Духа? Но какое же это ученіе? Гдѣ оно изложено? Великій Давидъ, которому Богъ „явилъ безвѣстная и тайная премудрости Своея" (Псал. 50, 8), не ясно ли исповѣдуетъ неприступность вѣдѣнія, когда говоритъ: „удивися разумъ Твой отъ мене, утвердися, не возмогу къ нему" (Псал. 138, 6)? А Исаія, созерцавшій славу Божію, что открылъ намъ о сущности Божіей? Въ пророчествѣ своемъ о Христѣ свидѣтельствуетъ онъ, говоря: „родъ же Его кто исповѣстъ" (Иса. 53, 8)? А „сосудъ избранъ" (Дѣян. 9, 15), Павелъ, имѣвшій „глаголавшаго" въ себѣ „Христа" (2 Кор. 13, 3), восхищенный до третіяго неба и слышавшій „неизреченны глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати" (2 Кор. 12, 4), какое оставилъ намъ ученіе о сущности Божіей? Когда прозрѣлъ онъ въ частные законы домостроительства, какъ бы пришедши въ круженіе отъ неисходности умозрѣнія, возгласилъ такое слово: „о глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его" (Рим. 11, 33). Но если сіе недоступно и достигшимъ въ мѣру вѣдѣнія Павлова; то какое киченіе въ хвалящихся, что знаютъ сущность Божію!

Я охотно спросилъ бы ихъ о землѣ, на которой они стоятъ и изъ которой сотворены. Что они скажутъ? Какую объявятъ намъ сущность земли, чтобы мы, если скажутъ что нибудь неоспоримое о дольнемъ и

подъ ногами лежащемъ, повѣрили имъ и въ томъ случаѣ, когда простираются за предѣлы всякаго понятія? Посему, какая же сущность земли, и какой способъ постиженія? Пусть отвѣтятъ намъ, слово ли открыло ее, или чувство? Если скажутъ: чувство, то какимъ изъ чувствъ постижима сія сущность? Зрѣніемъ ли? Но оно принимаетъ впечатлѣнія отъ цвѣтовъ. Или осязаніемъ? Но оно различаетъ жидкость или мягкость, теплоту или холодъ, и тому подобное; а никто не назоветъ ничего этого сущностью, развѣ впадетъ въ крайнее безуміе. О вкусѣ же и обоняніи нужно ли что и говорить? Одинъ пріемлетъ впечатлѣнія отъ соковъ, другое—отъ запаховъ. А слухъ ощущаетъ звуки и слова, не имѣющія никакого сродства съ землею. Итакъ остается имъ сказать, что сущность земли открыта словомъ. Какимъ же словомъ? Гдѣ оно въ Писаніи? Кѣмъ изъ святыхъ предано? Повѣствовавшій намъ о твореніи научаетъ насъ тому только, что „въ началѣ сотвори Богъ небо и землю: земля же бѣ невидима и неустроена“ (Быт. 1, 1. 2). Онъ почелъ достаточнымъ возвѣстить, Кто сотворилъ и украсилъ землю, а какова ея сущность, объ этомъ отказался входить въ изслѣдованіе, какъ о дѣлѣ напрасномъ и безполезномъ для слушающихъ. Итакъ, если познаніе сей сущности не подтверждается ни свидѣтельствомъ чувства, ни ученіемъ слова, то откуда еще, скажутъ, постигнута ими сущность? Ибо постигаемое въ землѣ чувствомъ есть или цвѣтъ, или объемъ, или тяжесть, или легкость, или связность, или сыпучесть, или упорство, или мягкость, или холодность, или теплота, или качества во влагахъ, или различія въ очертаніи. Но ни чего этого не назовутъ сущностію и они сами, хотя готовы все утверждать. Опять нѣтъ о ней умозрѣній ни въ какомъ словѣ мудрыхъ и блаженныхъ мужей. Поэтому какой еще остается образъ познанія? Пусть отвѣчаютъ намъ сіе тѣ, которые презираютъ все, что у нихъ подъ ногами, проходятъ мимо небо и всѣ премірныя силы, касаются же умомъ самой первой сущности. Но кажется, что гордыня есть самая тяжкая изъ всѣхъ человѣческихъ страстей, и тѣхъ, въ комъ она есть, дѣйствительно подвергаетъ одному осужденію съ діаволомъ. По сей-то гордынѣ и они, не зная даже того, какова природа попираемой ими земли, хвалятся, что проникли въ самую сущность Бога всяческихъ.

Богъ и святымъ Своимъ, Аврааму, Исааку и Іакову, именоваться Богомъ которыхъ, по причинѣ совершенства ихъ во всякой добродѣтели, какъ нѣчто преимущественное и приличное Своему величію, предпочиталъ Онъ, Самъ Себя называя Богомъ Авраамовымъ, Богомъ Исааковымъ и Богомъ Іаковлевымъ (ибо говоритъ: „сіе Мое есть имя вѣчное и память родомъ родовъ“, Исход. 3, 15),—Богъ и имъ не явилъ Своего имени, а тѣмъ паче не открылъ Своей сущности, что она такое. Ибо говоритъ: „Азъ Господь: и явихся Аврааму, и Исааку, и Іакову, Богъ сый ихъ, и

имене Моего не явихъ имъ“ (Исх. 5, 3),—не явилъ по тому, очевидно, что оно выше, нежели сколько можетъ вмѣстить человѣческій слухъ.

Но видно, Евномію Богъ показалъ не только имя, но и самую сущность Свою. И столь великую тайну, не явленную никому изъ святыхъ, Евномій обнародываетъ, пиша въ книгахъ, и безъ осмотрительности изрекаетъ всѣмъ людямъ! И уготованное намъ по обѣтованіямъ—выше всякаго человѣческаго вѣдѣнія (1 Кор. 2, 9), „и миръ Божій превосходитъ всякъ умъ“ (Фил. 4, 7). А онъ не допускаетъ, что сама сущность Божія выше всякаго ума и выше всякаго человѣческаго вѣдѣнія.

Но я думаю, что постиженіе сущности Божіей выше не только человѣковъ, но и всякой разумной природы; подъ разумною же природой разумѣю теперь природу тварную. Ибо токмо Сыну и Святому Духу вѣдомъ Отецъ; потому что „никто же знаетъ Отца, токмо Сынъ“ (Матѳ. 11, 27). И: „Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія. Никто же“, сказано, „вѣсть, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка живущій въ немъ. И Божія никтоже позна, точію Духъ, Иже отъ Бога“ (1 Кор. 2, 10).

Посему, какое же преимущество оставятъ вѣдѣнію Единороднаго или Духа Святаго, если сами постигаютъ самую сущность? Ибо, конечно, не созерцаніе могущества, благости и премудрости Божіей удѣливъ Единородному, признаютъ соразмѣрнымъ съ силами своими понятіе сущности. Совершенно противное сему согласно съ разумомъ, а именно, что самая сущность никому неудобозрима, кромѣ Единороднаго и Духа Святаго, а мы, возводимые дѣлами Божіими, и изъ твореній уразумѣвая Творца, пріобрѣтаемъ познаніе о Его благости и премудрости. Это и есть „разумное Божіе“ (Рим. 1, 19), что „Богъ явилъ есть“ всѣмъ человѣкамъ.

А если что у богослововъ написано, повидимому, о сущности Божіей; то слова ихъ, своими переносными значеніями и иносказаніями, ведутъ къ инымъ понятіямъ. И потому, кто безъ изслѣдованія упорно будетъ останавливаться на голой буквѣ, держась перваго, представляющагося ему смысла, тотъ, вдавшись въ іудейскія и бабіи басни, состарѣется въ совершенной скудости достолѣпныхъ понятій о Богѣ. Ибо, кромѣ того, что будетъ представлять себѣ какую-то вещественную сущность Божію, и въ этомъ отношеніи войдетъ въ согласіе съ эллинскими безбожниками, онъ предположитъ еще, что сущность сія разнообразна и сложна. Поелику пророкъ описываетъ, что Богъ „отъ чреслъ въ верхъ“ илектровиденъ, а „отъ чреслъ до низу“ состоитъ изъ огня (Іезек. 8, 2); то не восходящій отъ буквы къ высшимъ понятіямъ, но останавливающійся на чувственныхъ изображеніяхъ Писанія, и наученный Іезекіилемъ, что такова сущность Божія, услышитъ еще у Моисея, что Богъ есть „огнь“ (Второз. 4, 24). Премудрый Даніилъ приведетъ его къ инымъ предполо-

женіямъ, и такимъ образомъ окажется, что онъ изъ Писанія собираетъ представленія не только ложныя, но и одно другому противорѣчащія.

Поэтому, оставивъ пытливыя изслѣдованія о сущности, какъ дѣло недоступное, надобно покориться простому увѣщанію Апостола, который говоритъ: прежде всего „вѣровати подобаетъ, яко есть“ Богъ, „и взыскающимъ Его мздовоздаятель бываетъ“ (Евр. 11, 6). Ибо ко спасенію насъ приводитъ не изслѣдованіе, что такое Богъ, но исповѣданіе, что Богъ „есть“.

Итакъ, поелику доказано, что сущность Божія для природы человѣческой недомыслима и совершенно неизреченна; то остается объяснить, что такое нерожденность Божія, и какъ разсматривается она въ Богѣ всяческихъ. Съ помощію разсужденія находимъ, что понятіе нерожденности появляется у насъ при изслѣдованіи не того, что такое есть Богъ, а скорѣе (скажу свою мысль, когда къ тому вынужденъ) при изслѣдованіи того, какъ онъ есть. Ибо умъ нашъ, изъискивая о Богѣ, Иже „надъ всѣми“, имѣетъ ли Онъ какую высшую Себя причину, и потомъ, будучи не въ состояніи придумать какую либо, безначальность жизни Божіей наименовалъ нерожденностію. Какъ, разсуждая и о людяхъ, когда говоримъ, что такой-то произошелъ отъ такого-то, сказываемъ о каждомъ человѣкѣ не что такое, но откуда онъ: такъ и въ словѣ о Богѣ, реченіе „нерожденный“ означаетъ не то, что такое Онъ, но то, что Онъ ни отъ кого. Утверждаемое мною сдѣлается яснѣе изъ слѣдующаго. Евангелистъ Лука, излагая плотское родословіе Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, и отъ послѣднихъ возвращаясь къ первымъ, началъ съ Іосифа, сказавъ, что Онъ сынъ Иліевъ, а Илій сынъ Матѳановъ; а такимъ образомъ, въ обратномъ порядкѣ возводя повѣствованіе къ Адаму, когда дошелъ до самыхъ древнихъ, сказавъ, что Сиѳъ отъ Адама, а Адамъ отъ Бога, прекратилъ здѣсь восходящій рядъ, въ повѣствованіи о рожденіи каждаго не сущности показывая исчисленныхъ имъ, но представляя ближайшее начало, отъ котораго каждый произошелъ. Посему, какъ Евангелистъ сказалъ, что Адамъ отъ Бога; такъ спросимъ сами себя: отъ кого же Богъ? Не готовъ ли у каждаго въ мысли отвѣтъ, что Богъ ни отъ кого? А сіе: „ни отъ кого“, очевидно, есть безначальность; безначальность же есть нерожденность. Потому, какъ, въ разсужденіи людей, произойдти отъ кого нибудь не составляетъ сущности: такъ, и въ разсужденіи нерожденности Бога всяческихъ, нерожденности нельзя назвать сущностію; и слово: нерожденъ, то же значитъ, что—„ни отъ кого“. Кто говоритъ, что безначальность есть сущность, тотъ поступаетъ подобно человѣку, который на вопросъ: какая сущность Адама и какая его природа? отвѣтилъ бы: Адамъ не отъ сочетанія мужа и жены, а сотворенъ Божіей рукою. Но на сіе иной скажетъ: я спрашиваю у тебя, не какимъ

образомъ составился Адамъ, но въ чемъ состоитъ вещественное подлежащее человѣка, и этого ни мало не узнаю изъ твоего отвѣта. То же происходитъ и съ нами; изъ слова „нерожденный“ познаемъ болѣе, какъ Богъ есть, нежели самое естество Божіе. Однимъ словомъ, если кому угодно повѣрить истину сказаннаго нами, пусть сдѣлаетъ опытъ самъ надъ собою, доходитъ ли онъ до значенія нерожденности, когда хочетъ представить себѣ что либо изъ существеннаго въ Богѣ? Ибо примѣчаю, что какъ, простираясь мыслію въ вѣка будущіе, называемъ нескончаемою жизнь, никакимъ предѣломъ не ограничиваемую, такъ, восходя помышленіемъ, въ вѣка давніе и, какъ въ необъятное какое море, погружая взоръ въ безконечность Божіей жизни, поелику не можемъ найдти никакого начала, отъ котораго бы она произошла, но представляемъ жизнь Божію простирающеюся далѣе и далѣе внѣ всего мыслимаго, то сію безначальность жизни именуемъ нерожденностію. Ибо таково понятіе нерожденнаго—не имѣть начала бытія отъ инаго.

А Евномій, поелику нерожденность умопредставляется только въ Богѣ всяческихъ, самую злѣйшую извлекъ изъ сего хулу на Единороднаго. Ибо что говоритъ далѣе?

Евн. А будучи нерожденнымъ, по доказанному прежде, никакъ не допуститъ рожденія, такъ чтобы рожденному сообщить собственное свое естество, и будетъ далекъ отъ всякаго сравненія и общенія съ рожденнымъ.

Вас. Какая безстыдная и лукавая хула! Какой скрытный обманъ, какая многовидная лживость! Съ какою изъисканностью говоритъ о ней діавольское лукавство! Ибо, желая доказать, что единородный Сынъ и Богъ не подобенъ Богу и Отцу, умалчиваетъ объ имени Отца и Сына, разсуждаетъ же просто о нерожденномъ и рожденномъ, и, скрывая имена спасительной вѣры, передаетъ одни хульныя ученія, чтобы, по обнаруженіи нечестія на самомъ дѣлѣ, и потомъ, когда перейдетъ къ Лицамъ, казалось, что не самъ онъ злорѣчитъ, но что хула предуготовлена самою послѣдовательностію рѣчи. Онъ говоритъ: „но будучи нерожденнымъ, будетъ далекъ отъ всякаго сравненія и общенія съ рожденнымъ“. Не сказалъ: „Отецъ и Сынъ“, но: „нерожденный и рожденный“. Таково первое его злоухищреніе; но посмотрите, каково другое. „Но будучи нерожденнымъ,—говоритъ онъ,—никакъ не допуститъ рожденія“, и присовокупляетъ такъ: „чтобы рожденному сообщить собственное свое естество“. Выраженіе: „никакъ не допуститъ рожденія“, имѣетъ два значенія: одно, что собственному его естеству не прилично рожденіе (ибо невозможно, чтобы нерожденное естество подлежало рожденію); другое, что не можетъ раждать. Такъ Евномій употребилъ сіе выраженіе въ послѣднемъ значеніи, увлекаетъ же многихъ въ свой обманъ первымъ смысломъ онаго. А

что сіе самое имѣетъ онъ въ виду, ясно показываетъ присовокупленное. Ибо, сказавъ, что „никакъ недопустить рожденія“, продолжаетъ: „такъ, чтобы рожденному сообщить собственное свое естество“. Ибо это сообразно со вторымъ понятіемъ, что не можетъ статъ Отцемъ, чтобы не сообщить рожденному собственнаго своего естества. Какое нечестіе можетъ быть нестерпимѣе этого? Изрекъ ли кто другой такую неправду въ высоту?

Боюсь, чтобы и намъ, повторяя устами чужія хулы, не осквернить своей мысли, и не сдѣлаться участниками въ ихъ осужденіи. Но меня утѣшаетъ въ Евангеліяхъ то, что и Духъ Святый не гнушался передать послѣдующимъ родамъ письменно хулу Іудеевъ на Господа, какъ на всѣ времена предавая позору ихъ хулу, такъ не нанося никакой хулы пречистой славѣ Единороднаго. Посему, если никакъ не допуститъ рожденія, то Богъ и не Отецъ и не...[1]); но лучше оставить намъ хулу сію недоговоренною. Ибо какъ Одинъ не допустилъ рожденія, такъ и Другой не пріялъ естества родившаго.

Потомъ Евномій борется самъ съ собою, придумывая новый способъ смягчить хулу, не сказавъ что либо похожее на раскаяніе, но усиливаясь послѣдующимъ прикрыть предъидущее. Ибо, что осмѣлился выговорить?

Евн. И будетъ далекъ отъ всякаго сравненія общенія съ рожденнымъ.

Вас. Но если Сыну нѣтъ сравненія съ Отцемъ, ни общенія съ Родившимъ; то солгали Апостолы, солгали Евангелія и Сама Истина, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Хотя опять прихожу въ ужасъ отъ сей хулы: однако же всякому легко примѣтить ее. Ибо, если не имѣетъ никакого сравненія съ Отцемъ, то какъ же сказалъ Филиппу: „толико время съ вами есмь, и не“ видѣлъ „еси Мене, Филиппе“ (Іоан. 14, 9.)? и: „видяй Мя видитъ Пославшаго Мя“ (12, 45.)? Ибо Того, Кто не допускаетъ никакого сравненія и не имѣлъ съ Нимъ никакого общенія, какъ могъ показать въ Себѣ Сынъ? Не чрезъ инаковое и чуждое постигается невѣдомое; но, обыкновенно, по сродному познается сродное. Такъ въ отпечаткѣ усматривается образъ напечатлѣвшаго; чрезъ изображеніе пріобрѣтается познаніе о первообразѣ, и именно, когда сличаемъ тождество въ томъ и другомъ.

Такъ, сею одною хулою отринуты всѣ изреченія, какія преданы Духомъ Святымъ въ прославленіе Единороднаго. Ибо Евангеліе учитъ, что „Сего Отецъ знамена Богъ“ (Іоан. 6, 26); и Апостолъ говоритъ: „Иже есть образъ Бога невидимаго“ (Кол. 1, 15), образъ не бездушный, не рукотворенный, не дѣло художества и примышленія, но образъ живый,

---

[1]) По всей вѣроятности, здѣсь умолчано слово: „Сынъ“, какъ показываютъ непосредственно слѣдующія за тѣмъ слова.

лучше же сказать, самосущая жизнь, образъ не въ подобіи очерталія, но въ самой сущности всегда сохраняющій неразличимость. Ибо утверждаю, что и выраженіе: „быть въ образѣ Божіи“ (Фил. 2, 6), равносильно выраженію: быть въ сущности Божіей. Ибо, какъ слова: „принялъ зракъ раба“ (ст. 7), означаютъ, что Господь нашъ родился въ сущности естества человѣческаго: такъ, конечно, и слова: „бысть въ образѣ Божіи“, показываютъ свойство Божіей сущности. Господь говоритъ: „видѣвый Мене-видѣ Отца“ (Іоан. 14, 9). А Евномій, отчуждая Единороднаго отъ Отца и совершенно отдѣляя отъ общенія съ Нимъ, всѣми силами пресѣкаетъ путь восхожденія къ вѣдѣнію, открытый намъ Сыномъ. „Вся, елика имать Отецъ, Моя суть“ (Іоан. 16, 15), говоритъ Господь. А Евномій утверждаетъ, что у Отца нѣтъ никакого общенія съ Тѣмъ, Который отъ Отца. И: „якоже Отецъ животъ имать въ Себѣ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ Себѣ“ (Іоан. 5, 26). Сему научены мы самимъ Господомъ. Чему же научаемся у Евномія? Тому, что нѣтъ никакого сравненія между Рожденнымъ и Родившимъ. Кратко сказать, однимъ симъ реченіемъ уничтожаетъ понятіе образа (εἰκών), и отвергаетъ, что Сынъ—„сіяніе и образъ (χαρακτήρ) упостаси“ (Евр. 1, 3). Ибо невозможно представить образъ несравнимаго, невозможно быть сіянію не сообщимаго по естеству.

Но Евномій держится той же уловки, говоря, что нѣтъ сравненія у нерожденнаго съ рожденнымъ, а также и у Отца съ Тѣмъ, Который отъ Отца, чтобы ту же противоположность, какая, какъ доказалъ онъ, есть въ сихъ реченіяхъ, перенести на самую сущность Отца и Сына. Но чтобы намъ, преслѣдуя всякую его хулу и стараясь подвергнуть разсмотрѣнію каждую высказанную имъ мысль, не сдѣлать слова очень длиннымъ, прейдемъ молчаніемъ все, что заключаетъ въ себѣ нечестіе, видное съ перваго взгляда, и что читателямъ ясно само собою; предложимъ же одно то, что требуетъ слова для обличенія. Ибо, различныя приводя доводы о несообщимости Сыну сущности Отца, и отовсюду, какъ полагаетъ, доказавъ неумѣстность оной, присовокупляетъ:

Евн. Ибо, конечно, не скажемъ, что у обоихъ общая сущность, и только по порядку и по преимуществамъ времени одинъ—первый, а другой вторый. Ибо въ имѣющихъ преимущество надобно быть и причинѣ преимущества. А съ сущностію Божіею не сопрягается ни время, ни вѣкъ, ни порядокъ. Ибо порядокъ—позднѣе установителя порядка; но что въ Богѣ, не приводится въ порядокъ другимъ. И время есть какое-то качественное движеніе звѣздъ; звѣзды же получили бытіе позднѣе не только нерожденной сущности и всего мысленнаго, но и первичныхъ тѣлъ. А о вѣкахъ нужно ли и говорить, когда Писаніе ясно возвѣщаетъ, что Богъ существуетъ прежде вѣковъ?

Вас. Предположивъ себѣ въ словѣ, что хотѣлъ, и взявшись за то, что сообразно съ сими предположеніями, потомъ вринувшись въ понятія несовмѣстныя, думаетъ, что симъ доказалъ необходимость согласиться на собственныя его ученія. Ибо говоритъ: „не скажемъ, что у обоихъ общая сущность, и только по порядку и по преимуществамъ времени одинъ—первый, а другой—вторый". Если онъ разумѣлъ общность сущности въ такомъ смыслѣ, что представляетъ какое-то раздѣленіе и раздробленіе предсуществовавшаго вещества въ составившихся изъ него вещахъ; то и мы сами не пріймемъ сего мнѣнія. Никакъ не пріймемъ! Даже утверждающихъ это, если есть таковые, объявляемъ не менѣе нечестивыми, какъ и утверждающихъ неподобосущіе. А если кто общность сущности беретъ такъ, что въ обоихъ умопредставляется одно и то же основаніе бытія, почему, если Отецъ, по предположенію, въ существѣ Своемъ представляется свѣтомъ, то и сущность Единороднаго признается также свѣтомъ, и какое бы ни допустилъ кто основаніе бытія въ Отцѣ, то же самое приличествуетъ и Сыну,—если, говорю, такъ берется общность сущности: то мы согласны на сіе, и утверждаемъ, что таково наше ученіе. Ибо вслѣдствіе сего и Божество едино, а именно, единство представляется въ самомъ основаніи сущности, такъ что, хотя и есть различіе въ числѣ и свойствахъ, отличающихъ каждаго, но и въ основаніи Божества умопредставляется единство.

Такимъ образомъ опредѣливъ, какъ надобно понимать общность сущности, разсмотримъ послѣдующія слова Евноміевы, какую связь имѣютъ они съ предъидущими. Евномій говоритъ: „и только по порядку и по преимуществамъ времени одинъ—первый, а другой—вторый". Какая необходимость—имѣющимъ общую сущность подчиняться порядку и быть вторыми по времени? Ибо невозможно, чтобы Богъ всяческихъ, вмѣстѣ съ Образомъ Своимъ, не во времени возсіявшимъ, не былъ отъ вѣчности, и не имѣлъ съ Нимъ соединенія внѣ предѣловъ не только времени, но и всѣхъ вѣковъ. Ибо для того назвалъ „сіяніемъ", чтобы мы представляли соединеннымъ,—„и образомъ ипостаси" (Евр. 1, 3), чтобы познавали изъ сего единосущіе. Но и порядокъ бываетъ или какой нибудь естественный, или придуманный; естественный, напримѣръ: порядокъ тварей, установленный по Творческимъ законамъ, или положеніе предметовъ исчисляемыхъ, или отношеніе причинъ къ ихъ произведеніямъ, тогда какъ напередъ уже признано, что Богъ есть Творецъ и Зиждитель самой природы; а придуманный и искусственный, напримѣръ: порядокъ въ доводахъ, въ наукахъ, въ чинахъ, въ числѣ, и въ подобномъ тому. И Евномій, утаивъ первое, упомянулъ о второмъ родѣ порядка, и говоритъ, что Богу не должно приписывать порядка, такъ какъ „порядокъ позднѣе установителя порядка". Но или не зналъ, или произ-

вольно скрылъ онъ, что есть еще родъ порядка, не нашимъ положеніемъ установляемый, но происходящій изъ самой естественной послѣдовательности, напримѣръ, между огнемъ и свѣтомъ, который отъ огня: ибо здѣсь причину мы называемъ первымъ, а что отъ причины—вторымъ, не разстояніемъ отдѣляя ихъ другъ отъ друга, но только мысленно представляя причину прежде произведенія. Поэтому есть ли какое основаніе отрицать порядокъ тамъ, гдѣ есть первое и второе, не по нашему положенію, но вслѣдствіе естественной между ними послѣдовательности? Почему же Евномій находитъ предосудительнымъ допустить порядокъ въ отношеніи къ Богу? Думаетъ: если будетъ доказано, что въ отношеніи къ Богу никоимъ инымъ образомъ невозможно представить себѣ первенства, то останется ему доказывать превосходство по самой сущности. А мы говоримъ, что въ отношеніи причины къ тому, что отъ причины, Отецъ предпоставляется Сыну; по различію же естества и по преимуществу времени, ни мало не предпоставляется; а иначе, допустивъ послѣднее отринемъ и то, что Богъ есть Отецъ; потому что инаковость по сущности отметаетъ естественное соединеніе.

Но поелику этотъ мудрый на все человѣкъ и до того простерся, что опредѣляетъ намъ природу времени, то посмотримъ, какъ и въ этомъ твердъ и осмотрителенъ умъ его. Итакъ онъ говоритъ, что время есть какое-то качественное движеніе звѣздъ, а именно: солнца, луны и всѣхъ прочихъ, которыя имѣютъ силу двигаться сами собою. Поэтому продолженіе отъ начала бытія неба и земли до сотворенія звѣздъ чѣмъ назоветъ этотъ сильный въ выспреннихъ познаніяхъ? Ибо силою Духа описавшій міротвореніе ясно говоритъ, что великія свѣтила и прочія звѣзды сотворены въ четвертый день. И вдино, не было времени въ предъидущіе дни, потому что не были еще въ движеніи звѣзды. Ибо какъ могли прійдти въ движеніе тѣ, которыя не были даже сотворены? И еще, когда Іисусъ Навинъ сражался съ Гаваонитянами, поелику солнце, связанное повелѣніемъ, пребывало неподвижно, и луна стояла на одномъ мѣстѣ, тогда ужели не было времени? Чѣмъ же назовемъ это продолженіе дня? Какое наименованіе придумаешь ему? Ибо если оскудѣла природа времени, то, очевидно, наступилъ вѣкъ. Вѣкомъ же назвать малую часть дня не значитъ ли дойдти до такого безумія, котораго и превзойдти невозможно? Но видно, по великой тонкости ума полагаетъ онъ, что день и ночь состоятъ въ качественномъ движеніи звѣздъ, и вмѣстѣ суть части времени. Почему и назвалъ время какимъ-то качественнымъ движеніемъ звѣздъ, самъ не разумѣя того, что говоритъ. Но если и наименовать такъ, то гораздо приличнѣе было бы назвать не качественнымъ, а количественнымъ. У кого же такой дѣтскій умъ, чтобы не зналъ, что дни, часы, мѣсяцы и годы суть мѣры, а не части времени? А время есть продолженіе спротяженное

Книгоиздательство П. П. Сойкина.—Спб., Стремянная, № 12.

Сочиненія АНДРЭ ЛОРИ.

Въ 9 томахъ.

Томъ I. Капитанъ Трафальгаръ. **II.** Радамехскій карликъ. **III.** Изгнанники земли. **IV.** Искатели каучука. **V.** Атлантида. **VI.** Рубинъ великаго ламы. **VII.** Тайна мага. **VIII.** Черезъ океанъ. **IX.** Наслѣдникъ Робинзона.

Цѣна за 9 томовъ (до 2000 стран. убор. печ.) на обыкн. бум. 3 руб.; въ перепл. по 3 тома 4 руб.; **на велен. бумагѣ въ 9 роскошн. перепл. 6 руб.**

Отдѣльно тома имѣются только на обыкн. бумагѣ и безъ перепл., цѣна 50 коп. за томъ, съ перес. 65 коп. Каждый томъ содержитъ въ себѣ вполнѣ законченный романъ.

Сочиненія РАЙДЕРА ХАГГАРДА.

Въ 12 томахъ.

Томъ I. Клеопатра. **II.** Эрикъ свѣтлоокій. **III.** Сердце міра. **IV.** Дочь Монтецумы. **V.** Люди тумана. **VI.** Она. **VII.** Жемчужина Востока. **VIII.** Мечта міра. **IX.** Нада. **X.** Аланъ Кватерменъ. **XI.** Завѣщаніе Мизона. **XII.** Д-ръ Терн.

Цѣна за 12 томовъ (2230 стр., съ 100 рис.) на обыкн. бум. 4 руб. 50 коп., **на велен. бум. въ роскошн. переплетахъ, тисненныхъ красками 9 руб.**

Отдѣльно тома имѣются только на обыкновен. бум. и безъ переплетовъ, цѣною по 50 коп. за томъ, съ перес. по 65 коп. Каждый томъ содержитъ въ себѣ одинъ вполнѣ законченный романъ.

Полное собраніе сочиненій МАЙНЪ-РИДА.

Въ 40 книгахъ, свыше 6000 стран. Съ альбомомъ иллюстр. **Цѣна 7 руб. Въ 10 роскошныхъ переплетахъ, тисненныхъ золотомъ и красками Цѣна 10 руб.**

Кн. 1. Жилище въ пустынѣ. 2. Изгнанники въ лѣсу. 3. На морѣ. 4. Охота на Левіаѳана. 5. На днѣ трюма. 6. Охотничьи досуги. 7. Охота на медвѣдя. 8. Перстъ судьбы. 9. Американскіе партизаны. 10 и 11. Квартеронка. 12. Дѣти лѣсовъ. 13. Приключенія молодыхъ боэровъ. 14. Охотники за растеніями. 15. Ползуны по скаламъ. 16. Охотники за скальпами. 17. Дѣвственные лѣса. 18. Гудсоновъ заливъ. 19. Стрѣлки въ Мексикѣ. 20. Оцеола, вождь Семиноловъ. 21. Эсперанса (приключенія переселенцевъ въ Южн. Африкѣ). 22. Охотники за жирафами. 23. Мальчики на сѣверѣ. 24. Приключенія Ганса Стерка, южно-африканскаго охотника и піонера. 25. Ямайскіе марроны. 26. Бѣлый вождь. 27. Водою по лѣсу. 28. Молодые невольники. 29. Дары океана. 30. Дочери скваттера. 31. Пропавшая сестра. 32. Бѣлая перчатка. 33. Охотники за бобрами. 34. Жизнь у индѣйцевъ. 35. Смертельный выстрѣлъ. 36. Островъ Борнео. 37. Всадникъ безъ головы. 38. Тропинка войны. 39. Сигналъ бѣдствія. 40. Гаспаръ гаучо.

Сочиненія ГУСТАВА ЭМАРА.

Въ 12 томахъ.

Томъ I. Твердая рука. **II.** Поклонн. змѣи. **III.** Масъ-горка. **IV.** Розасъ. **V.** Текучая вода. **VI.** Черная птица. **VII.** Искатель слѣдовъ. **VIII.** Перстъ Божій. **IX.** Карденіо. **X.** Мексиканскія ночи. **XI.** Ранчо у моста ліанъ. **XII.** Новая Бразилія.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. ДОПУЩЕНЫ въ безпл. народн. библ. и читальни.

Цѣна за 12 томовъ (3500 стр.) 4 руб. 50 коп.; **въ роскошныхъ переплетахъ 7 руб. 50 коп. тисненныхъ золотомъ и красками.**

Отдѣльно тома имѣются только безъ перепл., цѣною по 50 коп., съ перес. 65 коп. за томъ. Каждый томъ содержитъ вполнѣ законченный романъ.

Книгоиздательство П. П. Сойкина, Спб., Стремянная, 12.

При выпискѣ книгъ, одновременно на сумму 2 руб. и болѣе, пересылка безплатно. За наложен. платежъ взимается 10 коп. Наложен. платежомъ въ Азіатскую Россію книги, безъ задатка въ размѣрѣ половины стоимости, не высылаются. Стоимость книгъ можно высылать почтовыми и сберегат. марками

Объ истинномъ христіанствѣ.

Соч. Іоанна Арндта.

556 стран. больш. форм. Цѣна 2 р.

Сочиненіе Іоанна Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“ написано „не тростью руки, а кровью сердца“. Оно зоветъ читателя къ той самой живой вѣрѣ, которая побуждала автора всю жизнь безкорыстно „подвизаться подвигомъ добрымъ“ ради спасенія ближнихъ. „Въ тысячу разъ лучше“,—говоритъ онъ,—любить Христа, нежели много и толково о Немъ разсуждать“. **Познавать Христа разумомъ, по наукѣ, и въ то же время не любить Его—безполезно и даже вреднѣе для души, чѣмъ совсѣмъ не знать Его. Гдѣ нѣтъ жизни христіанской, тамъ нѣтъ Христа,** ибо не всякій говорящій: „Господи, Господи“, войдетъ въ царство небесное, а творящій волю Божію“ (Мѳ. VII. 21)—вотъ общая мысль этой прекрасной книги, которая для каждаго христіанина является учительницей горячей вѣры и самоотверженной жизни.

Гл. Упр. Военно-Уч. зав. рекомендовано въ фунд. библ. кадетск. корп. и для чтенія кадетъ VI и VII классовъ.

НОВАЯ СКРИЖАЛЬ. Полное объясненіе всѣхъ церковныхъ службъ, обрядовъ, молитвословій и предметовъ церковнаго обихода, † Архіепископа Веніамина Нижегородскаго и Арзамасскаго. Новый русскій переводъ съ 9-го изданія *К. К—го*. Въ 4-хъ частяхъ. 550 стран. **Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп., въ изящномъ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.**

„СЫНЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ“. Опроверженіе ложныхъ теорій о Лицѣ Іисуса Христа и собраніе свидѣтельствъ со стороны невѣрующихъ о высокомъ достоинствѣ характера, жизни и дѣлъ Его. Профессора, доктора богословія *Филиппа Шаффа*. **Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.**

БЕСѢДЫ ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЦЕРКВИ КЪ ХРИСТІАНАМЪ.
Профессора Кіевской Духовной Академіи *А. К. Амфитеатрова*.
Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИСТИННОСТИ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ
на основаніи буквальнаго исполненія ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ пророчествъ. Профессора, доктора богословія *Алекс. Кейта*.
Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

Типографія П. П. Сойкина. Спб., Стремянная ул., собств. д., № 12.